

Е. Е. Бондарева, Н. И. Ильинская, В. И. Мацапура

ИНТЕГРИРОВАННЫЙ КУРС
ЛИТЕРАТУРА
(русская и зарубежная)

Учебник для 7 класса
общеобразовательных учебных заведений
с обучением на русском языке

Рекомендовано Министерством образования и науки Украины

Киев
«Грамота»
2015

УДК 821(100).09(075.3)
ББК 83.3(0)я721
1-73

Авторский коллектив:

Е. Е. Бондарева — «Введение», «Из устного народного творчества и древнерусской литературы»; *Н. И. Ильинская* — «Из золотого фонда русской литературы» (М. Лермонтов), «Рассказ и новелла в русской и зарубежной литературе» (А. Чехов, О. Генри, А. Копан Дойл); *В. И. Мацапура* — «Баллада в русской и зарубежной литературе» (В. Жуковский, Ф. Шиллер), «Из золотого фонда русской литературы» (А. Пушкин, Н. Гоголь); *Г. В. Биткивская* — «Рассказ и новелла в русской и зарубежной литературе» (Дж. Олдридж), «Фантастика и романтика».

Рекомендовано Министерством образования и науки Украины
(приказ МОН Украины от 20.07.2015 г. № 777)

Издано за счёт государственных средств. Продажа запрещена

Условные обозначения:

— мой читательский опыт;

— вопросы к иллюстрациям;

— диалог с текстом;

— межпредметные связи;

— развиваем речь;

— в кругу других искусств;

— домашнее задание.

Бондарева Е. Е.

I-73 Интегрированный курс «Литература» (русская и зарубежная) : учеб. для 7 кл. общеобразоват. учеб. завед. с обуч. на рус. яз. / Е. Е. Бондарева, Н. И. Ильинская, В. И. Мацапура, Г. В. Биткивская. — К. : Грамота, 2015. — 200 с. : ил.

ISBN 978-966-349-556-9

Учебник содержит материал, соответствующий действующей программе по литературе (русская и зарубежная) для общеобразовательных учебных заведений с обучением на русском языке, — художественные произведения, теоретические сведения, теоретико-литературные понятия, методический аппарат. С целью повышения эффективности использования предложенных материалов в учебнике предусмотрены тематические рубрики.

Для учащихся, учителей, методистов.

УДК 821(100).09(075.3)
ББК 83.3(0)я721

ISBN 978-966-349-556-9

© Бондарева Е. Е., Ильинская Н. И.,
Мацапура В. И., Биткивская Г. В., 2015
© Издательство «Грамота», 2015

Дорогие семиклассники!

Современный мир прекрасен и удивителен... Мы с вами являемся неотъемлемой частью этого мира, который стал гораздо сложнее и многообразнее, чем в предыдущие эпохи. Всё быстрее и быстрее движутся поезда, летают самолёты, развиваются наука и техника. Как же нам понять этот стремительный и беспокойный мир? Как осмыслить его? Как научиться жить в нём и не потеряться, остаться самим собой и сохранить Украину в своём сердце? Помочь в этом нам смогут книги.

«Книги дают духовный смысл нашему существованию», — писал Фёдор Достоевский. Из книг мы узнаём о жизни других народов, они учат нас строить отношения не только друг с другом, но и с разными странами. Искусство и книги объединяют жителей Земли, представителей разных рас и национальностей, делают нас людьми в самом высоком смысле этого слова. Главная задача, стоящая перед человечеством в третьем тысячелетии, — сохранение мира на планете. Мы должны строить будущее на основе взаимопонимания и нравственных ценностей, а также личной и общей ответственности за всё происходящее! И в этом движении вперёд нам не обойтись без книг, в которых собран опыт предыдущих поколений.

Многие считают, что Интернет и телевидение давно заменили книги. Но это не так, ведь чтение художественной литературы — это не только получение полезной информации, но ещё и активная работа мысли, воображения, личное сопереживание героям произведений.

Люди, которые хотят добиться успеха в жизни, никогда не откажутся от книг, которые можно найти в библиотеке, у друзей, в книжных магазинах, а также в сети Интернет. Антон Чехов считал чтение самой большой роскошью в жизни. Читайте и вы! Классическую и современную литературу! Читайте дома и в школе, по программе и вне программы. Читайте обычные книжки и электронные! Читайте и радуйтесь... Делайте свои маленькие и большие открытия... Читайте и думайте...

Пусть книги станут вашими добрыми друзьями на всю жизнь!

Авторы

ВВЕДЕНИЕ

Вся жизнь человечества последовательно оседала в книге: племена, люди, государства исчезали, а книги оставались.

А. Герцен

Чтение — это уникальная возможность прикоснуться к сокровищнице мирового духа. Каждая прочитанная книга делает нас богаче не только потому, что мы больше узнаём о жизни, обычаях, мировоззрении представителей разных народов, но и потому, что главным объектом изображения в художественной литературе во все времена был человек — его жизнь, отношения с другими людьми, природой, обществом, его существование во Вселенной.

Вы уже выработали привычку ежедневно читать и таким образом, как говорил русский писатель Лев Толстой, общаться с мудрейшими людьми мира.

Многие, читая художественные произведения, ведут читательские дневники, куда записывают сведения о прочитанных книгах, интересные факты об их авторах, а нередко даже высказывания и мысли писателей, которые созвучны душевному настрою читателя, или, наоборот, противоречат ему, либо поражают своей точностью, изысканностью, красотой.

Из года в год ваш круг чтения расширяется, и вместе с этим усиливается близость с духовной сокровищницей человечества. Включайте же в мир своих интересов как можно больше духовного, почерпнутого из книг благодаря своему читательскому опыту.

П. Брейгель. Вавилонская башня. 1583 г.

В мире существует более шести тысяч языков и наречий. Вы уже знакомы с легендой о Вавилонской башне и наверняка помните, как люди перестали понимать друг друга. В мире художественной литературы такого не происходит по двум причинам. Во-первых, художественные произведения имеют универсальный общечеловеческий смысл, понятный во всех уголках земного шара, потому что содержат раздумья о человеке и его предназначении на Земле, а во-вторых, мы имеем возмож-

ность читать литературные тексты, принадлежащие другим народам, в художественном переводе на родном языке.

Вы уже знаете, как важен перевод для передачи культурного опыта. Пришло время задуматься над тем, какие же особенности имеет художественный перевод и как он должен соотноситься с оригиналом.

По легенде, египетский царь Птолемей II Филадельф пожелал, чтобы в Александрийской библиотеке хранился Ветхий Завет в переводе на греческий язык. Были призваны семьдесят книжников (учёных людей, которые знали несколько языков и умели переводить священные книги, их ещё называли «толковниками»). Каждый из них жил и трудился в отдельной келье, но все они закончили работу в одно время. Более того, полученные в результате перевода тексты звучали одинаково.

Перевод Ветхого Завета на греческий язык получил название *Септуагинта* (II в. до н. э.), или «Перевод семидесяти толковников». Именно с этого варианта перевода он переводился на другие языки.

Такая точность перевода — идеальна. В реальности же переводчик становится как бы соавтором произведения. Чтобы переводить художественный текст, нужно ощущать стиль автора, знать особенности его эпохи, выбирать из синонимически сходного ряда слов то единственное, которое будет уместно в данном контексте. Именно поэтому художественный перевод — это большое искусство, подвластное далеко не всем.

Иногда перевод осуществляется с подстрочника — максимально близкого к подлиннику по смыслу буквального перевода, который не передаёт при этом особенности художественной формы оригинала.

Нередко переводчик вступает с автором произведения в своеобразный диалог, переводя не столько каждое конкретное слово, сколько передавая общее впечатление от текста — его динамику, ритмо-мелодику, эмоциональную тональность. Многие великие писатели были также талантливыми переводчиками. Поэтому, читая произведения иностранных авторов, всегда обращайте внимание на имя переводчика, подарившего вам возможность ознакомиться с этими произведениями на вашем родном языке. Благодаря переводам путешествие в мир художественной литературы подарит вам новые впечатления, знания и эстетические открытия.

В. Камуччини. Птолемей II изучает свиток папируса.
1813 г.

ИЗ УСТНОГО НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА

РУССКИЕ БЫЛИНЫ

У каждого народа есть свой национальный эпос — художественные произведения, в которых передаются особенности формирования национального характера, ключевые исторические моменты, подробности быта и взаимоотношений людей. Национальный героический эпос украинского народа — это думы, русского — былины.

Слово *былина* производное от слова *быль* — то, что было в прошлом. В былине описывается реальное событие. И в этом её отличие от сказки — фольклорного произведения с вымышленным сюжетом и мифа, повествующего о происхождении и упорядочивании мира. Термин «былина» ввёл фольклорист И. Сахаров в 1839 г., составляя и комментируя сборник «Песни русского народа». Исследователь фольклора опирался на фразу из знаменитого текста древнерусской литературы «Слово о полку Игореве». Строчка «по *былинам* сего времени» прочитывается как «согласно фактам нашего времени». В Древней Руси эти произведения имели другие названия, например — *старинушки*. Это говорит о том, что события, описанные в былинах, происходили очень давно.

Известны несколько циклов былин — киевский, новгородский, общерусский.

Киевский былинный цикл считается наиболее древним. Всего в нём насчитывают около 400 былин и их вариантов.

Главный герой киевского цикла былин — Илья Муромец. О жизни и подвигах богатыря повествуют былины «Исцеление Ильи Муром-

ца», «Илья Муромец и Соловей-Разбойник», «Илья и Сокольник», «Илья в ссоре с князем Владимиром», «Илья и Калин-царь», «Илья и Идолище поганое», «Три поездки Ильи Муромца», «Илья Муромец на Соколе-корабле», «Илья Муромец и разбойники», «Илья Муромец и сын».

Образ Ильи Муромца, старшего из былинных богатырей (в былинах киевского цикла фигурируют также Добрыня Никитич и Алёша Попович), приобрёл особое значение во времена княжеских усобиц. Именно этот богатырь своими подвигами утверждал единство земель и готовность к подвигу ради своей родины. Поэтому мы можем смело говорить о патриотическом содержании упомянутых былин.

В былинах можно найти жизнеописание Ильи Муромца. Так, согласно былинам, он — «крестьянский сын». До тридцати трёх лет Илья был парализован, но потом его исцелили странники — «калики перехожие». Интересно, что тридцать три года — это символический возраст: именно столько лет было Иисусу Христу, когда его распяли на кресте, после чего он воскрес. Чудесное исцеление Ильи Муромца помогает ему обрести невиданную силу и стать одним из главных народных защитников.

Исследователи былин предполагают, что существовал прототип былинного героя: реальный Илья Муромец жил приблизительно в XII в. На службе у киевского князя он совершил немало подвигов, и слава о них разнеслась по всему свету. Например, в немецкой фольклорной поэме «Ортнит» и норвежских эпических песнях XIII в.

В. Васнецов. Три богатыря. 1910 г.

(сагах) упоминается герой и богатырь Илья Русский, которым, очевидно, и был Илья Муромец.

Текст былины «Илья Муромец и Соловей-Разбойник» записан со слов сказителя более ста пятидесяти лет назад, поэтому в ней много устаревших и диалектных слов. Она рассказывает о первом подвиге богатыря. Поскольку в былинах происходит смещение времени, то картина подвига Ильи в ранних вариантах былины могла означать битву с половцами, а в более поздних — с монголами. В любом случае, это история о борьбе Древней Руси с кочевыми народами, о героизме, силе и богатырском духе народа, не раз побеждавшего врагов, которые подступали к Киеву. Значение подвига героя усиливается многократными повторами. В былине повторяются характеристики богатыря («удаленький, дородный, добрый»), а также имя и особенности его противника («Соловей-Разбойник Одихмантьев сын», «...а то свищет Соловей да по-соловьему, / Он кричит, злодей-разбойник, по-звериному...»).

Былина — это сюжетный жанр. Все её события не статичны, они изображены в развитии. Поэтому характеры персонажей раскрываются через действие. Очень часто сюжетной формулой служит путешествие героя: его выезд из дома, изображение опасности, сражение с врагом, победа героя, а также подчёркивание его героического статуса.

Похожую формулу сюжета имеют и *думы* — лиро-эпические произведения украинского фольклора, которые повествуют о событиях из жизни казаков в XVI–XVIII вв. Думы исполнялись странствующими певцами-музыкантами — кобзарями, бандуристами, лирниками в Центральной и Левобережной Украине. В думах, в отличие от былин, гораздо меньше элементов мифологического мышления — фантастических реалий, сказочных сюжетов, гиперболизированных описаний, идеализации героев. Вместо этого в думах наблюдаем усиление авторского начала, большие авторские отступления, пейзажные зарисовки, внимание ко внутреннему миру героев, описание их переживаний.

Теория литературы

Былины — это народные эпические произведения, которые имеют героический сюжет и повествуют о подвигах богатырей, но при этом включают обязательный элемент чудесного. Этот жанр зафиксирован только в русском фольклоре. Можно предположить, что он сформировался не ранее XIV в. По другой версии считается, что былины появились значительно раньше.

Эпический герой — это герой фольклорного эпического произведения (былины, думы, саги, сказания, поэмы), который действует в реальном историческом времени и наделён незаурядной физической силой, воинской доблестью, мудростью и изобретательностью. Например, Илья Муромец в русских былинах, казаки Голота и Самийло Кишка в украинских думах, Гильгамеш в ассиро-вавилонском эпосе.

Собирательный образ — это художественный образ, который вобрал в себя черты не одного героя или явления, а многих. Например, в былинах отдельным богатырям приписывается то, что совершал народ. Персонифицированные образы врагов — тоже собирательные. Так, Соловей-Разбойник, Идолище поганое, Калин-царь, Змей обобщают видение русичами всех врагов своей родной земли. Прототипами образа князя Владимира Красное Солнышко стали два великих киевских князя — Владимир Великий, окрестивший Киевскую державу и объединивший русичей в сильное государство, и его правнук Владимир Мономах. В широком смысле этого термина — все образы в художественной литературе собирательные, потому что в каждом из них присутствует обобщение.

Гипербола — это художественный приём преувеличения, рассчитанный не на буквальное понимание, а на эмоциональное воздействие на читателя: какой-то признак приписывается герою или явлению в такой мере, в какой они реально им не обладают. Например, изображение богатырского коня Ильи Муромца или сверхприродной силы Соловья-Разбойника в былине.

Постоянный эпитет — это слово-определение, которое устойчиво сочетается с определяемым словом и обозначает очевидный постоянный признак предмета или явления. Например, в былинах встречаем постоянные эпитеты *добрый молодец, стольный Киев-град, силушка великая, дорожка прямоезжая, травушки-муравы*.

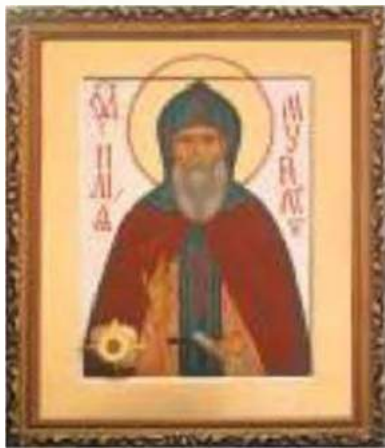
Тонический стих — это народный стих, который имеет свои метрические особенности. Например, былины, как правило, написаны тоническим стихом, в котором допускается разное количество слогов в строке, но определённое число ударений — от двух до четырёх. В былинном стихе первое ударение падает на третий слог от начала строки, а последнее — на третий слог от конца строки. В былинах нет рифм, а ритмический рисунок достигается созвучиями и музыкальностью фраз.

Былины сказывались протяжным распевным слогом — *речитативом*, то есть песенно-стихотворной формой, а их исполнение сопровождала игра на народном музыкальном инструменте — гусях.

Вопросы и задания

1. Откуда произошло название жанра — *былины*? Какие жанры соответствуют былинам у других народов? Кто из героев представлен в киевском цикле былин?
2. Былина — это произведение фольклорное или литературное? Как вы думаете, почему былины имеют очень много вариантов текстов? Аргументируйте ваш ответ.

Комментарий

Преподобный Илия Муромец. Икона. 2005 г.

Есть две версии происхождения богатыря Ильи Муромца. Одни учёные считают, что он родом из Мурома — древнего города Владимирской земли, точнее, из села Карачарово под Муромом. Другие исследователи настаивают на том, что в былине «Илья Муромец и Соловей-Разбойник» речь идёт о селении Карачаев возле города Моровийска на Черниговщине.

Это предположение основывается не только на отождествлении богатыря с затворником Киево-Печерской лавры преподобным Илией Печерским, но и на описании времени пути Ильи Муромца. «Заутреню», то есть утреннюю службу в храме, он стоял «во Муроме», а к «обедне», то есть через несколько часов езды на коне, хотел успеть «в стольный Киев-град». Такое путешествие из Владимирской земли за полдня было бы невозможным, поэтому украинские историки на современном этапе разрабатывают именно вторую версию. Также прием во внимание то, что в древнерусской традиции Илью называли не Муромцем, а Моровлянином.

Изучение эпической биографии Ильи Муромца свидетельствует о том, что его образ вобрал в себя много сказочных, легендарных и религиозных сюжетов. Например, существует отождествление его с библейским Илеей-пророком, который в славянской традиции стал «грозным святым», повелевая громом, «небесным огнём» и дождём, был взят живым на небо. Солнце — это колесо от его колесницы, Млечный Путь — дорога, по которой ездит пророк, а гром — это грохот от его божественной езды. Иконописное изображение Ильи-пророка напоминает античного бога Аполлона.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК

Из того ли то из города из Мурома,
Из того села да Карачарова
Выезжал удаленький дородный добрый молодец.
Он стоял заутреню во Муроме,
А й к обеденке поспеть хотел он в стольный Киев-град.
Да й подъехал он ко славному ко городу к Чернигову.

У того ли города Чернигова
Нагнано-то силушки черным-черно,
А й черным-черно, как чёрна ворона.

Так пехотою никто тут не прохаживат,
На добром коне никто тут не проезживат,
Птица чёрный ворон не пролётыват,
Серый зверь да не прорыскиват.

А подъехал как ко силушке великой,
Он как стал-то эту силушку великую,
Стал конём топтать да стал копьём колоть,
А й побил он эту силу всю великую.
Он подъехал-то под славный под Чернигов-град,
Выходили мужички да тут черниговски
И отворяли-то ворота во Чернигов-град,
А й зовут его в Чернигов воеводою.

Говорит-то им Илья да таковы слова:
— Ай же мужички да вы черниговски!
Я не йду к вам во Чернигов воеводою.
Укажите мне дорожку прямоезжую,
Прямоезжую да в стольный Киев-град.

Говорили мужички ему черниговски:
— Ты, удаленький дородный добрый молодец,
Ай ты, славный богатырь да святорусский!
Прямоезжая дорожка заколодела,
Заколодела дорожка, замуравела.

А й по той ли по дорожке прямоезжей
Да й пехотою никто да не прохаживал,
На добром коне никто да не проезживал.
Как у той ли то у Грязи-то у Чёрной,
Да у той ли у берёзы у покляпыя,
Да у той ли речки у Смородины,
У того креста у Леванидова
Сидит Соловей-Разбойник на сыром дубу,
Сидит Соловей-Разбойник Одихмантьев сын.

А то свищет Соловей да по-соловьему,
Он кричит, злодей-разбойник, по-звериному,
И от его ли то от посвиста соловьего,
И от его ли то от покрика звериного
Те все травушки-муравы уплетаются,

Все лазоревы цветочки осыпаются,
Тёмны лесушки к земле все приклоняются, —
А что есть людей — то все мертвы лежат.

Прямоезжею дороженькой — пятьсот есть вёрст,
А й окольной дорожкой — цела тысяча.
Он спустил добра коня да й богатырского,
Он поехал-то дорожкой прямоезжею.
Его добрый конь да богатырский
С горы на гору стал перескакивать,
С холмы на холмы стал перемахивать,
Мелки реченьки, озерка промеж ног пускал.

Подъезжает он ко речке ко Смородине,
Да ко тоей он ко Грязи он ко Чёрной,
Да ко тою ко берёзе ко покляпяя,
К тому славному кресту ко Леванидову.
Засвистал-то Соловей да по-соловьему,
Закричал злодей-разбойник по-звериному —
Так все травушки-муравы уплетались,
Да й лазоревы цветочки осынались,
Тёмны лесушки к земле все приклонились.

Его добрый конь да богатырский
А он на корни да спотыкается —
А й как старый-от казак да Илья Муромец
Берёт плёточку шёлковую в белу руку,
А он бил коня да по крутым рёбрам,
Говорил-то он, Илья, таковы слова:
— Ах ты, волчья сыть да й травяной мешок!

Али ты идти не хошь, али нести не можь?
Что ты на корни, собака, спотыкаешься?
Не слыхал ли посвиста соловьего,
Не слыхал ли покрика звериного,
Не видал ли ты ударов богатырских?

А й тут старья казак да Илья Муромец
Да берёт-то он свой тугой лук разрывчатый,
Во свои берёт во белы он во ручушки.
Он тетивочку шёлковеньку натягивал,

А он стрелочку калёную накладывал,
Он стрелил в того-то Соловья-Разбойника,
Ему выбил право око со косицею,
Он спустил-то Соловья да на сыру землю,
Пристегнул его ко правому ко стремячку булатному,
Он повёз его по славну по чисту полю,
Мимо гнёздышка повёз да соловьиного.

Во том гнёздышке да соловьином
А случилось быть да и три дочери,
А й три дочери его любимых.
Больша дочка — эта смотрит во окошечко косявчато,

Говорит она да таковы слова:
— Едет-то наш батюшка чистым полем,
А сидит-то на добром коне,
А везёт он мужичища-деревенщину
Да у правого у стремени прикована.
Поглядела как другая дочь любимая,

Говорила-то она да таковы слова:
— Едет батюшка раздольцем чистым полем,
Да й везёт он мужичища-деревенщину
Да й ко правому ко стремени прикована.
Поглядела его меньша дочь любимая,

Говорила-то она да таковы слова:
— Едет мужичище-деревенщина,

Н. Рерих. Илья Муромец. 1910 г.

Да й сидит мужик он на добром коне,
Да й везёт-то наш батюшка у стремени,
У булатного у стремени прикована —
Ему выбито-то право око со косицею.

Говорила-то й она да таковы слова:
— А й же мужевья наши любимые!
Вы берите-ко рогатины звериные,
Да бегите-ко в раздольице чисто поле,
Да вы бейте мужичища-деревенщину!
Эти мужевья да их любимые,
Зятевья-то есть да соловьиные,
Похватали как рогатины звериные,
Да и бежали-то они да й во чисто поле
Ко тому ли к мужичище-деревенщине,
Да хотят убить-то мужичища-деревенщину.

Говорит им Соловей-Разбойник Одихмантьев сын:
— Ай же зятевья мои любимые!
Побросайте-ка рогатины звериные,
Вы зовите мужика да деревенщину,
В своё гнёздышко зовите соловьиное,
Да кормите его ествушкой сахарною,
Да вы пойте его питьецом медвяным,
Да й дарите ему дары драгоценные!
Эти зятевья да соловьиные
Побросали-то рогатины звериные,
А й зовут мужика да й деревенщину
Во то гнёздышко да соловьиное.
Да й мужик-то деревенщина не слушался,
А он едет-то по славному чисту полю
Прямоезжею дорожкой в стольный Киев-град.

Он приехал-то во славный стольный Киев-град
А ко славному ко князю на широкий двор.
А й Владимир-князь он вышел со Божьей церкви,
Он пришёл в палату белокаменну,
Во столовую свою во горенку,
Он сел есть да пить да хлеба кушати,
Хлеба кушати да пообедати.

А й тут старья казак да Илья Муромец
Становил коня да посередь двора,
Сам идёт он во палаты белокаменны.
Проходил он во столовую во горенку,
На пяту он дверь-то поразмахивал.
Крест-от клал он по-писаному,
Вёл поклоны по-учёному,
На все на три, на четыре на сторонки низко кланялся,
Самому князю Владимиру в особину,
Ещё всем его князьям он подколенным.

Тут Владимир-князь стал молодца выспрашивать:
— Ты скажи-тко, ты откулешний, дородный добрый молодец,
Тебя как-то, молодца, да именем зовут,
Величают, удалого, по отчеству?
Говорил-то старья казак да Илья Муромец:
— Есть я с славного из города из Мурома,
Из того села да Карачарова,
Есть я старья казак да Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович.

Говорит ему Владимир таковы слова:
— Ай же старья казак да Илья Муромец!
Да й давно ли ты повыехал из Мурома
И которою дороженькой ты ехал в стольный Киев-град?
Говорил Илья он таковы слова:
— Ай ты славныя Владимир стольнокиевский!

Я стоял заутреню Христосскую во Муроме,
А й к обеденке поспеть хотел я в стольный Киев-град,
То моя дорожка призамешкалась.
А я ехал-то дорожкой прямоезжею,
Прямоезжею дороженькой я ехал мимо-то Чернигов-град,
Ехал мимо эту Грязь да мимо Чёрную,
Мимо славну реченьку Смородину,
Мимо славную берёзу ту покляпыю,
Мимо славный ехал Леванидов крест.

Говорил ему Владимир таковы слова:
— Ай же мужичища-деревенщина,
Во глазах, мужик, да подлыгаешься,
Во глазах, мужик, да насмехаешься!

Как у славного у города Чернигова
Нагнано тут силы много-множество —
То пехотою никто да не прохаживал
И на добром коне никто да не проезживал,
Туда серый зверь да не прорыскивал,
Птица чёрный ворон не пролётывал.
А й у той ли то у Грязи-то у Чёрной,
Да у славной у речки у Смородины,
А й у той ли у берёзы у покляпя,
У того креста у Леванидова
Соловей сидит Разбойник Одихмантьев сын.

То как свищет Соловей да по-соловьему,
Как кричит злодей-разбойник по-звериному —
То все травушки-муравы уплетаются,
А лазоревы цветочки прочь осыпаются,
Тёмны лесушки к земле все приклоняются,
А что есть людей — то все мертвы лежат.

Говорил ему Илья да таковы слова:
— Ты, Владимир-князь да стольнокиевский!
Соловей-Разбойник на твоём дворе.
Ему выбито ведь право око со косицею,
И он ко стремени булатному прикованный.

То Владимир-князь-от стольнокиевский
Он скорёшенько вставал да на резвы ножки,
Кунью шубоньку накиннул на одно плечко,
То он шапочку соболью на одно ушко,
Он выходит-то на свой-то на широкий двор
Посмотреть на Соловья-Разбойника.

Говорил-то ведь Владимир-князь да таковы слова:
— Засвищи-тко, Соловей, ты по-соловьему,
Закричи-тко ты, собака, по-звериному.
Говорил-то Соловей ему разбойник Одихмантьев сын:
— Не у вас-то я сегодня, князь, обедаю,
А не вас-то я хочу да и послушати.

Я обедал-то у старого казака Ильи Муромца,
Да его хочу-то я послушати.

Говорил-то как Владимир-князь да стольнокиевский:
— Ай же старья казак ты Илья Муромец!
Прикажи-тко засвистать ты Соловья да й по-соловьему,
Прикажи-тко закричать да по-звериному.
Говорил Илья да таковы слова:
— Ай же Соловей-Разбойник Одихмантьев сын!
Засвищи-тко ты во полсвиста соловьего,
Закричи-тко ты во полкрика звериного.

Говорил-то ему Соловей-Разбойник Одихмантьев сын:
— Ай же старья казак ты Илья Муромец!
Мои раночки кровавы запечатались,
Да не ходят-то мои уста сахарные,
Не могу я засвистать да й по-соловьему,
Закричать-то не могу я по-звериному.
А й вели-тко князю ты Владимиру
Налить чару мне да зелена вина.
Я повыпью-то как чару зелена вина —
Мои раночки кровавы поразойдутся,
Да й уста мои сахарны порасходятся,
Да тогда я засвищу да по-соловьему,
Да тогда я закричу да по-звериному.

Говорил Илья тут князю он Владимиру:
— Ты, Владимир-князь да стольнокиевский,
Ты поди в свою столовую во горенку,
Наливай-то чару зелена вина.
Ты не малую стопу — да полтора ведра,
Подноси-то к Соловью к разбойнику.

То Владимир-князь да стольнокиевский,
Он скоренько шёл в столову свою горенку,
Наливал он чару зелена вина,
Да не малу он стопу — да полтора ведра,
Разводил медами он стоялыми,
Приносил-то он ко Соловью-Разбойнику.

Соловей-Разбойник Одихмантьев сын
Принял чарочку от князя он одной ручкой,
Выпил чарочку ту Соловей одним духом.
Засвистал как Соловей тут по-соловьему,

В. Васнецов. Витязь на распутье. 1882 г.

Закричал разбойник по-звериному —
Маковки на теремах покривились,
А околени во теремах рассыпались.

От него, от посвиста соловьего,
А что есть-то людшек — так все мертвы лежат,
А Владимир-князь-от стольнокиевский
Куньей шубонькой он укрывается.

А й тут старый-от казак да Илья Муромец,
Он скорёшенько садился на добра коня,
А й он вёз-то Соловья да во чисто поле,
И он срубил ему да буйну голову.

Говорил Илья да таковы слова:
— Тебе полно-тко свистать да по-соловьему,
Тебе полно-тко кричать да по-звериному,
Тебе полно-тко слезить да отцов-матерей,
Тебе полно-тко вдовить да жён молодых,
Тебе полно-тко спущать-то сиротать да малых детушек!
А тут Соловью ему й славу поют,
А й славу поют ему век по веку!

Вопросы и задания

1. Какие сюжеты напоминает вам борьба былинного героя с чудовищем? Чем вы можете подтвердить свои наблюдения?

2. Как название города Чернигова мифологизируется в тексте былины? Что можно сказать о вражеской силе под этим городом? Какими художественными средствами эта сила описывается? Приведите примеры.
3. Составьте план былины «Илья Муромец и Соловей-Разбойник». Почему вы выделили именно эти части? Как выделенные вами части соотносятся с былинной формулой?
4. Установите соответствия.

1 исторический персонаж	А сказка
2 вымышленный герой	Б былина
3 герой — собирательный образ	В дума
	Г миф

5. Почему Илья Муромец вступает в поединок с Соловьём-Разбойником? Какие поступки Ильи характеризуют его как богатыря? В чём проявляется бескорыстие героя? Какими художественными средствами достигается изображение противоборствующих сил в былине?

6. Прочитайте выразительно диалог князя и Ильи Муромца. Как в диалоге реализованы представления наших предков о чести, достоинстве, героизме и любви к родине?

7. Каким изображён преподобный Илия на иконе (с. 10)? Что общего можно заметить в изображении святого и былинного героя? Чем эти изображения отличаются?
8. Рассмотрите репродукцию картины В. Васнецова «Три богатыря» (с. 7). Так ли вы представляли себе богатырей? Подумайте, о чём они могут разговаривать в такой обстановке. Запишите их воображаемый разговор в рабочую тетрадь, используйте при этом слова, речевые обороты и постоянные эпитеты, которые вы встречали в былине.

БАЛЛАДА В ЛИТЕРАТУРЕ

Народная баллада появилась в глубокой древности и развивалась в течение многих столетий. В средние века баллады были связаны с хороводными песнями, хоровым пением и танцем. Во Франции слово *ballade* означало «плясовая песнь». Баллады были популярны в английском и шотландском фольклоре в XIII–XIV вв. Примером народных баллад являются баллады о легендарном шотландском герое Робин Гуде.

Жанр литературной баллады достигает своего расцвета в европейских странах во второй половине XVIII — первой половине XIX в. Произведения, принадлежавшие к этому жанру, читались быстро и быстро распространялись. Это были небольшие сюжетные стихотворения исторического, героического или фантастического содержания. Размышляя об особенностях этого литературного жанра, В. Белинский писал: «В балладе поэт берёт какое-нибудь фантастическое и народное предание или сам изобретает событие в этом роде. Но в ней главное не событие, а ощущение, которое оно возбуждает, дума, на которую оно наводит читателя». Литературные баллады разнообразны по тематике. Например, в балладе «Песнь о вещем Олеге» А. Пушкин использовал летописный рассказ, многие баллады В. Жуковского окутаны атмосферой ужаса и тайны, а в балладах «Свितязь» и «Свितязянка» А. Мицкевича важны мифологические представления и образы.

К шедеврам балладного искусства относится героическая баллада Р. Стивенсона «Вересковый мёд». В ней писатель рассказал о пиктах — древнем племени, которое было завоёвано шотландцами. Оставшийся в живых пикт пожертвовал жизнью своего сына и своей собственной, но не выдал врагам тайну приготовления медового напитка из вереска.

ВАСИЛИЙ ЖУКОВСКИЙ (1783–1852)

Василий Андреевич Жуковский был сыном богатого помещика А. Бунина и пленной турчанки Сальхи, которая попала в Россию при осаде крепости Бендеры. Свою фамилию он получил от дворянина А. Жуковского, усыновившего мальчика по просьбе его отца.

Детские годы писателя прошли в с. Мишенском Тульской губернии. Здесь, в семейном кругу, ему дали хорошее начальное образование. Затем он учился в частном пансионе в Туле, а после его закрытия — в тульском Народном училище. Большое влияние на формирование будущего поэта оказала учёба в Благородном пансионе при Московском университете (1797–1800). Много внимания он уделял самообразованию, писал стихи, стал одним из лучших учеников этого заведения и окончил его с серебряной медалью.

Первым произведением, которое принесло В. Жуковскому признание и славу, было «*Сельское кладбище*» (1802) — перевод стихотворения английского поэта Т. Грея. С этого момента начинается новая страница в творчестве В. Жуковского. На протяжении своего литературного пути он будет создавать не только лирические стихи, баллады, поэмы, литературные сказки, но и переводить произведения других поэтов — И. Гёте, Ф. Шиллера, Дж. Байрона, В. Скотта. Именно он перевёл на русский язык «Одиссею» Гомера и другие шедевры мировой литературы.

Важным периодом в жизни В. Жуковского была его служба при царском дворе. Став воспитателем наследника престола, будущего императора Александра II, он серьёзно относился к своим обязанностям, мечтал о том, что в лице его воспитанника Россия получит просвещённого монарха.

Василий Жуковский заметил и высоко оценил талант А. Пушкина-лицеиста, называл его «нашим молодым чудотворцем». Ознакомившись с поэмой «Руслан и Людмила», он подарил автору свой портрет с надписью: «Победителю ученику от побеждённого учителя». Александр Пушкин, в свою очередь, посвятил ему несколько стихотворений. В одном из них — «*К портрету Жуковского*» (1818) — автор предсказывал поэту бессмертие:

Его стихов пленительная сладость
Пройдёт веков завистливую даль...

Эти слова оказались пророческими.

Василий Жуковский и Тарас Шевченко

О душевной доброте и отзывчивости В. Жуковского свидетельствует история о том, как он вместе с художниками К. Брюлловым и А. Венециановым помог Т. Шевченко освободиться от крепостной зависимости. В автобиографии украинский поэт писал, что В. Жуковский, предварительно узнав от помещика цену за выкуп крепостного, попросил К. Брюллова написать его портрет и разыграть картину в лотерею. На деньги, полученные от лотерейного розыгрыша, и был выкуплен из неволи Т. Шевченко. Портрет В. Жуковского, созданный К. Брюлловым в 1838 г., является шедевром изобразительного искусства. Художник изобразил поэта умиротворённым и сосредоточенным.

К. Брюллов. Портрет В. Жуковского. 1838 г.

Комментарий

«Светлана» (1808–1812) — одна из лучших баллад В. Жуковского. В ней поэт ярко описал русские народные традиции и обычаи. Действие этой баллады происходит в канун большого праздника — Крещения. В святочные вечера простые люди любили рассказывать страшные истории с мистическим и фантастическим сюжетом, а в вечер накануне Крещения проводились святочные гадания. Разные виды таких гаданий автор описывает в начале произведения. Главная героиня — боязливая и робкая Светлана — во время гадания хочет узнать о судьбе своего милого, который ушёл на войну. Поэт описывает мечты, надежды, страхи и волнения героини.

Василий Жуковский посвятил балладу своей племяннице.

СВЕТЛАНА

А. А. Воейковой

Раз в крещенский вечерок¹
Девушки гадали:
За ворота башмачок,
Сняв с ноги, бросали;
Снег пололи; под окном
Слушали; кормили

Счётным курицу зерном;
Ярый воск топили;
В чашу с чистою водой
Клали перстень золотой,
Серьги изумрудны;
Расстилали белый плат

¹ Крещё́нский вечеро́к — канун церковного праздника Крещения.

И над чашей пели в лад
Песенки подблюдны¹.

Тускло светится луна
В сумраке тумана —
Молчалива и грустна
Милая Светлана.

«Что, подруженька, с тобой?
Вымолви словечко;
Слушай песни круговой;
Вынь себе колечко.

Пой, красавица: «Кузнец,
Скуй мне злат и нов венец,
Скуй кольцо золотое;
Мне венчаться тем венцом,
Обручаться тем кольцом
При святом налое»².

«Как могу, подружки, петь?
Милый друг далёко;
Мне судьбина умереть
В грусти одинокой.

Год промчался — вести нет;
Он ко мне не пишет;
Ах! а им лишь красен свет,
Им лишь сердце дышит...

Иль не вспомнишь обо мне?
Где, в какой ты стороне?
Где твоя обитель?

Я молюсь и слёзы лью!
Утоли печаль мою,
Ангел-утешитель».

Вот в светлице стол накрыт
Белой пеленою;
И на том столе стоит
Зеркало с свечою;

Два прибора на столе.
«Загадай, Светлана;
В чистом зеркала стекле
В полночь, без обмана
Ты узнаешь жребий свой:
Стукнет в двери милый твой
Лёгкою рукою;
Упадёт с дверей замок;
Сядет он за свой прибор
Ужинать с тобою».

Вот красавица одна;
К зеркалу садится;
С тайной робостью она
В зеркало глядится;
Тёмно в зеркале; кругом
Мёртвое молчанье;
Свечка трепетным огнём
Чуть лиёт сиянье...
Робость в ней волнует грудь,
Страшно ей назад взглянуть,
Страх туманит очи...
С треском пыхнул огонёк,
Крикнул жалобно сверчок,
Вестник полуночи.

Подпершился локотком,
Чуть Светлана дышит...
Вот... легохонько замком
Кто-то стукнул, слышит;
Робко в зеркало глядит:
За её плечами
Кто-то, чудилось, блестит
Яркими глазами...
Занялся от страха дух...
Вдруг в её влетает слух
Тихий, лёгкий шёпот:

¹ Подблюдная пёсенка — обрядовая народная песня, которая пелась на святках во время гаданий с накрытым или опрокинутым блюдом.

² Налой (аналой — церк.-слав.) — высокий столик с покатым верхом для икон и богослужебных книг.

«Я с тобой, моя краса;
Укrotились небеса;
Твой услышан ропот!»

Оглянулась... милый к ней
Простирает руки.
«Радость, свет моих очей,
Нет для нас разлуки.
Едем! Поп уж в церкви ждёт
С дьяконом, дьячками;
Хор венчальну песнь поёт;
Храм блестит свечами».
Был в ответ умильный взор;
Идут на широкий двор,
В ворота тесовы;
У ворот их санки ждут;
С нетерпеньем кони рвут
Повода шелковы.

Н. Пимоненко.
Святочное гадание. 1888 г.

Сели... кони с места враз;
Пышут дым ноздрями;
От копыт их поднялась
Вьюга над санями.
Скачут... пусто всё вокруг,
Степь в очах Светланы:
На луне туманный круг;
Чуть блестят поляны.
Сердце вещее дрожит;
Робко дева говорит:
«Что ты смолкнул, милый?»
Ни полслова ей в ответ:
Он глядит на лунный свет,
Бледен и унылый.

Кони мчатся по буграм;
Топчут снег глубокий...
Вот в сторонке Божий храм
Виден одинокий;
Двери вихорь отворил;
Тьма людей во храме;
Яркий свет паникадил¹
Тускнет в фимиаме²;
На середине чёрный гроб;
И гласит протяжно поп:
«Буди взят могилой!»
Пуще девица дрожит,
Кони мимо; друг молчит,
Бледен и унылый.

Вдруг метелица кругом;
Снег валит клоками;
Чёрный вран³, свистя крылом,
Вьётся над санями;
Ворон каркает: *печаль!*
Кони торопливы
Чутко смотрят в тёмну даль,

¹ *Паникадiло* (церк.-слав.) — центральная люстра в православном храме, светильник со множеством свечей или лампад.

² *Фимиа́м* — благовонное вещество, создающее ароматический дым.

³ *Вран* (слав.) — ворон.

Подымая гривы;
Брезжит в поле огонёк;
Виден мирный уголок,
Хижинка под снегом.
Кони борзые быстрей,
Снег взрывая, прямо к ней
Мчатся дружным бегом.

Вот примчались... и вмиг
Из очей пропали:
Кони, сани и жених
Будто не бывали.
Одинокая, впотьмах,
Брошена от друга,
В страшных девица местах;
Вкруг метель и вьюга.
Возвратиться — следу нет...
Виден ей в избушке свет:
Вот перекрестилась;
В дверь с молитвою стучит...
Дверь шатнулася... скрипит...
Тихо растворилась.

Что ж?.. В избушке гроб; накрыт
Белою запоной¹;
Спасов лик в ногах стоит;
Свечка пред иконой...
Ах! Светлана, что с тобой?
В чью зашла обитель?
Страшен хижины пустой
Безответный житель.
Входит с трепетом, в слезах;
Пред иконой пала в прах,
Спасу помолилась;
И с крестом своим в руке
Под святыми в уголке
Робко притаилась.

Всё утихло... вьюги нет...
Слабо свечка тлится,
То прольёт дрожащий свет,
То опять затмится...
Всё в глубоком, мёртвом сне,
Страшное молчанье...
Чу, Светлана!.. в тишине
Лёгкое журчанье...
Вот глядит: к ней в уголок
Белоснежный голубок
С светлыми глазами,
Тихо вея, прилетел,
К ней па перси² тихо сел,
Обнял их крылами.

Смолкло всё опять кругом...
Вот Светлане мнится,
Что под белым полотном
Мёртвый шевелится...
Сорвался покров; мертвец
(Лик мрачнее ночи)
Виден весь — на лбу венец,
Затворёны очи.
Вдруг... в устах сомкнутых стон;
Силится раздвинуть он
Руки охладели...
Что же девица?.. Дрожит...
Гибель близко... но не спит
Голубочек белый.

Встрепенулся, развернул
Лёгкие он крилы;
К мертвецу на грудь вспорхнул...
Всей лишённый силы,
Простонав, заскрежетал
Страшно он зубами
И на деву засверкал

¹ Запо́на — покров.

² Пёрси — груди.

Грозными очами...
Снова бледность на устах;
В закатившихся глазах
Смерть изобразилась...
Глядь, Светлана... о Творец!
Милый друг её — мертвец!
Ах! ...и пробудилась.

Где ж?... У зеркала, одна
Посреди светлицы;
В тонкий занавес окна
Светит луч денницы;
Шумным бьёт крылом петух,
День встречая пеньем;
Всё блестит... Светланин дух
Смутен сновиденьем.
«Ах! ужасный, грозный сон!
Не добро вещает он —
Горькую судьбину;
Тайный мрак грядущих дней,
Что сулишь душе моей,
Радость иль кручину?»

Села (тяжко ноет грудь)
Под окном Светлана;
Из окна широкий путь
Виден сквозь тумана;
Снег на солнышке блестит,
Пар алеет тонкий...
Чу!.. в дали пустой гремит
Колокольчик звонкий;
На дороге снежный прах;
Мчат, как будто на крылах,
Санки кони рьяны;
Ближе; вот уж у ворот;
Статный гость к крыльцу идёт...
Кто?.. Жених Светланы.

Что же твой, Светлана, сон,
Прорицатель муки?
Друг с тобой; всё тот же он
В опыте разлуки;
Та ж любовь в его очах,
Те ж приятны взоры;
Те ж на сладостных устах
Милы разговоры.
Отворяйся ж, Божий храм;
Вы летите к небесам,
Верные обеты;
Соберитесь, стар и млад;
Сдвинув звонки чаши, в лад
Пойте: многи леты!

Улыбнись, моя краса,
На мою балладу;
В ней большие чудеса,
Очень мало складу.
Взором счастливый твоим,
Не хочу и славы;
Слава — нас учили — дым;
Свет — судья лукавый.
Вот баллады толк моей:
«Лучший друг нам в жизни сей
Вера в Провиденье.
Благ Зиждителя¹ закон:
Здесь несчастье — лживый сон;
Счастье — пробужденье».

О! не знай сих страшных снов
Ты, моя Светлана...²
Будь, Создатель, ей покров!
Ни печали рана,
Ни минутной грусти тень
К ней да не коснётся;
В ней душа как ясный день;

¹ *Зиждитель* (устар.) — Создатель, Творец.

² *Ты, моя Светлана...* — обращение к А. Протасовой, в замужестве Воейковой, которой посвящена баллада.

Ах! да пронесётся
Мимо — бедствия рука;
Как приятный ручейка
Блеск на лоне луга,

Будь вся жизнь её светла,
Будь весёлость, как была,
Дней её подруга.

Теория литературы

Понятие о балладе

Баллада — стихотворное произведение с острым, напряжённым сюжетом, в основе которого лежит чаще всего историческое событие, народное предание или какой-то необычный, фантастический случай.

Баллада как жанр имеет ряд характерных признаков, к которым относятся: зачины и концовки, наличие сюжета, использование диалогов, повторов. Особая роль в построении баллады отводится повествователю. Сюжет в балладе — таинственный, фантастический или напряжённо-драматический. В ней всегда есть загадка, тайна.

Мастерами баллады были И. Гёте, Ф. Шиллер, Г. Гейне, А. Мицкевич, А. Пушкин, М. Лермонтов. Василию Жуковскому принадлежит особая роль в развитии этого жанра, не случайно ещё современники называли его «балладником».

Вопросы и задания

1. Вспомните, какие баллады вы читали раньше.
2. Какие народные обряды и поверья изображает В. Жуковский в балладе «Светлана»? С какими праздниками связаны эти обряды?
3. Почему Светлана решила гадать перед зеркалом? Опишите, в какой атмосфере происходит гадание. Что чувствует героиня, оказавшись в полночь одна перед зеркалом?
4. Какими чертами наделяет Светлану автор и как он относится к своей героине?
5. Какова роль сна в построении баллады В. Жуковского?
6. Определите идею баллады «Светлана».
7. Какое произведение называется *балладой*? Назовите основные признаки баллады и докажите, что они присутствуют в тексте «Светланы» В. Жуковского.

8. Найдите в балладе диалоги и выразительно прочитайте их.
9. С помощью каких эпитетов автор передаёт радостное настроение в начале и в конце баллады? Какие эпитеты передают мрачный колорит основной её части?
10. Как вы думаете, символом чего является «чёрный вран» в балладе «Светлана»? Приведите примеры использования других символов в произведении.

11. Прослушайте романс под названием «Раз в крещенский вечерок...» (композиторы А. Варламов, А. Верстовский и др.).

ФРИДРИХ ШИЛЛЕР (1759–1805)

Известный немецкий поэт и драматург Иоганн Кристоф Фридрих фон Шиллер родился в герцогстве Вюртемберг (г. Марбах) в семье военного фельдшера и дочери трактирщика. Мальчик учился грамоте и латинскому языку у сельского пастора, затем поступил в латинскую школу. В старших классах он с увлечением читал произведения Овидия, Вергилия, Горация. После окончания латинской школы его определили в военную академию. В этом заведении Ф. Шиллер провёл восемь лет, изучая вначале юридические науки, а затем медицину. В академии он увлёкся творчеством Г. Лессинга, Ж.-Ж. Руссо, И. Гёте, начал писать стихи и прозу.

Окончив академию в 1780 г. с дипломом лекаря, Ф. Шиллер выполняет обязанности полкового врача и занимается литературным творчеством. Он продолжает работу над драмой «Разбойники», которую начал ещё в академии. Драма была опубликована в 1781 г. без подписи автора и вскоре поставлена на сцене Мангеймского театра. Чтобы присутствовать на премьере спектакля, Ф. Шиллер вынужден был самовольно уехать из полка и тайком пробираться в Мангейм. Герцог Вюртембергский, узнав о постановке «Разбойников», приказал посадить автора пьесы на гауптвахту и запретил ему писать художественные произведения. Этот приказ заставил Ф. Шиллера покинуть владения герцога.

Отныне жизнь писателя связана с разными городами Германии. Он продолжает создавать драматические произведения и серьёзно занимается историей и философией. Благодаря работам «История отпадения Нидерландов от испанского владычества» и «Тридцатилетняя война» ему предложили место профессора в Иенском университете.

Немецкий национальный театр в г. Веймаре (Германия).
Современная фотография

В 1794 г. в Иене Ф. Шиллер познакомился с И. Гёте. Писателей сближали не только литературные интересы, но и некоторые философские взгляды. Оба были гуманистами, стремились к обновлению искусства. Вместе они основали Веймарский театр. 1797–1798 гг. были «балладными» в творчестве Ф. Шиллера. Например, в 1797 г. он создаёт такие баллады, как «Кубок», «Перчатка», «Ивиковы журавли», «Поликратов перстень», «Рыцарь Тогенбург».

Фридрих Шиллер известен как автор большого количества драматических произведений, в частности драм «Коварство и любовь» (1794), «Мария Стюарт» (1800), «Вильгельм Телль» (1801) и многих других. В своих драмах писатель выразил стремление к свободе и ненависть к беззаконию.

Фридрих Шиллер ушёл из жизни в расцвете творческих сил в 1805 г. Похоронен в г. Веймаре.

В 1785 г. Ф. Шиллер написал оду «К радости», в которой воспел дружбу между народами. Стихотворение получило мировую известность. В 1823 г. Л. ван Бетховен, работая над четвёртой (финальной) частью знаменитой Девятой симфонии, использовал текст этого произведения. Положенная на музыку, ода «К радости» звучала в исполнении хора в финале симфонии. Примечательно, что гимн Европейского Союза и Совета Европы в несколько изменённом виде основан на главной теме четвёртой части Девятой симфонии композитора.

Памятник Ф. Шиллеру был установлен в Берлине в 1869 г. На его постаменте возвышается фигура поэта со свитком в руках, вокруг которой симметрично расположены четыре скульптуры, символизирующие трагедию, поэзию, философию и историю — виды искусства и науки, в развитие которых внёс вклад Ф. Шиллер. Памятник расположен напротив здания Берлинского драматического театра.

Памятник Ф. Шиллеру в г. Берлине (Германия).
Скульптор Р. Бегас

Теория литературы

Развитие понятий об оригинале и переводе

Оригинал и перевод — две формы существования художественного произведения в литературе. Слово *оригинал* в переводе с латинского языка означает «первичный, естественный». **Оригина́л** — это текст-первоисточник, самобытное художественное произведение, которое является образцом для дальнейшего воспроизведения на другом языке. С понятием «оригинал» тесно связано понятие «перевод». **Перевóд** — передача текста, созданного на одном языке, средствами другого языка.

Художественный перевод является видом литературного творчества. Благодаря художественным переводам мы знакомимся с шедеврами мировой литературы. Настоящий художественный перевод — это искусство.

Переводчик должен хорошо знать язык оригинала и родной язык, произведение, которое он переводит, особенности стиля автора первоисточника. Переводчик переводит текст оригинала так, как он понимает и чувствует его.

В зависимости от точности перевода, степени его соответствия оригиналу выделяют такие виды переводов: точный (адекватный), вольный, перевод-подражание, перепев.

Художественный перевод — воспроизведение литературного сочинения на другом языке. Переводчик, как правило, сохраняет авторскую уникальность текста, учитывает особенности языка оригинала и родного языка, а также литературную традицию.

Размышляя об искусстве перевода, В. Жуковский писал: «Переводчик в прозе есть раб; переводчик в стихах — соперник». В 1831 г. поэт осуществил перевод произведения Ф. Шиллера «Перчатка».

ПЕРЧАТКА

Повесть

Перед своим зверинцем,
С баронами, с наследным принцем,
Король Франциск¹ сидел;
С высокого балкона он глядел
На поприще, сраженья ожидая;
За королём, обворожая
Цветущей прелестию взгляд,
Придворных дам являлся пышный ряд.

Король дал знак рукою —
Со стуком растворилась дверь:
И грозный зверь
С огромной головою,
Косматый лев
Выходит;
Кругом глаза угрюмо водит;
И вот, всё оглядев,
Наморщил лоб с осанкой горделивой,
Пошевелил густою гривой,
И потянулся, и зевнул,
И лёг. Король опять рукой махнул —
Затвор железной двери грянул,
И смелый тигр из-за решётки прянул;
Но видит льва, робеет и ревёт,

¹ Франциск I — король Франции (1515–1547).

Себя хвостом по рёбрам бьёт,
И крадется, косяся взглядом,
И лижет морду языком,
И, обошедши льва кругом,
Рычит и с ним ложится рядом.
И в третий раз король махнул рукой —
Два барса дружною четой
В один прыжок над тигром очутились;
Но он удар им тяжкой лапой дал,
А лев с рыканьем встал...
Они смирились,
Оскалив зубы, отошли,
И зарычали, и легли.

И гости ждут, чтоб битва началась...
Вдруг женская с балкона сорвалась
Перчатка... все глядят за ней...
Она упала меж зверей.
Тогда на рыцаря Делоржа с лицемерной
И колкою улыбкою глядит
Его красавица и говорит:
«Когда меня, мой рыцарь верный,
Ты любишь так, как говоришь,
Ты мне перчатку возвратишь».

Делорж, не отвечав ни слова,
К зверям идёт,
Перчатку смело он берёт
И возвращается к собранью снова.

У рыцарей и дам при дерзости такой
От страха сердце помутилось;
А витязь молодой,
Как будто ничего с ним не случилось,
Спокойно всходит на балкон;
Рукоплесканьем встречен он;
Его приветствуют красавицыны взгляды...
Но, холодно приняв привет её очей,
В лицо перчатку ей
Он бросил и сказал: «Не требую награды».

Комментарий

Фридрих Шиллер написал балладу «Перчатка» в 1797 г. В основу баллады положен действительный случай, поэтому её можно отнести к разряду исторических.

В экспозиции баллады поэт описывает одну из средневековых забав при дворе короля — наблюдение за схватками между хищниками. Важную роль в построении баллады играет мотив испытания — дама бросает перчатку на арену, где находятся дикие звери, и предлагает Делоржу достать её.

Рыцарь Делорж не может не выполнить просьбу дамы, несмотря на то, что она звучит как приказ, как вызов. Если бы он не выполнил её, присутствующие усомнились бы в его смелости и благородстве. Подвергнув себя опасности, он поступает как истинный рыцарь, готовый на подвиг во имя Прекрасной дамы. Однако в финале баллады рыцарь бросает перчатку в лицо даме. Этот поступок Делоржа подчёркивает отношение рыцаря к бессердечной красавице, которая заслуживает презрения.

Содержание баллады напоминает маленькую драму. Автор не рассказывает о том, что чувствовал и о чём думал рыцарь. Героя характеризуют его поступки. Не в меньшей мере поступки характеризуют и жестокую красавицу. Не случайно Ф. Шиллер является автором одного из известных крылатых выражений — *человек отражается в своих поступках*.

Сюжет баллады и отдельные её детали свидетельствуют о том, что поэт сочувствует благородному рыцарю. В произведении содержится важный моральный урок: любовь не должна требовать жертв, связанных со смертельной опасностью, потому что в мире нет ничего более ценного, чем человеческая жизнь. Гуманистическая идея баллады «Перчатка» заключается в том, что автор заставляет читателей задуматься о ценности человеческой жизни.

В балладе Ф. Шиллера «Перчатка» упоминается историческое лицо — французский король Франциск I, который был сторонником неограниченной единодержавной власти, любил рыцарские развлечения, называл себя «королём-рыцарем». Рыцарь (с латин. всадник) — представитель военного сословия, которое возникло в Западной Европе в эпоху Средневековья и пережило свой расцвет в X–XIV вв. В переносном значении слово *рыцарь* означает «самоотверженный, благородный, великодушный человек». У рыцарей выработались свои идеалы, представления о чести. Так, рыцарь должен быть не только благородным, но и верным, вежливым, способным на высокие чувства. Он служит своему господину и совершает подвиги во имя Прекрасной дамы. Выражение *бросить перчатку* встречается во многих языках. Оно стало крылатым. Рыцари бросали на землю перчатку, когда хотели вызвать противника на поединок. *Поднять перчатку* — означало принять вызов. В средние века перчатка имела символическое значение. Перчатки вручали воинам при по-

священни в рыцари, а дамы дарили перчатку своим кавалерам в знак любви. В наши дни выражение *бросить перчатку* приобрело более широкое значение: вызвать кого-то на спор, соревнование.

Теория литературы

Развитие понятия о балладе

«Перчатка» Ф. Шиллера имеет жанровый подзаголовок — рассказ. В своём переводе В. Жуковский изменил подзаголовок, употребив слово *повесть*. Используя подзаголовок, оба поэта стремились подчеркнуть, что в основе произведения — рассказанная кем-то история. Определяя жанровые особенности «Перчатки» Ф. Шиллера, следует учитывать, что это типичная баллада, которая содержит наиболее характерные признаки этого жанра. В ней сочетаются лирическое, эпическое и драматическое начала. Это стихотворное произведение, которое носит повествовательный характер и содержит диалоги. В его сюжете можно выделить экспозицию, завязку, кульминацию и развязку.

Василий Жуковский сохраняет в своём переводе характерные особенности баллады Ф. Шиллера. Его переводу, как и оригиналу, свойственны фрагментарность, динамика, драматизм, лаконичность, напряжённость в развитии действия. «Перчатка» В. Жуковского по праву считается одним из лучших переводов одноимённой баллады Ф. Шиллера, несмотря на то, что её переводили и другие поэты. Например, в 1829 г. эту балладу перевёл юный М. Лермонтов.

Вопросы и задания

1. Почему Ф. Шиллер дал своему произведению такое название — «Перчатка»? Раскройте его смысл. Как название баллады соотносится с эпохой рыцарства и рыцарской культурой?

2. Поделите текст баллады на части и дайте названия каждой из частей.

3. Охарактеризуйте особенности экспозиции баллады Ф. Шиллера «Перчатка». Приведите примеры повторов в этой части произведения. Как ведут себя король и звери в зверинце в начале баллады?

4. Выделите наиболее напряжённые моменты в развитии действия баллады.

5. Как вы думаете, то, что женская перчатка полетела с балкона и «упала меж зверей», — случай или заранее спланированный поступок?

6. Как характеризуют красавицу её речи и поступки? Как относится к ней автор?

7. Объясните поведение рыцаря в финале произведения. Чем оно обусловлено?

8. Перечислите характерные особенности баллады и докажите, что «Перчатка» Ф. Шиллера относится к этому жанру.

9. вспомните, что означали в старину выражения *бросить перчатку* и *поднять перчатку*.

10. Используя дополнительные ресурсы, ознакомьтесь с балладой «Перчатка» Ф. Шиллера в переводе М. Лермонтова. Сравните художественные переводы, осуществлённые В. Жуковским и М. Лермонтовым.

ИЗ ЗОЛОТОГО ФОНДА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Древнегреческий поэт Гесиод назвал «золотым веком» время, «когда люди жили подобно богам, без забот, труда и страданий». Однако это образное выражение обозначает не только счастливую пору в жизни людей, но и время развития искусства и науки в истории какого-либо народа. Каждая великая культура имела свой «золотой век». Например, в римской литературе — это I в. до н. э., когда жили Овидий, Гораций, Вергилий, а в русской литературе — XIX в.

В этот период русская литература достигла небывалого расцвета, появилось большое количество талантливых писателей, которые определили дальнейшее развитие не только русской, но и мировой литературы. Первым поэтом «золотого века» был В. Жуковский, а вершинные достижения 1820–1830-х годов связаны с поэзией А. Пушкина и М. Лермонтова. Гений А. Пушкина был признан не только его современниками, но и последующими поколениями русских писателей. Николай Гоголь называл поэта «явлением чрезвычайным».

В XIX в. наряду с поэзией развивается проза. Яркие образцы прозаических произведений находим в творчестве А. Пушкина, Н. Гоголя и М. Лермонтова. Продолжателями их традиций были И. Тургенев, Л. Толстой, Ф. Достоевский, А. Чехов и многие другие классики второй половины XIX в.

«Значение русской литературы признано миром, изумлённым её красотой и силой», — писал М. Горький. Произведения русских писателей XIX в. по праву принадлежат к золотому фонду русской культуры.

АЛЕКСАНДР ПУШКИН (1799–1837)

После окончания лицея в 1817 г. А. Пушкин поселился в Петербурге и поступил на службу в Коллегию иностранных дел. В петербургский период (1817–1820) поэт заводит новые знакомства, принимает участие в заседаниях общества «Арзамас», вступает в литературно-театральный кружок «Зелёная лампа», на заседаниях которого обсуждались не только литературные, но и политические вопросы.

Передовых людей того времени волновали проблемы государственного правления в России, в частности устранение или ограничение монархии, а также ликвидация крепостного права. Вольнолюбивые настроения поэта нашли отражение в стихотворениях «Вольность» (1817), «К Чаадаеву» (1818), «Деревня» (1819) и многих других произведениях, распространявшихся в рукописных списках. Кроме политических стихотворений, А. Пушкин пишет поэму «Руслан и Людмила» (1820). Это самое крупное произведение, которым завершается петербургский период его жизни и творчества. В мае 1820 г. за свободолюбивые стихи писатель был выслан из Петербурга. Царь Александр I упрекал директора Лицея в том, что бывший воспитанник этого заведения «наводнил Россию возмутительными стихами», то есть стихами, призывающими к возмущению, к мятежу. Поэту грозила ссылка в Сибирь или на Соловки, но благодаря заступничеству Н. Карамзина и В. Жуковского эта мера была заменена ссылкой на юг.

К месту назначения — г. Екатеринослав (ныне г. Днепропетровск) — А. Пушкин должен был ехать по заранее определённом маршруту. По территории Украины этот маршрут пролегал через Чернигов, Киев, Кременчуг. Приехав в Екатеринослав, ссыльный поэт поступил в распоряжение генерала И. Инзова, который с пониманием отнёсся к его участи и разрешил поехать на Кавказ и в Крым вместе с семьёй генерала Н. Раевского, героя войны 1812 г.

В Крыму А. Пушкин посетил г. Керчь, Феодосию, Гурзуф, Бахчисарай, Симферополь и другие населённые пункты Тавриды (так в былые времена называли Крым). В г. Бахчисарае, бывшей столице Крымского ханства, его поразили ханский дворец и Фонтан слёз. Позже эти впечатления найдут отражение в поэме «Бахчисарайский фонтан».

После путешествия по Кавказу и Крыму поэт прибыл к месту службы — г. Кишинёв, где прожил около трёх лет с небольшими

перерывами. Он начал работу над новым произведением — романом «Евгений Онегин». В кишинёвский период А. Пушкин встречался с деятелями тайных обществ. Он дважды побывал в Каменке Чигиринского уезда Киевской губернии (ныне Киевская область), в имении В. Давыдова, одного из активных членов тайного общества. В 1821 г. поэт посетил г. Киев.

Вскоре друзья писателя добились разрешения на его перевод в г. Одессу. В июле 1823 г. А. Пушкина перевели в подчинение к генералу М. Воронцову. В романе «Евгений Онегин» он напишет об этом городе: «Там всё Европой дышит, веет...»

Пребывая в Украине, А. Пушкин совершил 22 поездки по её территории. Его интересовала украинская история, памятники старины, фольклор, народные обычаи.

В разных городах мира установлено более 190 памятников А. Пушкину.

Первый памятник писателю в Украине был установлен в г. Одессе на Приморском бульваре. Бронзовый бюст поэта возвышается на гранитном постаменте. Средства на сооружение памятника собирали одесситы. Об этом свидетельствует надпись на памятнике: «А. С. Пушкину — жители Одессы», а с обратной стороны дата — «1888 г.».

В г. Киеве один из памятников А. Пушкину возвышается у входа в Пушкинский парк. На постаменте высечена надпись: «Пушкину Александру Сергеевичу — украинский народ». Памятник был установлен в 1962 г.

Памятник А. Пушкину
в г. Киеве. *Скульптор А. Ковалёв,
архитектор
В. Гнездилов*

Комментарий

Стихотворение «Узник» было написано А. Пушкиным в период южной ссылки в 1822 г. После путешествия по Крыму он приехал в г. Кишинёв. В мае 1821 г. посетил кишинёвскую тюрьму и оставил в своём дневнике краткую запись об этом событии. Сам поэт не был узником в прямом смысле этого слова, но, находясь в ссылке, постоянно ощущал, что не свободен.

Стихотворение написано от первого лица и построено на противопоставлении неволи и свободы. Такой приём называется *антитезой*. Лирический герой стихотворения — узник, который мечтает о свободе. На волю стремится не только он, но и «орёл молодой» — птица, с которой связаны представления о воле и просторе. Стихотворение «Узник» относится к вольнолюбивой лирике А. Пушкина. Оно пронизано стремлением к свободе, несмотря на то, что поэт не употребляет этого слова в тексте стихотворения. В своё время оно было таким популярным, что стало народной песней.

УЗНИК

Сижу за решёткой в темнице сырой.
Вскормлённый в неволе орёл молодой,
Мой грустный товарищ, махая крылом,
Кровавую пищу клюёт под окном,

Клюёт, и бросает, и смотрит в окно,
Как будто со мною задумал одно;
Зовёт меня взглядом и криком своим
И вымолвить хочет: «Давай улетим!

Мы вольные птицы; пора, брат, пора!
Туда, где за тучей белеет гора,
Туда, где синеют морские края,
Туда, где гуляем лишь ветер... да я!»

Комментарий

В своих лирических стихотворениях А. Пушкин умел коротко сказать о многом. У него нет лишних слов, каждое слово по-своему важно и может таить в себе скрытые смыслы или приобретать новые значения. Например, чужбина в стихотворении «*Птичка*» (1823) противопоставлена не только родине, которая находится вдали от поэта, но и свободе. Начало произведения пронизано грустным настроением.

В одном из писем А. Пушкин объяснил, как родился замысел этого стихотворения: «Знаете ли вы трогательный обычай русского мужика в Светлое Воскресение выпускать на волю птичку? Вот вам стихи на это...» Строка «При светлом празднике весны» — не просто намёк на возрождение природы, но и на главный весенний праздник — Светлое Воскресение, то есть Пасху.

ПТИЧКА

В чужбине свято наблюдаю
Родной обычай старины:
На волю птичку выпускаю
При светлом празднике весны.

Я стал доступен утешенью;
За что на Бога мне роптать,
Когда хоть одному творенью
Я мог свободу даровать!

Вопросы и задания

1. Выразительно прочитайте стихотворения А. Пушкина «Узник» и «Птичка».
2. Назовите символы свободы в указанных стихотворениях.

3. Какая тема сближает эти стихотворения? Какими настроениями они пронизаны?
4. Найдите в стихотворении «Узник» строфу, в которой наиболее ярко выражено стремление к свободе.
5. Стихотворение «Птичка» написано четырёхстопным ямбом. Вспомните, какой размер называется *ямбом*, и нарисуйте схему размера стихотворения «Птичка».
6. Определите особенности рифмы в стихотворениях «Узник» и «Птичка».

7. Нарисуйте иллюстрацию к стихотворению А. Пушкина «Узник».

8. Найдите в Интернете и послушайте песню «Узник» на слова А. Пушкина (музыка А. Алябьева, исполнитель А. Ведерников).

Комментарий

Стихотворение «*Если жизнь тебя обманет...*» (1825) относится к философской лирике А. Пушкина. В нём содержатся размышления поэта о жизни, о настоящем и будущем, о печали, унынии и вере в то, что всё проходит, что «день веселья» настанет. Поэт призывает смириться перед судьбой и верить в будущее.

* * *

Если жизнь тебя обманет,
Не печалься, не сердись!
В день уныния смирись:
День веселья, верь, настанет.

Сердце в будущем живёт;
Настоящее уныло:
Всё мгновенно, всё пройдет;
Что пройдёт, то будет мило.

Комментарий

Стихотворение «**Цветок**» (1828) также относится к философской лирике А. Пушкина. Оно имеет метафорический смысл. Забытый в книге засохший цветок напоминает автору о людях, которым тот принадлежал, и заставляет задуматься об их судьбе. Жизнь цветка уподоблена жизни человека.

В произведении есть тайна, которую поэт пытается разгадать. Он задаёт множество вопросов. Но они так и остаются без ответа. Такие вопросы называются *риторическими*. Риторические вопросы не требуют ответа, они подчёркивают особое эмоциональное состояние того, кто их задаёт.

ЦВЕТОК

Цветок засохший, безуханный¹,
Забытый в книге вижу я;
И вот уже мечтою странной
Душа наполнилась моя:

Где цвёл? когда? какой весною?
И долго ль цвёл? И сорван кем,
Чужой, знакомой ли рукою?
И положён сюда зачем?

На память нежного ль свиданья,
Или разлуки роковой,
Иль одинокого гулянья
В тиши полей, в тени лесной?

И жив ли тот, и та жива ли?
И нынче где их уголок?
Или уже они увяли,
Как сей неведомый цветок?

¹ *Безуханный* (по В. Далю) — неблагоухающий, неблаговонный, непахнущий, безароматный, недушистый.

Вопросы и задания

1. Выразительно прочитайте стихотворения А. Пушкина «Если жизнь тебя обманет...» и «Цветок», пытаясь передать их глубину.

2. Определите тематическую направленность указанных стихотворений. В каком из них преобладают советы, а в каком — раздумья?

3. Какие чувства вызвал в душе поэта забытый в книге засохший цветок? Почему в этом стихотворении так много вопросительных предложений?

4. Определите размер стихотворений «Если жизнь тебя обманет...» и «Цветок». Как называется строфа, которой они написаны?

5. Выучите наизусть одно из стихотворений А. Пушкина (по выбору).

6. Найдите в Интернете и послушайте романсы на стихи А. Пушкина «Цветок» (музыка Н. Метнера) и «Если жизнь тебя обманет...» (музыка А. Алябьева, исполнитель А. Ведерников).

Комментарий

Осенью 1830 г., находясь в Болдино Нижегородской губернии, А. Пушкин написал пять прозаических произведений, которые были опубликованы в 1831 г. под названием «**Повести покойного Ивана Петровича Белкина**». Это цикл разнообразных по тематике, непохожих друг на друга повестей, в каждой из которых изложена занимательная история. В него вошли повести «Выстрел», «Метель», «Гробовщик», «Станционный смотритель», «Барышня-крестьянка».

Из предисловия к сборнику мы узнаём, что Иван Петрович Белкин — небогатый помещик, который оставил «множество рукописей», что все истории, помещённые в книгу, «слышаны им от разных особ». В каждой из повестей есть свой рассказчик, а И. П. Белкин — вымышленный персонаж, который якобы только собрал услышанные им рассказы.

Обложка к сборнику произведений А. Пушкина «Повести Белкина». 2013 г.

Рассказчик — условный образ человека, от лица которого ведётся повествование в литературном произведении. Рассказчик — это не автор, а определённая «маска», которую писатель использует в своих целях.

Александр Пушкин иронически относится к Белкину и многим персонажам цикла. Например, в начале повести «**Метель**» тонкая ирония ощутима в характеристике Марьи Гавриловны и бедного армейского прапорщика Владимира.

Основные события, изображённые в повести, происходят в русской провинции и связаны с Отечественной войной 1812 г.

МЕТЕЛЬ

Кони мчатся по буграм,
Топчут снег глубокой...
Вот, в сторонке Божий храм
Виден одинокой.

.....
Вдруг метелица кругом;
Снег валит клоками;
Чёрный вран, свистя крылом,
Вьётся над санями;
Вещий стон гласит *печаль!*
Кони торопливы
Чутко смотрят в тёмну даль,
Воздымая гривы...

В. Жуковский¹

В конце 1811 года, в эпоху нам достопамятную, жил в своём поместье Ненарадове добрый Гаврила Гаврилович Р **. Он славился во всей округе гостеприимством и радушием; соседи поминутно ездили к нему поесть, попить, поиграть по пяти копеек в бостон² с его женою, Прасковьей Петровною, а некоторые для того, чтоб поглядеть на дочку их, Марью Гавриловну, стройную, бледную и семнадцатилетнюю девицу. Она считалась богатой невестою, и многие прочили её за себя или за сыновей.

Марья Гавриловна была воспитана на французских романах и, следственно, была влюблена. Предмет, избранный ею, был бедный армейский прапорщик, находившийся в отпуску в своей деревне. Само по себе разумеется, что молодой человек пылал равною страстию и что родители его любезной, заметя их взаимную склонность, запретили дочери о нём и думать, а его принимали хуже, нежели отставного заседателя.

Наши любовники были в переписке, и всякий день видались наедине в сосновой роще или у старой часовни. Там они клялись друг другу в вечной любви, сетовали на судьбу и делали различные предположения. Переписываясь и разговаривая таким образом, они (что весьма естественно) дошли до следующего рассуждения: если мы друг без друга дышать не можем, а воля жестоких родителей препятствует нашему благополучию, то нельзя ли нам будет обойтись без неё? Разумеется, что эта счастливая мысль пришла сперва в голову молодому человеку и что она весьма понравилась романическому воображению Марьи Гавриловны.

Наступила зима и прекратила их свидания; но переписка сделалась тем живее. Владимир Николаевич в каждом письме умолял её

¹ Эпиграф из баллады В. Жуковского «Светлана».

² *Бостон* — карточная игра на небольшие ставки.

предаться ему, венчаться тайно, скрываться несколько времени, броситься потом к ногам родителей, которые, конечно, будут тронуты наконец героическим постоянством и несчастьем любовников и скажут им непременно: «Дети! придите в наши объятия».

Марья Гавриловна долго колебалась; множество планов побега было отвергнуто. Наконец она согласилась: в назначенный день она должна была не ужинать и удалиться в свою комнату под предлогом головной боли. Девушка её была в заговоре; обе они должны были выйти в сад через заднее крыльцо, за садом найти готовые сани, садиться в них и ехать за пять вёрст от Ненарадова в село Жадрино, прямо в церковь, где уж Владимир должен был их ожидать.

Накануне решительного дня Марья Гавриловна не спала всю ночь; она укладывалась, увязывала бельё и платье, написала длинное письмо к одной чувствительной барышне, её подруге, другое к своим родителям. Она прощалась с ними в самых трогательных выражениях, извиняла свой проступок неодолимою силою страсти и оканчивала тем, что блаженнейшею минутою жизни почтёт она ту, когда позволено будет ей броситься к ногам дражайших её родителей. Запечатав оба письма тульской печаткою, (...) она бросилась на постель перед самым рассветом и задремала; но и тут ужасные мечтания поминутно её пробуждали. То казалось ей, что в самую минуту, как она садилась в сани, чтоб ехать венчаться, отец её останавливал её, с мучительной быстротою тащил её по снегу и бросал в тёмное, бездонное подземелие... и она летела стремглав с неизъяснимым замиранием сердца; то видела она Владимира, лежащего на траве, бледного, окровавленного. Он, умирая, молил её пронзительным голосом поспешить с ним обвенчаться... другие безобразные, бессмысленные видения неслись перед нею одно за другим. Наконец она встала, бледнее обыкновенного и с непритворной головною болью. Отец и мать заметили её беспокойство; их нежная заботливость и беспрестанные вопросы: что с тобою, Маша? не больна ли ты, Маша? — раздирали её сердце. Она старалась их успокоить, казаться весёлою, и не могла. Наступил вечер. Мысль, что уже в последний раз провожает она день посреди своего семейства, стесняла её сердце. Она была чуть жива; она втайне прощалась со всеми особами, со всеми предметами, её окружавшими. Подали ужинать; сердце её сильно забилося. Дрожащим голосом объявила она, что ей ужинать не хочется, и стала прощаться с отцом и матерью. Они её поцеловали и, по обыкновению, благословили: она чуть не заплакала. Пришед в свою комнату, она кинулась в кресла и залилась слезами. Девушка уговаривала её успокоиться и ободриться. Всё было готово. Через полчаса Маша должна была навсегда оставить родительский дом, свою комнату, тихую деви-

ческую жизнь... На дворе была метель; ветер выл, ставни тряслись и стучали; всё казалось ей угрозой и печальным предзнаменованием. Скоро в доме всё утихло и заснуло. Маша укуталась шалью, надела тёплый капот¹, взяла в руки шкатулку свою и вышла на заднее крыльцо. Служанка несла за нею два узла. Они сошли в сад. Метель не утихала; ветер дул навстречу, как будто силясь остановить молодую преступницу. Они насилу дошли до конца сада. На дороге сани дожидались их. Лошади, прозябнув, не стояли на месте; кучер Владимира расхаживал перед оглоблями, удерживая ретивых. Он помог барышне и её девушке усесться и уложить узлы и шкатулку, взял возжи, и лошади полетели. Поручив барышню попечению судьбы и искусству Терешки-кучера, обратимся к молодому нашему любовнику.

Целый день Владимир был в разъезде. Утром был он у жадринского священника; насилу с ним уговорился; потом поехал искать свидетелей между соседними помещиками. Первый, к кому явился он, отставной сорокалетний корнет Дравин, согласился с охотою. Это приключение, уверял он, напоминало ему прежнее время и гусарские проказы. Он уговорил Владимира остаться у него отобедать и уверил его, что за другими двумя свидетелями дело не станет. В самом деле, тотчас после обеда явились землемер Шмит в усах и шпорах и сын капитан-исправника, мальчик лет шестнадцати, недавно поступивший в уланы. Они не только приняли предложение Владимира, но даже клялись ему в готовности жертвовать для него жизнью. Владимир обнял их с восторгом и поехал домой приготавливаться.

Уже давно смеркалось. Он отправил своего надёжного Терешку в Ненарадово с своею тройкою и с подробным, обстоятельным наказом, а для себя велел заложить маленькие сани в одну лошадь, и один без кучера отправился в Жадрино, куда часа через два должна была приехать и Марья Гавриловна. Дорога была ему знакома, а езды всего двадцать минут.

Но едва Владимир выехал за околицу в поле, как поднялся ветер и сделалась такая метель, что он ничего не взвидел. В одну минуту дорогу занесло; окрестность исчезла во мгле мутной и желтоватой, сквозь

Е. Чернова. Иллюстрация к повести А. Пушкина «Метель». 2010 г.

¹ *Капот* (устар.) — домашнее женское платье свободного покроя.

которую летели белые хлопья снегу; небо слилось с землёю. Владимир очутился в поле и напрасно хотел снова попасть на дорогу; лошадь ступала наудачу и поминутно то въезжала на сугроб, то проваливалась в яму; сани поминутно опрокидывались; Владимир старался только не потерять настоящего направления. Но ему казалось, что уже прошло более получаса, а он не доезжал ещё до Жадринской рощи. Прошло ещё около десяти минут; рощи всё было не видать. Владимир ехал по-лем, пересечённым глубокими оврагами. Метель не утихала, небо не прояснялось. Лошадь начинала уставать, а с него пот катился градом, несмотря на то, что он поминутно был по пояс в снегу.

Наконец он увидел, что едет не в ту сторону. Владимир остановился: начал думать, припоминать, соображать, и уверился, что должно было взять ему вправо. Он поехал вправо. Лошадь его чуть ступала. Уже более часа был он в дороге. Жадрино должно было быть недалеко. Но он ехал, ехал, а полю не было конца. Всё сугробы да овраги; поминутно сани опрокидывались, поминутно он их подымал. Время шло; Владимир начинал сильно беспокоиться.

Наконец в стороне что-то стало чернеть. Владимир поворотил туда. Приближаясь, увидел он рощу. Слава Богу, подумал он, теперь близко. Он поехал около рощи, надеясь тотчас попасть на знакомую дорогу или объехать рощу кругом: Жадрино находилось тотчас за нею. Скоро нашёл он дорогу и въехал во мрак деревьев, обнажённых зимою. Ветер не мог тут свирепствовать; дорога была гладкая; лошадь ободрилась, и Владимир успокоился.

Но он ехал, ехал, а Жадрина было не видать; роще не было конца. Владимир с ужасом увидел, что он заехал в незнакомый лес. Отчаяние овладело им. Он ударил по лошади; бедное животное пошло было рысью, но скоро стало приставать и через четверть часа пошло шагом, несмотря на все усилия несчастного Владимира.

Мало-помалу деревья начали редеть, и Владимир выехал из лесу; Жадрина было не видать. Должно было быть около полуночи. Слёзы брызнули из глаз его; он поехал наудачу. Погода утихла, тучи расходились, перед ним лежала равнина, усталая белым волнистым ковром. Ночь была довольно ясна. Он увидел невдалеке деревушку, состоящую из четырёх или пяти дворов. Владимир поехал к ней. У первой избытки он выпрыгнул из саней, подбежал к окну и стал стучаться. Через несколько минут деревянный ставень поднялся, и старик высунул свою седую бороду. «Что те надо?» — «Далеко ли Жадрино?» — «Жадрино-то далеко ли?» — «Да, да! Далеко ли?» — «Недалече; вёрст десяток будет». При сём ответе Владимир схватил себя за волосы и остался недвижим, как человек, приговорённый к смерти.

«А отколе ты?» — продолжал старик. Владимир не имел духа отвечать на вопросы. «Можешь ли ты, старик, — сказал он, — достать мне лошадей до Жадрина?» — «Каки у нас лошади», — отвечал мужик. «Да не могу ли взять хоть проводника? Я заплачу, сколько ему будет угодно». — «Постой, — сказал старик, опуская ставень, — я те сына вышлю; он те проводит». Владимир стал дожидаться. Не прошло минуты, он опять начал стучаться. Ставень поднялся, борода показалась. «Что те надо?» — «Что ж твой сын?» — «Сейчас выдет, обувается. Али ты прозяб? взойди погреться». — «Благодарю, высылай скорее сына».

Ворота заскрыпели; парень вышел с дубиною и пошел вперёд, то указывая, то отыскивая дорогу, занесённую снеговыми сугробами. «Который час?» — спросил его Владимир. «Да уж скоро рассвет», — отвечал молодой мужик. Владимир не говорил уже ни слова.

Пели петухи и было уже светло, как достигли они Жадрина. Церковь была заперта. Владимир заплатил проводнику и поехал на двор к священнику. На дворе тройки его не было. Какое известие ожидало его!

Но возвратимся к добрым ненарадновским помещикам и посмотрим, что-то у них делается.

А ничего.

Старики проснулись и вышли в гостиную. Гаврила Гаврилович в колпаке и байковой куртке, Прасковья Петровна в шлафроке¹ на вате. Подали самовар, и Гаврила Гаврилович послал девчонку узнать от Марьи Гавриловны, каково её здоровье и как она почивала. Девчонка воротилась, объявляя, что барышня почивала-де дурно, но что ей-де теперь легче и что она-де сейчас придёт в гостиную. В самом деле, дверь отворилась, и Марья Гавриловна подошла здороваться с папенькой и с маменькой.

«Что твоя голова, Маша?» — спросил Гаврила Гаврилович. «Лучше, папенька», — отвечала Маша. «Ты верно, Маша, вчерась угорела», — сказала Прасковья Петровна. «Может быть, маменька», — отвечала Маша.

День прошёл благополучно, но в ночь Маша занемогла. Послали в город за лекарем. Он приехал к вечеру и нашёл больную в бреду. Открылась сильная горячка, и бедная больная две недели находилась у края гроба.

Никто в доме не знал о предположенном побеге. Письма, накануне ею написанные, были сожжены; её горничная никому ни о чём не говорила,

¹ Шлафр^ок (устар.) — домашний халат.

опасаясь гнева господ. Священник, отставной корнет, усастьный землемер и маленький улан были скромны, и недаром. Терешка-кучер никогда ничего лишнего не высказывал, даже и во хмелю. Таким образом тайна была сохранена более чем полудюжиною заговорщиков. Но Марья Гавриловна сама в беспрестанном бреду высказывала свою тайну. Однако ж её слова были столь несообразны ни с чем, что мать, не отходившая от её постели, могла понять из них только то, что дочь её была смертельно влюблена во Владимира Николаевича и что, вероятно, любовь была причиною её болезни. Она советовалась со своим мужем, с некоторыми соседями, и наконец единогласно все решили, что видно такова была судьба Марьи Гавриловны, что суженого конём не объедешь, что бедность не порок, что жить не с богатством, а с человеком, и тому подобное. Нравственные поговорки бывают удивительно полезны в тех случаях, когда мы от себя мало что можем выдумать себе в оправдание.

Между тем барышня стала выздоравливать. Владимира давно не видно было в доме Гаврилы Гавриловича. Он был напуган обыкновенным приёмом. Положили послать за ним и объявить ему неожиданное счастье: согласие на брак. Но каково было изумление ненарадовских помещиков, когда в ответ на их приглашение получили они от него полусумасшедшее письмо! Он объявлял им, что нога его не будет никогда в их доме, и просил забыть о несчастном, для которого смерть остаётся единою надеждою. Через несколько дней узнали они, что Владимир уехал в армию. Это было в 1812 году.

Долго не смели объявить об этом выздоравливающей Маше. Она никогда не упоминала о Владимире. Несколько месяцев уже спустя, нашед имя его в числе отличившихся и тяжело раненных под Бородином, она упала в обморок, и боялись, чтоб горячка её не возвратилась. Однако, слава Богу, обморок не имел последствия.

Другая печаль её посетила: Гаврила Гаврилович скончался, оставя её наследницей всего имения. Но наследство не утешало её; она разделяла искренно горесть бедной Прасковьи Петровны, клялась никогда с нею не расставаться; обе они оставили Ненарадово, место печальных воспоминаний, и поехали жить в ***ское поместье.

Женихи кружились и тут около милой и богатой невесты; но она никому не подавала и малейшей надежды. Мать иногда уговаривала её выбрать себе друга; Марья Гавриловна качала головой и задумывалась. Владимир уже не существовал: он умер в Москве, накануне вступления французов. Память его казалась священной для Маши; по крайней мере она берегла всё, что могло его напомнить; книги, им некогда прочитанные, его рисунки, ноты и стихи, им переписанные для неё. Соседи, узнав обо всём, дивились её постоянству (...).

Между тем война со славою была кончена. Полки наши возвращались из-за границы. Народ бежал им навстречу. Музыка играла завоёванные песни (...). Офицеры, ушедшие в поход почти отроками, возвращались, возмужав на бранном воздухе, обвешанные крестами. Солдаты весело разговаривали между собою, вмешивая поминутно в речь немецкие и французские слова. Время незабвенное! Время славы и восторга! Как сильно билось русское сердце при слове *отечество*! Как сладки были слёзы свидания! (...)

Женщины, русские женщины были тогда бесподобны. Обыкновенная холодность их исчезла. Восторг их был истинно упоителен, когда, встречая победителей, кричали они: *ура!*

И в воздух чепчики бросали¹.

Кто из тогдашних офицеров не сознается, что русской женщине обязан он был лучшей, драгоценнейшей наградою?..

В это блистательное время Марья Гавриловна жила с матерью в *** губернии и не видала, как обе столицы праздновали возвращение войск. Но в уездах и деревнях общий восторг, может быть, был ещё сильнее (...).

Мы уже сказывали, что, несмотря на её холодность, Марья Гавриловна всё по-прежнему окружена была искателями. Но все должны были отступить, когда явился в её замке раненый гусарский полковник Бурмин, с Георгием² в петлице и с *интересной бледностию*, как говорили тамошние барышни. Ему было около двадцати шести лет. Он приехал в отпуск в свои поместья, находившиеся по соседству деревни Марьи Гавриловны. Марья Гавриловна очень его отличала. При нём обыкновенная задумчивость её оживлялась. Нельзя было сказать, чтоб она с ним кокетничала; но поэт, заметя её поведение, сказал бы:

*Se amor non è, che dunque?..*³

Бурмин был, в самом деле, очень милый молодой человек. Он имел именно тот ум, который нравится женщинам: ум приличия и наблюдения, безо всяких притязаний и беспечно насмешливый. Поведение его с Марьей Гавриловной было просто и свободно; но что б она ни сказала или ни сделала, душа и взоры его так за нею и следовали. Он казался нрава тихого и скромного, но молва уверяла, что некогда был он ужасным повесою, и это не вредило ему во мнении Марьи Гавриловны, которая (как и все молодые дамы вообще)

¹ Из комедии А. Грибоедова «Горе от ума».

² *Георгий* — то же, что и Георгиевский крест, один из орденов в царской России, учреждённый в 1769 г. для награждения генералов и офицеров за боевые подвиги.

³ *Если это не любовь, так что же?* (итал.) — из 88-го сонета Петрарки (цикл «При жизни Лауры»).

с удовольствием извиняла шалости, обнаруживающие смелость и пылкость характера.

Но более всего... (более его нежности, более приятного разговора, более интересной бледности, более перевязанной руки) молчание молодого гусара более всего подстрекало её любопытство и воображение. Она не могла не сознаваться в том, что она очень ему нравилась; вероятно, и он, с своим умом и опытностью, мог уже заметить, что она отличала его: каким же образом до сих пор не видала она его у своих ног и ещё не слыхала его признания? (...) Это было для неё загадкой. Подумав хорошенько, она решила, что робость была единственной тому причиной, и положила ободрить его большею внимательностью и, смотря по обстоятельствам, даже нежностью. Она приуготовляла развязку самую неожиданную и с нетерпением ожидала минуты романического объяснения. Тайна, какого рода ни была бы, всегда тягостна женскому сердцу. Её военные действия имели желаемый успех: но крайней мере, Бурмин впал в такую задумчивость и чёрные глаза его с таким огнём останавливались на Марье Гавриловне, что решительная минута, казалось, уже близка. Соседи говорили о свадьбе, как о деле уже конченном, а добрая Прасковья Петровна радовалась, что дочь её наконец нашла себе достойного жениха.

Старушка сидела однажды одна в гостиной, раскладывая гранпьянс, как Бурмин вошёл в комнату и тотчас осведомился о Марье Гавриловне. «Она в саду, — отвечала старушка; — подите к ней, а я вас буду здесь ожидать». Бурмин пошёл, а старушка перекрестилась и подумала: авось дело сегодня же кончится!

Бурмин нашёл Марью Гавриловну у пруда, под ивою, с книгою в руках и в белом платье, настоящей героинею романа. После первых вопросов Марья Гавриловна нарочно перестала поддерживать разговор, усиливая таким образом взаимное замешательство, от которого можно было избавиться разве только внезапным и решительным объяснением. Так и случилось: Бурмин, чувствуя затруднительность своего положения, объявил, что искал давно случая открыть ей своё сердце, и потребовал минуты внимания. Марья Гавриловна закрыла книгу и потупила глаза в знак согласия.

«Я вас люблю, — сказал Бурмин, — я вас люблю страстно...» (Марья Гавриловна покраснела и наклонила голову ещё ниже.) «Я поступил неосторожно, предаваясь милой привычке, привычке видеть и слышать вас ежедневно...» (Марья Гавриловна вспомнила первое письмо St.-Preux¹.) «Теперь уже поздно противиться судьбе моей; воспомина-

¹ *Сен-Прё* (фр.) — герой романа в письмах Ж.-Ж. Руссо «Юлия, или Новая Элоиза».

ние об вас, ваш милый, несравненный образ отныне будет мучением и отрадою жизни моей; но мне ещё остаётся исполнить тяжёлую обязанность, открыть вам ужасную тайну и положить между нами непреодолимую преграду...» — «Она всегда существовала, — прервала с живостью Марья Гавриловна, — я никогда не могла быть вашею женою...» — «Знаю, — отвечал он ей тихо, — знаю, что некогда вы любили, но смерть и три года сетований... Добрая, милая Марья Гавриловна! не старайтесь лишить меня последнего утешения: мысль, что вы бы согласились сделать моё счастье, если бы... молчите, ради Бога, молчите. Вы терзаете меня. Да, я знаю, я чувствую, что вы были бы моею, но — я несчастнейшее создание... я женат!»

Марья Гавриловна взглянула на него с удивлением.

— Я женат, — продолжал Бурмин, — я женат уже четвёртый год и не знаю, кто моя жена, и где она, и должен ли свидеться с нею когда-нибудь!

— Что вы говорите? — воскликнула Марья Гавриловна, — как это странно! Продолжайте; я расскажу после... но продолжайте, сделайте милость.

— В начале 1812 года, — сказал Бурмин, — я спешил в Вильну, где находился наш полк. Приехав однажды на станцию поздно вечером, я велел было поскорее закладывать лошадей, как вдруг поднялась ужасная метель, и смотритель и ямщики советовали мне переждать. Я их послушался, но непонятное беспокойство овладело мною; казалось, кто-то меня так и толкал. Между тем метель не унималась; я не вытерпел, приказал опять закладывать и поехал в самую бурю. Ямщику вздумалось ехать рекою, что должно было сократить нам путь тремя верстами.

Берега были занесены; ямщик проехал мимо того места, где выезжали на дорогу, и таким образом очутились мы в незнакомой стороне. Буря не утихала; я увидел огонёк и велел ехать туда. Мы приехали в деревню; в деревянной церкви был огонь. Церковь была отворена, за оградой стояло несколько саней; по паперти ходили люди. «Сюда! сюда!» — закричало несколько голосов. Я велел ямщику подъехать. «Помилуй, где ты замешкался? — сказал мне кто-то, — невеста в обмороке; поп не знает, что делать; мы готовы были ехать назад. Выходи же скорее». Я молча выпрыгнул из саней и вошёл в церковь, слабо освещённую двумя или тремя

Е. Чернова. Иллюстрация к повести А. Пушкина «Метель». 2010 г.

свечами. Девушка сидела на лавочке в тёмном углу церкви; другая тёрла ей виски. «Слава Богу, — сказала эта, — насилу вы приехали. Чуть было вы барышню не уморили». Старый священник подошёл ко мне с вопросом: «Прикажете начинать?» — «Начинайте, начинайте, батюшка», — отвечал я рассеянно. Девушку подняли. Она показалась мне недурна... Непонятная, непростительная ветреность... я стал подле неё перед налоем; священник торопился; трое мужчин и горничная поддерживали невесту и заняты были только ею. Нас обвенчали. «Поцелуйтесь», — сказали нам. Жена моя обратила ко мне бледное своё лицо. Я хотел было её поцеловать... Она вскрикнула: «Ай, не он! не он!» — и упала без памяти. Свидетели устремили на меня испуганные глаза. Я повернулся, вышел из церкви безо всякого препятствия, бросился в кибитку и закричал: «Пошёл!»

— Боже мой! — закричала Марья Гавриловна, — и вы не знаете, что сделалось с бедной вашей женою?

— Не знаю, — отвечал Бурмин, — не знаю, как зовут деревню, где я венчался; не помню, с которой станции поехал. В то время я так мало полагал важности в преступной моей проказе, что, отъехав от церкви, заснул и проснулся на другой день поутру, на третьей уже станции. Слуга, бывший тогда со мною, умер в походе, так что я не имею и надежды отыскать ту, над которой подшутил я так жестоко и которая теперь так жестоко отомщена.

— Боже мой, Боже мой! — сказала Марья Гавриловна, схватив его руку, — так это были вы! И вы не узнаете меня?

Бурмин побледнел... и бросился к её ногам...

Теория литературы

Понятие о композиции литературного произведения

Компози́ция (от латин. *compositio*) — построение художественного произведения, расположение его частей, элементов и образов.

Особенности композиции произведения зависят от его содержания, а также от того, к какому роду и жанру оно принадлежит. В прозе важную роль играет сюжет, поэтому композиция эпического произведения представляет соединение сюжета и внесюжетных элементов. К основным элементам сюжета относятся экспозиция, завязка действия, его развитие, кульминация и развязка. Существуют такие разновидности внесюжетных элементов, как описания, авторские отступления, вставные эпизоды, монологи, диалоги. Описания (портрет, пейзаж и интерьер) способствуют раскрытию характеров героев.

Работая над произведением, писатель продумывает, с чего он его начнёт и чем закончит, что нужно сообщить читателю сразу, а что оставить

на потом, от чьего лица он будет вести повествование. Все эти вопросы связаны с построением произведения, то есть с его композицией. Итак, композиция литературного произведения включает расстановку персонажей, построение сюжета и внесюжетных элементов, порядок сообщения о событиях.

Особенности композиции повести А. Пушкина «Метель»

Повесть начинается с небольшой *экспозиции* — описания поместья Ненародова и его обитателей. В первой части повести ведущую роль играют два персонажа — Марья Гавриловна и Владимир Николаевич. Автор использует распространённую в литературе ситуацию: бедный жених, богатая невеста и её родители, которые препятствуют их счастью. Решение героев обвенчаться тайно, без родительского благословения — *завязка* сюжетной линии Маша–Владимир. Это решение неожиданным образом сказывается на их судьбах. В жизнь героев вмешивается природная стихия — метель, которая разрушает их планы. Описание метели дано в восприятии Владимира и Маши. Это описание связано с *задержкой действия*, но в нём раскрывается мужественный характер жениха и его невесты, которая решила уйти из дома, несмотря на плохие предзнаменования — страшный сон и начавшуюся метель. Автор детально описывает состояние Владимира, который заблудился во время метели и приехал в Жадрино, где была церковь, только под утро. *Кульминация* наступает в тот момент, когда жених увидел, что церковь пуста. «Какое известие ожидало его!» — восклицает рассказчик, умалчивая о том, что же произошло в церкви. В повести появляется тайна, разгадку которой читатель узнает позже. *Развязка* главной сюжетной линии первой части — уход Владимира на войну, его ранение в битве под Бородином и смерть в Москве накануне вступления французов. Для Марьи Гавриловны история её неудачного побега из дома заканчивается болезнью, выздоровлением и одиночеством.

Далее сюжетное действие на время прерывается. Между первой и второй частью повести находится важный *внесюжетный элемент* — лирическое отступление-размышление об окончании войны с французами и возвращении русских полков из-за границы. Рассказчик передаёт радостное настроение в обществе, связанное с этим событием.

Появление во второй части повести ещё одного персонажа — полковника Бурмина — связано с *завязкой* новой сюжетной линии. У Бурмина тоже есть тайна, которую пытается разгадать Марья Гавриловна. Повествование достигает особого напряжения в тот момент, когда Бурмин признаётся в любви Марье Гавриловне, но при этом сообщает, что он женат. Герой рассказывает историю, произошедшую с ним четыре года назад. Этот рассказ является *авторской вставкой*. Здесь другой рассказчик — не безымянный современник исторических событий, а гусарский полковник, вспоминающий об обстоятельствах, при которых он обвенчался с незнакомой девушкой. В финале произведения *кульминация* совпадает с *развязкой* — моментом, когда Марья Гавриловна узнаёт, с кем она случайно была обвенчана. Таким образом, вторая сюжетная линия в повести тесно переплетается с первой, подчёркивая целостность пушкинского произведения о превратностях судьбы, символом которой является метель.

Вопросы и задания

- 1. В болдинскую осень 1830 г. А. Пушкин написал стихотворение «Бесы», в котором описывается метель. Прочитайте это стихотворение и подумайте, как оно перекликается с повестью писателя «Метель».
- 2. Почему автор использует иронию, описывая взаимоотношения Марьи Гавриловны и Владимира Николаевича? Они действительно любили друг друга или «играли» в любовь, начитавшись французских романов? Можно ли однозначно ответить на этот вопрос?
3. Опишите состояние Марьи Гавриловны накануне побега из дома. Почему рассказчик называет её «молодой преступницей»? Можно ли назвать сон, который ей приснился, пророческим?
4. От чьего имени ведётся повествование в повести А. Пушкина «Метель»?
5. На фоне каких исторических событий происходит действие повести? Найдите в тексте даты, подтверждающие ваш ответ.
6. Каким предстаёт перед нами новый герой повести — полковник Бурмин? В чём заключается его «тайна»?
7. Расскажите о композиции художественного произведения. Как связаны между собой понятия *композиция* и *сюжет*? Выделите ключевые эпизоды и основные сюжетные линии в повести «Метель».
8. Можно ли назвать развязку повести счастливой? Аргументируйте свой ответ цитатами из текста.
- 9. Перескажите близко к тексту эпизод, в котором повествуется о том, как метель настигла Владимира Николаевича в пути и он заблудился. Почему А. Пушкин употребляет в этом эпизоде много глаголов?
- 10. Напишите сочинение на тему «Роль метели-судьбы в жизни героев повести А. Пушкина «Метель»».
- 11. Найдите в Интернете и послушайте одну из музыкальных иллюстраций Г. Свиридова к повести А. Пушкина — романс «Метель» (режим доступа: www.youtube.com/watch?v=CGRNzba_Pdc?).
- 12. Используя ресурсы Интернета, посмотрите художественный фильм «Метель» (режиссёр В. Басов, СССР, 1964). Найдите в тексте повести эпизод, который соответствует кадру из фильма. Как можно озаглавить этот эпизод?

МИХАИЛ ЛЕРМОНТОВ (1814–1841)

В 1832 г. открывается новая страница в жизни и творчестве Михаила Лермонтова. Он переезжает в Петербург и поступает в школу юнкеров. Через два года после её окончания он был зачислен корнетом¹ в гусарский полк. В дальнейшем поэт назовёт это время «страшными годами» из-за казарменной муштры, отсутствия книг и высоких жизненных целей у большинства юнкеров. Михаилу приходится скрывать свои занятия литературным творчеством. Только самые близкие друзья знают, что он пишет стихи и прозу, которые мечтает показать А. Пушкину. Однако их встреча так и не состоялась. Посвящённое ему стихотворение «Смерть Поэта» сделало имя М. Лермонтова знаменитым. В нём автор заявляет о себе не только как о преемнике² и ученике А. Пушкина, но и как наследнике его свободолюбия.

За вольнодумные стихи, обличающие власть, в 1837 г. поэта ссылают на Кавказ. Затем в 1840 г. последовала вторая ссылка, закончившаяся гибелью поэта.

На Кавказе М. Лермонтов интересуется жизнью горцев, их обычаями, легендами и сказаниями. Будучи храбрым офицером, он участвует в боевых действиях, не прячась от пуль горцев. Но как писатель он пытается понять душу горских народов, которые не признают себя покорёнными Россией, восхищается их гордостью и свободолюбием. Так в творчество поэта навсегда входит тема Кавказа, традиционная для русской литературы.

Комментарий

Вы помните, что первая встреча М. Лермонтова с горячо любимым «суровым краем свободы» произошла в детстве, когда бабушка возила его лечиться в г. Пятигорск. С величественной природой Кавказа связаны детские воспоминания о первой любви. «От ранних лет кипит в моей крови / Твой жар и бурь твоих порыв мятежный», — признаётся поэт. В разные годы жизни он посвящает своей поэтической родине ряд замечательных стихотворений. «Кавказ» (1830) — одно из них.

¹ Корнет — один из младших офицерских чинов в кавалерии.

² Преемник — продолжатель традиций, наследник дела.

М. Лермонтов. Воспоминание о Кавказе. 1838 г.

КАВКАЗ

Хотя я судьбой на заре моих дней,
О южные горы, отторгнут от вас,
Чтоб вечно их помнить, там надо быть раз:
Как сладкую песню отчизны моей,
Люблю я Кавказ.

В младенческих лѣтах я мать потерял,
Но мнилось, что в розовый вечера час
Та степь повторяла мне памятный глас.
За это люблю я вершины тех скал,
Люблю я Кавказ.

Я счастлив был с вами, ущелия гор,
Пять лет пронеслось: всё тоскую по вас.
Там видел я пару божественных глаз;
И сердце лепечет, вспомя тот взор:
Люблю я Кавказ!..

Вопросы и задания

1. Какие образы стихотворения наиболее ярко выражают впечатления поэта от природы Кавказа?
2. За что и почему юный поэт любит Кавказ и как это связано с его биографией? Воспользуйтесь подсказками или предложите свой вариант ответа: 1) Кавказ для него как первая любовь, о которой помнят

всю жизнь; 2) Кавказ как воспоминание о материнской любви; 3) Кавказ как духовная родина — «отчизна» поэта.

3. Как вы думаете, что преобладает в стихотворении: живописные зарисовки или чувства автора? Какие изобразительно-выразительные средства он при этом использует?
4. Обратите внимание на повтор, более краткий по сравнению с другими строками. Чему он служит в стихотворении?

5. Выразительно прочитайте стихотворение, попытайтесь передать чувства и мысли автора.

Комментарий

Одна из лучших кавказских поэм М. Лермонтова — «*Мцыри*¹» — написана в 1839 г. Существует история о том, как во время путешествия по старой Военно-Грузинской дороге М. Лермонтов познакомился с одиноким монахом, который рассказал ему, что ребёнком попал в плен к генералу А. Ермолову, но в дороге заболел и был оставлен в монастыре.

Мальчик долго не мог привыкнуть к чужому укладу, тосковал и неоднократно убегал в горы. После одного из побегов он так заболел, что едва не умер. Его выходил старик-монах. Выздоровев, беглец смирился со своей участью и остался в монастыре навсегда. Эпизод побега мальчика из монастыря и стал основой сюжета поэмы «*Мцыри*».

МЦЫРИ

Вкушая, вкусих мало мёда, и се аз умираю.

1-я Книга Царств

1

Немного лет тому назад,
Там, где, сливаясь, шумят,
Обнявшись, будто две сестры,
Струи Арагвы и Куры,
Был монастырь. Из-за горы
И нынче видит пешеход
Столбы обрушенных ворот,
И башни, и церковный свод;
Но не курится уж под ним
Кадильниц благовонный дым,
Не слышно пенье в поздний час

Молящих иноков за нас.
Теперь один старик седой,
Развалин страж полуживой,

Людьми и смертью забыт,
Сметает пыль с могильных плит,
Которых надпись говорит
О славе прошлой — и о том,
Как, удручён² своим венцом,
Такой-то царь, в такой-то год,
Вручал России свой народ.

¹ *Мцѳри* — на грузинском языке значит «неслужащий монах», нечто вроде «послушника». (Прим. М. Лермонтова.)

² *Удручѳен* (*удручѳѳнный*) — находящийся в подавленном, угнетѳнном состоянии.

* * *

И Божья благодать сошла
На Грузию! она цвела
С тех пор в тени своих садов,
Не опасая врагов,
За гранью дружеских штыков.

2

Однажды русский генерал
Из гор к Тифлису проезжал;
Ребёнка пленного он вёз.
Тот занемог, не перенёс
Трудов далёкого пути;
Он был, казалось, лет шести;
Как серна¹ гор, пуглив и дик
И слаб и гибок, как тростник.
Но в нём мучительный недуг
Развил тогда могучий дух
Его отцов. Без жалоб он
Томился, даже слабый стон
Из детских губ не вылетал,
Он знаком пищу отвергал
И тихо, гордо умирал.

И. Глазунов. Иллюстрация к поэме
М. Лермонтова «Мцыри». 1965 г.

Из жалости один монах
Больного призрел², и в стенах
Хранительных остался он,
Искусством дружеским спасён.
Но, чужд ребяческих утех,
Сначала бегал он от всех,
Бродил безмолвен, одинок,
Смотрел, вздыхая, на восток,
Томим неясною тоской
По стороне своей родной.
Но после к плену он привык,
Стал понимать чужой язык,
Был окрещён святым отцом
И, с шумным светом незнаком,
Уже хотел во цвете лет
Изречь монашеский обет,
Как вдруг однажды он исчез
Осенней ночью. Тёмный лес
Тянулся по горам кругом.
Три дня все поиски по нём
Напрасны были, но потом
Его в степи без чувств нашли
И вновь в обитель принесли.
Он страшно бледен был и худ
И слаб, как будто долгий труд,
Болезнь иль голод испытал.
Он на допрос не отвечал
И с каждым днём приметно вял.
И близок стал его конец;
Тогда пришёл к нему чернец³
С увещаваньем⁴ и мольбой;
И, гордо выслушав, больной
Привстал, собрав остаток сил,
И долго так он говорил:

¹ *Сёрна* — стройное, лёгкое животное, с тонкой шеей, небольшой головой и крепкими ногами. Обитает в горных районах Карпат, Малой Азии и Кавказа.

² *Призреть* — дать кому-либо приют и пропитание.

³ *Чернец* — монах, живущий либо в монашеской общине, либо в одиночестве, отшельничестве. Монахи проживают в монастырях (обителях), пустынях, лаврах.

⁴ *Увещавать* — призывать к добру, поучать.

3

«Ты слушать исповедь¹ мою
 Сюда пришёл, благодарю.
 Всё лучше перед кем-нибудь
 Словами облегчить мне грудь;
 Но людям я не делал зла,
 И потому мои дела
 Немного пользы вам узнать, —
 А душу можно ль рассказать?
 Я мало жил, и жил в плену.
 Таких две жизни за одну,
 Но только полную тревог,
 Я променял бы, если б мог.
 Я знал одной лишь думы власть,
 Одну — но пламенную страсть²:
 Она, как червь, во мне жила,
 Изгрызла душу и сожгла.
 Она мечты мои звала
 От келий³ душных и молитв
 В тот чудный мир тревог и битв,
 Где в тучах прячутся скалы,
 Где люди вольны, как орлы.
 Я эту страсть во тьме ночной
 Вскормил слезами и тоской;
 Её пред небом и землёй
 Я ныне громко признаю
 И о прощенье не молю.

4

Старик! я слышал много раз,
 Что ты меня от смерти спас —
 Зачем?.. Угрюм и одинок,
 Грозой оторванный листок,
 Я вырос в сумрачных стенах,
 Душой дитя, судьбой монах.
 Я никому не мог сказать
 Священных слов «отец» и «мать».

Конечно, ты хотел, старик,
 Чтоб я в обители отвык
 От этих сладостных имён, —
 Напрасно: звук их был рождён
 Со мной. Я видел у других
 Отчизну, дом, друзей, родных,
 А у себя не находил
 Не только милых душ — могил!
 Тогда, пустых не тратя слёз,
 В душе я клятву произнёс:
 Хотя на миг когда-нибудь
 Мою пылающую грудь
 Прижать с тоской к груди другой,
 Хоть незнакомой, но родной.
 Увы! теперь мечтанья те
 Погибли в полной красоте,
 И я, как жил, в земле чужой
 Умру рабом и сиротой.

5

Меня могила не страшит:
 Там, говорят, страданье спит
 В холодной вечной тишине;
 Но с жизнью жаль расстаться мне.
 Я молод, молод... Знал ли ты
 Разгульной юности мечты?
 Или не знал, или забыл,
 Как ненавидел и любил;
 Как сердце билось живей
 При виде солнца и полей
 С высокой башни угловой,
 Где воздух свеж и где порой
 В глубокой скважине стены,
 Дитя неведомой страны,
 Прижавшись, голубь молодой
 Сидит, испуганный грозой?
 Пускай теперь прекрасный свет

¹ *Исповедь* — признание в своих грехах перед священником, отпускающим грехи от имени церкви и Бога, покаяние.

² *Страсть* — сильное чувство, влечение к чему-либо.

³ *Келья* — отдельная комнатка монаха в монастыре.

Тебе постыл; ты слаб, ты сед,
И от желаний ты отвык.
Что за нужда? Ты жил, старик!
Тебе есть в мире что забыть,
Ты жил, — я также мог бы жить!

6

Ты хочешь знать, что видел я
На воле? — Пышные поля,
Холмы, покрытые венцом
Дерев, разросшихся кругом,
Шумящих свежую толпой,
Как братья в пляске круговой.
Я видел груды тёмных скал,
Когда поток их разделял,
И думы их я угадал:
Мне было свыше то дано!
Простёрты в воздухе давно
Объяты каменные их,
И жаждут встречи каждый миг;
Но дни бегут, бегут года —
Им не сойтися никогда!
Я видел горные хребты,
Причудливые, как мечты,
Когда в час утренней зари
Курились, как алтари,
Их выси в небе голубом,
И облачко за облачком,
Покинув тайный свой ночлег,
К востоку направляло бег —
Как будто белый караван
Залётных птиц из дальних стран!
Вдали я видел сквозь туман,
В снегах, горящих, как алмаз,
Седой незыблемый Кавказ;
И было сердцу моему
Легко, не знаю почему.
Мне тайный голос говорил,
Что некогда и я там жил,

И стало в памяти моей
Прошедшее ясней, ясней...

7

И вспомнил я отцовский дом,
Ущелье наше, и кругом
В тени рассыпанный аул¹;
Мне слышался вечерний гул
Домой бегущих табунов
И дальний лай знакомых псов.
Я помнил смуглых стариков,
При свете лунных вечеров
Против отцовского крыльца
Сидевших с важностью лица;
И блеск оправленных ножен
Кинжалов длинных... и как сон
Всё это смутной чередой
Вдруг пробежало предо мной.
А мой отец? он как живой
В своей одежде боевой
Являлся мне, и помнил я
Кольчуги звон, и блеск ружья,
И гордый непреклонный взор,
И молодых моих сестёр...
Лучи их сладостных очей
И звук их песен и речей
Над колыбелию моей...
В ущелье там бежал поток.
Он шумен был, но неглубок;
К нему, на золотой песок,
Играть я в полдень уходил
И взором ласточек следил,
Когда они перед дождём
Волны касались крылом.
И вспомнил я наш мирный дом
И пред вечерним очагом
Рассказы долгие о том,
Как жили люди прежних дней,
Когда был мир ещё пышней.

¹ Ау́л — селение у народов Средней Азии и Кавказа.

8

Ты хочешь знать, что делал я
 На воле? Жил — и жизнь моя
 Без этих трёх блаженных дней
 Была б печальней и мрачней
 Бессильной старости твоей.
 Давным-давно задумал я
 Взглянуть на дальние поля,
 Узнать, прекрасна ли земля,
 Узнать, для воли иль тюрьмы
 На этот свет родимся мы.
 И в час ночной, ужасный час,
 Когда гроза пугала вас,
 Когда, столпясь при алтаре,
 Вы ниц лежали на земле,
 Я убежал. О, я как брат
 Обняться с бурей был бы рад!
 Глазами тучи я следил,
 Рукою молнию ловил...
 Скажи мне, что средь этих стен
 Могли бы дать вы мне взамен
 Той дружбы краткой, но живой,
 Меж бурным сердцем и грозой?

9

Бежал я долго — где, куда?
 Не знаю! ни одна звезда
 Не озаряла трудный путь.
 Мне было весело вдохнуть
 В мою измученную грудь
 Ночную свежесть тех лесов,
 И только! Много я часов
 Бежал, и наконец, устав,
 Прилёг между высоких трав;
 Прислушался: погони нет.
 Гроза утихла. Бледный свет
 Тянулся длинной полосой
 Меж тёмным небом и землёй,

И различал я, как узор,
 На ней зубцы далёких гор;
 Недвижим, молча я лежал.
 Порой в ущелии шакал
 Кричал и плакал, как дитя,
 И, гладкой чешуёй блестя,
 Змея скользила меж камней;
 Но страх не сжал души моей:
 Я сам, как зверь, был чужд людей
 И полз и прятался, как змей.

10

Внизу глубоко подо мной
 Поток, усиленный грозой,
 Шумел, и шум его глухой
 Сердитых сотне голосов
 Подобился. Хотя без слов
 Мне внятен был тот разговор,
 Немолчный ропот¹, вечный спор
 С упрямой грудой камней.
 То вдруг стихал он, то сильней

В. Замирайло.

Иллюстрация к поэме
 М. Лермонтова «Мцыри». 1914 г.

¹ *Ропот* — недовольство, протест, выражаемые негромко, не вполне открыто.

Он раздавался в тишине;
И вот, в туманной вышине
Запели птички, и восток
Озолотился; ветерок
Сырые шевельнул листы;
Дохнули сонные цветы,
И, как они, навстречу дню
Я поднял голову мою...
Я осмотрелся; не таю:
Мне стало страшно; на краю
Грозящей бездны я лежал,
Где выл, крутясь, сердитый вал;
Туда вели ступени скал;
Но лишь злой дух по ним шагал,
Когда, низверженный с небес,
В подземной пропасти исчез.

11

Кругом меня цвёл Божий сад;
Растений радужный наряд
Хранил следы небесных слёз,
И кудри виноградных лоз
Вились, красуясь меж дерев
Прозрачной зеленью листов;
И грозды полные на них,
Серёг подобье дорогих,
Висели пышно, и порой
К ним птиц летал пугливый рой.
И снова я к земле припал
И снова вслушиваться стал
К волшебным, странным голосам;
Они шептались по кустам,
Как будто речь свою вели
О тайнах неба и земли;
И все природы голоса
Сливались тут; не раздался
В торжественный хваленья час
Лишь человека гордый глас.

Всё, что я чувствовал тогда,
Те думы — им уж нет следа;
Но я б желал их рассказать,
Чтоб жить, хоть мысленно, опять.
В то утро был небесный свод
Так чист, что ангела полёт
Прилежный взор следить бы мог;
Он так прозрачно был глубок,
Так полон ровной синевой!
Я в нём глазами и душой
Тонул, пока полдневный зной
Мои мечты не разогнал.
И жаждой я томиться стал.

12

Тогда к потоку с высоты,
Держась за гибкие кусты,
С плиты на плиту я, как мог,
Спускаться начал. Из-под ног
Сорвавшись, камень иногда
Катился вниз — за ним бразда¹
Дымилась, прах вился столбом;
Гудя и прыгая, потом
Он поглощаем был волной;
И я висел над глубиной,
Но юность вольная сильна,
И смерть казалась не страшна!
Лишь только я с крутых высот
Спустился, свежесть горных вод
Повеяла навстречу мне,
И жадно я припал к волне.
Вдруг — голос — легкий шум шагов...
Мгновенно скрывшись меж кустов,
Невольным трепетом объят,
Я поднял боязливый взгляд
И жадно вслушиваться стал:
И ближе, ближе всё звучал
Грузинки голос молодой,

¹ *Бразда* (устар.) — борозда, длинная канавка.

Так безыскусственно живой,
Так сладко вольный, будто он
Лишь звуки дружеских имён
Произносить был приучён.
Простая песня то была,
Но в мысль она мне залегла,
И мне, лишь сумрак настаёт,
Незримый дух её поёт.

13

Держа кувшин над головой,
Грузинка узкою тропой
Сходила к берегу. Порой
Она скользила меж камней,
Смеясь неловкости своей.
И беден был её наряд;
И шла она легко, назад
Изгибы длинные чадры¹
Откинув. Летние жары
Покрыли тенью золотой
Лицо и грудь её; и зной
Дышал от уст её и щёк.
И мрак очей был так глубок,
Так полон тайнами любви,
Что думы пыльные мои
Смутились. Помню только я
Кувшина звон, — когда струя
Вливалась медленно в него,
И шорох... больше ничего.
Когда же я очнулся вновь
И отлила от сердца кровь,
Она была уж далеко;
И шла, хоть тише, — но легко,
Стройна под ношею своей,
Как тополь, царь её полей!
Недалеко, в прохладной мгле,
Казалось, приросли к скале

Две сакли² дружною четой;
Над плоской кровлею одной
Дымок струился голубой.
Я вижу будто бы теперь,
Как отперлась тихонько дверь...
И затворилась опять!..
Тебе, я знаю, не понять
Мою тоску, мою печаль;
И если б мог, — мне было б жаль:
Воспоминанья тех минут
Во мне, со мной пускай умрут.

14

Трудами ночи изнурён,
Я лёг в тени. Отрадный сон
Сомкнул глаза невольно мне...
И снова видел я во сне
Грузинки образ молодой.
И странной сладкою тоской
Опять моя заныла грудь.
Я долго силился вздохнуть —
И пробудился. Уж луна
Вверху сияла, и одна
Лишь тучка кралась за ней,
Как за добычею своей,
Объяты жадные раскрыв.
Мир тёмный был и молчалив;
Лишь серебристой бахромой
Вершины цени снеговой
Вдали сверкали предо мной
Да в берега плескал поток.
В знакомой сакле огонёк
То трепетал, то снова гас:
На небесах в полночный час
Так гаснет яркая звезда!
Хотелось мне... но я туда
Взойти не смел. Я цель одну —

¹ *Чадра́* — лёгкое женское покрывало белого, синего или чёрного цвета. Надевается при выходе из дома и закрывает фигуру женщины с головы до ног.

² *Сакля́* — дом у горцев Кавказа с каменными, глинобитными стенами и плоской крышей.

Пройти в родимую страну —
Имел в душе и превозмог
Страданье голода, как мог.
И вот дорогою прямой
Пустился, робкий и немой.
Но скоро в глубине лесной
Из виду горы потерял
И тут с пути сбиваться стал.

15

Напрасно в бешенстве порой
Я рвал отчаянной рукой
Терновник, спутанный плющом:
Всё лес был, вечный лес кругом,
Страшней и гуще каждый час;
И миллионом чёрных глаз
Смотрела ночи темнота
Сквозь ветви каждого куста...
Моя кружилась голова;
Я стал влезать на дерева;
Но даже на краю небес
Всё тот же был зубчатый лес.
Тогда на землю я упал;
И в исступлении рыдал,
И грыз сырую грудь земли,
И слёзы, слёзы потекли
В неё горючею росой...
Но, верь мне, помощи людской
Я не желал... Я был чужой
Для них навек, как зверь степной;
И если б хоть минутный крик
Мне изменил — клянусь, старик,
Я б вырвал слабый мой язык.

16

Ты помнишь детские года:
Слезы не знал я никогда;
Но тут я плакал без стыда.
Кто видеть мог? Лишь тёмный лес
Да месяц, плывший средь небес!
Озарена его лучом,

Покрыта мохом и песком,
Непроницаемой стеной
Окружена, передо мной
Была поляна. Вдруг по ней
Мелькнула тень, и двух огней
Промчались искры... и потом
Какой-то зверь одним прыжком
Из чащи выскочил и лёг,
Играя, навзничь на песок.
То был пустыни вечный гость —
Могучий барс. Сырую кость
Он грыз и весело визжал;
То взор кровавый устремлял,
Мотая ласково хвостом,
На полный месяц, — и на нём
Шерсть отливалась серебром.
Я ждал, схватив рогатый сук,
Минуту битвы; сердце вдруг
Зажглося жаждою борьбы
И крови... да, рука судьбы
Меня вела иным путём...
Но нынче я уверен в том,
Что быть бы мог в краю отцов
Не из последних удальцов.

17

Я ждал. И вот в тени ночной
Врага почуял он, и вой
Протяжный, жалобный, как стон
Раздался вдруг... и начал он
Серdito лапой рыть песок,
Встал на дыбы, потом прилёг,
И первый бешеный скачок
Мне страшной смертью грозил...
Но я его предупредил.
Удар мой верен был и скор.
Надёжный сук мой, как топор,
Широкий лоб его рассек...
Он застонал, как человек,
И опрокинулся. Но вновь,

Хотя лила из раны кровь
Густой, широкою волной,
Бой закипел, смертельный бой!

18

Ко мне он кинулся на грудь;
Но в горло я успел воткнуть
И там два раза повернуть
Мое оружие... Он завыл,
Рванулся из последних сил,
И мы, сплетясь, как пара змей,
Обнявшись крепче двух друзей,
Упали разом, и во мгле
Бой продолжался на земле.
И я был страшен в этот миг;
Как барс пустынный, зол и дик,
Я пламенел, визжал, как он;
Как будто сам я был рождён
В семействе барсов и волков
Под свежим пологом лесов.
Казалось, что слова людей
Забыл я — и в груди моей
Родился тот ужасный крик,
Как будто с детства мой язык
К иному звуку не привык...
Но враг мой стал изнемогать,
Метаться, медленней дышать,
Сдавил меня в последний раз...
Зрачки его недвижных глаз
Блеснули грозно — и потом
Закрылись тихо вечным сном;
Но с торжествующим врагом
Он встретил смерть лицом к лицу,
Как в битве следует бойцу!..

19

Ты видишь на груди моей
Следы глубокие когтей;
Ещё они не заросли
И не закрылись; но земли

Сырой покров их освежит
И смерть навеки заживит.
О них тогда я позабыл,
И, вновь собрав остаток сил,
Побрёл я в глубине лесной...
Но тщетно спорил я с судьбой:
Она смеялась надо мной!

20

Я вышел из лесу. И вот
Проснулся день, и хоровод
Светил напутственных исчез
В его лучах. Туманный лес
Заговорил. Вдали аул
Куриться начал. Смутный гул
В долине с ветром пробежал...
Я сел и вслушиваться стал;
Но смолк он вместе с ветерком.
И кинул взоры я кругом:
Тот край, казалось, мне знаком.
И страшно было мне, понять
Не мог я долго, что опять

*В. Поляков. Иллюстрация к поэме
М. Лермонтова «Мцыри». 1900 г.*

Вернулся я к тюрьме моей;
Что бесполезно столько дней
Я тайный замысел ласкал,
Терпел, томился и страдал,
И всё зачем?.. Чтоб в цвете лет,
Едва взглянув на божий свет,
При звучном ропоте дубрав
Блаженство вольности познав,
Унести в могилу за собой
Тоску по родине святой,
Надежд обманутых укор
И вашей жалости позор!..
Ещё в сомненье погружён,
Я думал — это страшный сон...
Вдруг дальний колокола звон
Раздался снова в тишине —
И тут всё ясно стало мне...
О, я узнал его тотчас!
Он с детских глаз уже не раз
Сгонял виденья снов живых
Про милых ближних и родных,
Про волю дикую степей,
Про лёгких, бешеных коней,
Про битвы чудные меж скал,
Где всех один я побеждал!..
И слушал я без слёз, без сил.
Казалось, звон тот выходил
Из сердца — будто кто-нибудь
Железом ударял мне в грудь.
И смутно понял я тогда,
Что мне на родину следа
Не проложить уж никогда.

21

Да, заслужил я жребий мой!
Могучий конь, в степи чужой,
Плохого сбросив седока,
На родину издалека

Найдёт прямой и краткий путь...
Что я пред ним? Напрасно грудь
Полна желаньем и тоской:
То жар бессильный и пустой,
Игра мечты, болезнь ума.
На мне печать свою тюрьма
Оставила... Таков цветок
Темничный: вырос одинок
И бледен он меж плит сырых,
И долго листьев молодых
Не распускал, всё ждал лучей
Живительных. И много дней
Прошло, и добрая рука
Печально тронулась цветка,
И был он в сад перенесён,
В соседство роз. Со всех сторон
Дышала сладость бытия...
Но что ж? Едва взошла заря,
Палящий луч её обжёт
В тюрьме воспитанный цветок...

22

И как его, палил меня
Огонь безжалостного дня.
Напрасно прятал я в траву
Мою усталую главу:
Иссохший лист её венцом
Терновым над моим челом
Свивался, и в лицо огнём
Сама земля дышала мне.
Сверкая быстро в вышине,
Кружились искры; с белых скал
Струился пар. Мир божий спал
В оцепенении глухом
Отчаянья тяжёлым сном.
Хотя бы крикнул коростель¹,
Иль стрекозы живая трель
Послышалась, или ручья

¹ *Коростель*, или *дергач*, — небольшая птица. Большую часть жизни проводит на земле в зарослях высоких трав.

Ребячий лепет... Лишь змея,
Сухим бурьяном шелестя,
Сверкая жёлтою спиной,
Как будто надписью златой
Покрытый донизу клинок,
Браздя рассыпчатый песок,
Скользила бережно; потом,
Играя, нежася на нём,
Тройным свивалася кольцом;
То, будто вдруг обожжена,
Металась, прыгала она
И в дальних пряталась кустах...

23

И было всё на небесах
Светло и тихо. Сквозь пары
Вдали чернели две горы.
Наш монастырь из-за одной
Сверкал зубчатою стеной.
Внизу Арагва и Кура,
Обвив каймой из серебра
Подошвы свежих островов,
По корням шепчущих кустов
Бежали дружно и легко...
До них мне было далеко!
Хотел я встать — передо мной
Всё закружилось с быстротой;
Хотел кричать — язык сухой
Беззвучен и недвижим был...
Я умирал. Меня томил
Предсмертный бред.
Казалось мне,
Что я лежу на влажном дне
Глубокой речки — и была
Кругом таинственная мгла.
И, жажду вечную поя,
Как лёд, холодная струя,
Журча, вливалася мне в грудь...
И я боялся лишь заснуть, —
Так было сладко, любо мне...

А надо мною в вышине
Волна теснилася к волне.
И солнце сквозь хрусталь волны
Сияло сладостней луны...
И рыбок пёстрые стада
В лучах играли иногда.
И помню я одну из них:
Она приветливей других
Ко мне ласкалась. Чешуёй
Была покрыта золотой
Её спина. Она вилась
Над головой моей не раз,
И взор её зелёных глаз
Был грустно нежен и глубок...
И надивиться я не мог:
Её серебристый голосок
Мне речи странные шептал,
И пел, и снова замолкал.

Он говорил: «Дитя моё,
Останься здесь со мной:
В воде привольное житьё
И холод и покой.

* * *

Я созову моих сестёр:
Мы пляской круговой
Развеселим туманный взор
И дух усталый твой.

* * *

Усни, постель твоя мягка,
Прозрачен твой покров.
Пройдут года, пройдут века
Под говор чудных снов.

* * *

О милый мой! не утаю,
Что я тебя люблю,
Люблю, как вольную струю,
Люблю, как жизнь мою...»

И долго, долго слушал я;
И мнилось, звучная струя
Сливала тихий ропот свой
С словами рыбки золотой.
Тут я забылся. Божий свет
В глазах угас. Безумный бред
Бессилью тела уступил...

24

Так я найдён и поднят был...
Ты остальное знаешь сам.
Я кончил. Верь моим словам
Или не верь, мне всё равно.
Меня печалит лишь одно:
Мой труп холодный и немой
Не будет тлеть в земле родной,
И повесть горьких мук моих
Не призовет меж стен глухих
Вниманье скорбное ничьё
На имя тёмное моё.

25

Прощай, отец... дай руку мне:
Ты чувствуешь, моя в огне...
Знай, этот пламень с юных дней,
Таяся, жил в груди моей;
Но ныне пищи нет ему,
И он прожёт свою тюрьму
И возвратится вновь к тому,
Кто всем законной чередой
Даёт страданье и покой...
Но что мне в том? — пускай в раю,
В святом, заоблачном краю

Мой дух найдёт себе приют...
Увы! — за несколько минут
Между крутых и тёмных скал,
Где я в ребячестве играл,
Я б рай и вечность променял...

26

Когда я стану умирать,
И, верь, тебе не долго ждать,
Ты перенеси меня вели
В наш сад, в то место, где цвели
Акаций белых два куста...
Трава меж ними так густа,
И свежий воздух так душист,
И так прозрачно-золотист
Играющий на солнце лист!
Там положить вели меня.
Сияньем голубого дня
Упьюся я в последний раз.
Оттуда виден и Кавказ!
Быть может, он с своих высот
Привет прощальный мне пришлёт,
Пришлёт с прохладным ветерком...
И близ меня перед концом
Родной опять раздастся звук!
И стану думать я, что друг
Иль брат, склонившись надо мной,
Отёр внимательной рукой
С лица кончины хладный пот
И что вполголоса поёт
Он мне про милую страну...
И с этой мыслью я засну,
И никого не прокляну!..»

М. Лермонтов. Военно-Грузинская дорога близ Мцхеты (Кавказский вид с саклей). 1837 г.

Вопросы и задания

1. О чём эта поэма? Сформулируйте тему произведения.
2. При каких обстоятельствах Мцыри попадает в монастырь? На какие черты характера Мцыри автор обращает особенное внимание?
3. Как вы думаете, почему о жизни героя в монастыре рассказывается лишь в двух главах, а о трёх днях на свободе — во всех остальных?
4. Почему Мцыри решает резко изменить свою судьбу? Что он рассказывает об этом в исповеди чернецу? Подтвердите свои слова цитатами из текста.
5. Что рассказывает Мцыри о блаженных днях на воле? Какие чувства он при этом испытывает?
6. Трёхдневное скитание Мцыри происходит на лоне природы. Найдите и зачитайте описания кавказской природы. Всегда ли природа является другом и помощником Мцыри?
7. Как кавказский пейзаж помогает понять характер героя? Какие художественные средства использует автор для создания картин природы?
8. Какие черты характера Мцыри раскрываются в схватке с барсом? Подтвердите свои слова цитатами из текста.
9. Какое место занимает эта сцена в сюжете произведения? Назовите другие элементы сюжета поэмы М. Лермонтова «Мцыри» (завязку, развитие действия, кульминацию, развязку).
10. Чем является родина для Мцыри? Можно ли утверждать, что на свободе особенно ярко проявляется его любовь к ней? Докажите или опровергните это суждение, обратившись к тексту поэмы.
11. Подумайте, в чём заключается идея произведения. Как она связана с эпиграфом поэмы? Что подразумевает автор под «мёдом»?
12. Сравните реальную историю, послужившую основой сюжета, с финалом поэмы. Что изменено автором и почему?

13. Как вы понимаете слова Мцыри: «*Но тщетно спорил я с судьбой: / Она смеялась надо мной*»? Кем, на ваш взгляд, является Мцыри — победителем или побеждённым? Можно ли считать бесплодной его попытку изменить судьбу?
14. Как вы думаете, почему Мцыри сравнивает себя с «темничным цветком»? Согласны ли вы с такой самооценкой? Аргументируйте свою точку зрения, опираясь на текст поэмы.

15. Поэму М. Лермонтова иллюстрировали знаменитые художники — Л. Пастернак, И. Глазунов, В. Поляков и другие. Какие иллюстрации сделали бы вы? Опишите устно или нарисуйте. Приступая к работе, прислушайтесь к совету опытного художника-иллюстратора: «Чтобы сделать хорошую иллюстрацию, прежде всего иллюстратор должен владеть всем арсеналом своей профессии. Вот что это значит. Уметь рисовать, и не только с натуры, но и по памяти, быть грамотным

живописцем и, особенно важно, свободно компоновать и сочинять. Хорошо знать литературу, ведь художник должен тонко чувствовать идейные и стилистические особенности автора, иначе не найдёт соответствующий им графический язык и материал» (В. Панов). На сайте (режим доступа: <http://lermontov.sch1262.ru/>) вы найдёте и другие иллюстрации к поэме М. Лермонтова «Мцыри». Сравните их с собственными представлениями.

Теория литературы

Понятие о поэме, лирическом монологе

Жанр «Мцыри» — поэма. **Поэма** — это большое стихотворное произведение с повествовательным или лирическим сюжетом. В произведении важное место принадлежит герою с необычной судьбой, который особенно близок автору. Например, Мцыри является «любимым идеалом» М. Лермонтова, «тенью его собственной личности».

Повествование в поэме окрашено чувствами и переживаниями героя, о которых он рассказывает в лирическом монологе. **Лирический монолог** — это литературный приём, служащий для передачи сокровенных мыслей и чувств персонажа. Литературный монолог, как правило, обращён к молчаливому слушателю.

Вопросы и задания

1. Что называется *поэмой*? Что такое *лирический монолог*?
2. Перечитайте один из лирических монологов Мцыри. Какими художественными средствами автор передаёт его чувства и стремления?
3. Для жанра поэмы характерно изображение необычных событий и ярких героев. Докажите, что «Мцыри» М. Лермонтова — поэма.

В Украине творчество М. Лермонтова всегда ценили за красоту образов, но особенно — за свободолюбивые идеи. Эти черты роднили поэзию русских и украинских авторов. Михаил Лермонтов был одним из любимых поэтов Тараса Шевченко. Их объединяет содержание творческой деятельности, сходство писательской и гражданской судеб.

Поэма «Мцыри» и другие произведения М. Лермонтова неоднократно переводились на украинский язык Оленой Пчилкой (О. Косач-Драгомановой), Днипровой Чайкой (Л. Василевской-Березиной), М. Чернявским, М. Рыльским, Л. Первомайским и др.

НИКОЛАЙ ГОГОЛЬ (1809–1852)

Наследие Н. Гоголя, современника А. Пушкина и М. Лермонтова, принадлежит двум культурам — украинской и русской.

Детские и юношеские годы писателя тесно связаны с Украиной. Николай Гоголь всегда помнил, что его предки были украинскими казаками и сам он — потомок старинного гетманского рода.

Важным этапом в жизни Н. Гоголя была учёба в Нежинской гимназии высших наук (1821–1828). Он принимал активное участие в работе гимназической библиотеки, в издании рукописных журналов, в подготовке и постановке театральных спектаклей. В период учёбы начал вести «Книгу всякой всячины» — «подручную энциклопедию», куда вносил выписки из прочитанных книг, записывал пословицы, поговорки, загадки, предания, украинские обычаи и обряды. Здесь начал формироваться его интерес к литературе и литературному творчеству, он создавал не только прозаические, но и поэтические произведения.

В декабре 1828 г. Н. Гоголь приехал в Петербург. Некоторое время он служил в канцелярии одного из департаментов¹, но, разочаровавшись в государственной службе, решил посвятить себя литературному труду. В Петербурге Н. Гоголь познакомился с издателем П. Плетнёвым, поэтами В. Жуковским и А. Пушкиным.

Литературная слава пришла к Н. Гоголю не сразу. *«Вечера на хуторе близ Диканьки»* (1831–1832) — первый сборник повестей, который принёс автору успех и признание. Украинская тема — одна из главных в этом сборнике. Создавая повести об Украине, о её прошлом и настоящем, писатель использовал свои детские и юношеские впечатления, а также знания о быте, нравах, обычаях, фольклоре украинцев.

Два года спустя писатель завершил сборник *«Миргород»*, в подзаголовке к которому указывается, что он является продолжением «Вечеров на хуторе близ Диканьки». Он был опубликован в 1835 г. В него вошли повести *«Старосветские помещики»*, *«Тарас Бульба»*, *«Вий»*, *«Как поспорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»*. В «Миргороде», как и в «Вечерах на хуторе близ Диканьки», действие повестей происходит в Украине, однако здесь меньше веселья и больше грусти.

¹ *Департамент* — отдел министерства или высшего государственного учреждения.

Комментарий

В повести «**Тарас Бульба**» Н. Гоголь обратился к казацкому прошлому Украины, создал обобщённый образ Запорожской Сечи, яркие образы казаков-запорожцев, пронизанные героическим пафосом служения родине. Писатель трудился над этим произведением на протяжении многих лет. Издав повесть в 1835 г. в составе сборника «Миргород», он продолжал совершенствовать её текст: расширил описания, добавил новые детали. В 1842 г. появилась вторая редакция «Тараса Бульбы».

Работая над повестью, автор использовал исторические и фольклорные источники. В произведении нет точных дат, но передан дух того времени, когда существовало казачество и Запорожская Сечь — место, откуда «разливается воля и казачество на всю Украину». И в этом писателю помогли не только исторические источники, летописи, но и украинские народные песни и думы.

Запорожская Сечь — военная и политическая организация украинского казачества, которая сложилась в первой половине XVI в. и находилась «за порогами» — в низовьях Днепра, в районе о. Хортица (скалистого острова на Днепре). Хортица была важным опорным пунктом Запорожской Сечи. Сечь представляла собой укрепления, внутри которых были жилые помещения, хозяйственные постройки и церкви. Здесь действовали законы братства, товарищества, взаимопомощи, уважения к старшим, царили принципы свободы, равенства и самоуправления.

Запорожская Сечь. Национальный заповедник «Хортица» (реконструкция).
Современная фотография

ТАРАС БУЛЬБА

(В сокращении)

I

— А поворотись-ка, сын! Экой ты смешной какой! Что это на вас за поповские подрясники? И этак все ходят в академии¹? — Такими словами встретил старый Бульба двух сыновей своих, учившихся в киевской бурсе² и приехавших домой к отцу.

¹ Академия — здесь: Киевская духовная академия, основанная в 1632 г.

² Бурса — среднее или низшее учебное заведение с общежитием. Автор называет своих героев — выпускников Киевской академии — то семинаристами, то бурсаками.

Сыновья его только что слезли с коней. Это были два дюжие молодца, ещё смотревшие исподлобья, как недавно выпущенные семинаристы. Крепкие, здоровые лица их были покрыты первым пухом волос, которого ещё не касалась бритва. Они были очень смущены таким приёмом отца и стояли неподвижно, потупив глаза в землю.

— Стойте, стойте! дайте мне разглядеть вас хорошенько, — продолжал он, поворачивая их, — какие же длинные на вас свитки! экие свитки! таких свиток ещё и на свете не было. А побегу который-нибудь из вас! я посмотрю, не шлёпнется ли он на землю, запутавшись в полы.

— Не смейся, не смейся, батько! — сказал наконец старший из них.

— Смотри ты, какой пышный! а отчего ж бы не смеяться?

— Да так; хоть ты мне и батька, а как будешь смеяться, то, ей-Богу, поколочу!

— Ах ты, сякой-такой сын! как, батьку? — сказал Тарас Бульба, отступивши с удивлением несколько шагов назад.

— Да хоть и батьку. За обиду не посмотрю и не уважу никого.

— Как же хочешь ты со мною биться, разве на кулаки?

— Да уж на чём бы то ни было.

— Ну, давай на кулаки! — говорил Тарас Бульба, засучив рукава, — посмотрю я, что за человек ты в кулаке!

И отец с сыном, вместо приветствия после давней отлучки, начали насаживать друг другу тумачи и в бока, и в поясицу, и в грудь, то отступая и оглядываясь, то вновь наступая. (...)

Бульба повёл сыновей своих в светлицу, откуда проворно выбежали две красивые девки-прислужницы в червонных монистах, прибиравшие комнаты. (...) Светлица была убрана во вкусе того времени (...). Всё было чисто, вымазано цветной глиною. На стенах — сабли, нагайки, сетки для птиц, невода и ружья, хитро обделанный рог для пороху, золотая уздечка на коня и путы с серебряными бляхами. Окна в светлице были маленькие, с круглыми тусклыми стёклами, какие встречаются ныне только в старинных церквах, сквозь которые иначе нельзя было глядеть, как приподняв надвижное стекло. (...)

Бульба по случаю приезда сыновей велел созвать всех сотников и весь полковой чин, кто только был налицо; и когда пришли двое из них и есаул¹ Дмитро Товкач, старый его товарищ, он им тот же час представил сыновей, говоря: «Вот, смотрите, какие молодцы! на Сечь их скоро пошлю». Гости поздравили и Бульбу и обоих юношей и сказали им, что доброе дело делают и что нет лучшей науки для молодого человека, как Запорожская Сечь. (...)

¹ *Есаул* — чин в казацком войске.

Тарас был один из числа коренных, старых полковников: весь был он создан для бранной тревоги и отличался грубой прямоотой своего нрава. (...)

Теперь он тешил себя заранее мыслию, как он явится с двумя сыновьями своими в Сечь и скажет: «Вот посмотрите, каких я молодцов привёл к вам!» (...) Он сначала хотел было отправить их одних; но при виде их свежести, рослости, могучей телесной красоты вспыхнул воинский дух его, и он на другой же день решился ехать с ними сам, хотя необходимостью этого была одна упрямая воля. Он уже хлопотал и отдавал приказы, выбирал коней и сбрую для молодых сыновей, наведывался и в конюшни и в амбары, отобрал слуг, которые должны были завтра с ними ехать. Есаулу Товкачу передал свою власть вместе с крепким наказом явиться сей же час со всем полком, если только он подаст из Сечи какую-нибудь весть. (...)

— Ну, дети, теперь надобно спать, а завтра будем делать то, что Бог даст. Да не стели нам постель! нам не нужна постель: мы будем спать на дворе. (...)

Одна бедная мать не спала; она приникла к изголовью дорогих сыновей своих, лежавших рядом; она расчёсывала гребнем их молодые, небрежно всклокоченные кудри и смачивала их слезами; она глядела на них вся, глядела всеми чувствами, вся превратилась в одно зрение и не могла наглядеться. Она вскормила их собственной грудью; она возрастила, взлелеяла их — и только на один миг видит их перед собою! «Сыны мои, сыны мои милые! что будет с вами? что ждёт вас?» — говорила она, и слёзы остановились в морщинах, изменивших прекрасное когда-то лицо её. (...) Вся любовь, все чувства, всё, что есть нежного и страстного в женщине, всё обратилось у неё в одно материнское чувство. Она с жаром, с страстью, со слезами, как степная чайка, вилась над детьми своими. Её сыновей, её милых сыновей берут от неё; берут для того, чтобы не увидеть их никогда!

У крыльца стояли оседланные кони. Бульба вскочил на своего Чёрта, который бешено отшатнулся, почувствовав на себе двадцатипудовое бремя, потому что Тарас был чрезвычайно тяжёл и толст.

Когда увидела мать, что уже и сыны её сели на коней, она кинулась к меньшому, у которого в чертах лица выразалось более какой-то нежности; она схватила его за стремя, она прилипла к седлу его и с отчаяньем в глазах не выпускала его из рук своих. (...)

Молодые казаки ехали смутно и удерживали слёзы, боясь отца, который, с своей стороны, был тоже несколько смущён, хотя старался этого не показывать. День был серый; зелень сверкала ярко; птицы щебетали как-то вразлад. Они, проехавши, оглянулись назад: хутор их как будто ушел в землю; только видны были над землей две трубы скром-

ного их домика, да вершины дерев, по сучьям которых они лазили, как белки (...). Прощайте и детство, и игры, и всё, и всё!

II

Все три всадника ехали молчаливо. Старый Тарас думал о давнем: перед ним проходила его молодость, его лета, его протекшие лета, о которых всегда плачет казак, желавший бы, чтобы вся жизнь его была молодость. Он думал о том, кого он встретит на Сечи из своих прежних сотоварищей. (...) Сыновья его были заняты другими мыслями. Но нужно сказать поболее о сыновьях его. Они были отданы по двенадцатому году в Киевскую академию, потому что все почётные сановники тогдашнего времени считали необходимостью дать воспитание своим детям, хотя это делалось с тем, чтобы после совершенно позабыть его. Они тогда были, как все поступавшие в бурсу, дики, воспитаны на свободе, и там уже обыкновенно они несколько шлифовались и получали что-то общее, делавшее их похожими друг на друга. Старший, Остап, начал с того своё поприще, что в первый ещё год бежал. Его возвратили, высекли страшно и засадили за книгу. Четыре раза закапывал он свой букварь в землю, и четыре раза, отодравши его бесчеловечно, покупали ему новый. Но без сомнения, он повторил бы и в пятый, если бы отец не дал ему торжественного обещания продержатъ его в монастырских служках целые двадцать лет и не поклялся наперёд, что он не увидит Запорожья вовеки, если не выучится в академии всем наукам. (...) С этого времени Остап начал с необыкновенным старанием сидеть за скучною книгою и скоро стал наряду с лучшими. (...)

Меньшой брат его, Андрий, имел чувства несколько живее и как-то более развитые. Он учился охотнее и без напряжения, с каким обыкновенно принимается тяжелый и сильный характер. Он был изобретательнее своего брата (...). Он также кипел жаждою подвига, но вместе с нею душа его была доступна и другим чувствам. (...) Вообще в последние годы он реже являлся предводителем какой-нибудь ватаги, но чаще бродил один где-нибудь в уединённом закоулке Киева, потопленном в вишнёвых садах, среди низеньких домиков, заманчиво глядевших на улицу. Иногда он забирался и в улицу аристократов, в нынешнем старом Киеве, где жили малороссийские и польские дворяне (...).

Андрий вспоминал о том, как однажды он остановил колымагу какого-то польского пана, которая наехала на него. Лошади рванули, он упал на землю и в это время услышал звонкий смех и увидел красавицу, стоявшую у окна. Узнав о том, что это была дочь ковенского воеводы, Андрий в следующую ночь пробрался в комнату прекрасной полячки.

А. Бубнов. Тарас Бульба. 1956 г.

А между тем степь уже давно приняла их всех в свои зелёные объятия, и высокая трава, обступивши, скрыла их, и только чёрные казацьи шапки одни мелькали между её колосьями. (...)

Степь чем далее, тем становилась прекраснее. Тогда весь юг, всё то пространство, (...) до самого Чёрного моря, было зелёною, девственною

пустынею. Никогда плуг не проходил по неизмеримым волнам диких растений; одни только кони, скрывавшиеся в них, как в лесу, вытаптывали их. Ничего в природе не могло быть лучше: вся поверхность земли представлялась зелёно-золотым океаном, по которому брызнули миллионы разных цветов. Сквозь тонкие, высокие стебли травы сквозили голубые, синие и лиловые волошки; жёлтый дрок выскакивал вверх своею пирамидальною верхушкою; белая кашка зонтикообразными шапками нестрела на поверхности; занесённый Бог знает откуда колос пшеницы наливался в гуще. Под тонкими их корнями шныряли куропатки, вытянув свои шеи. Воздух был наполнен тысячею разных птичьих свистов. (...) Из травы подымалась мерными взмахами чайка и роскошно купалась в синих волнах воздуха; вон она пропала в вышине и только мелькает одною чёрною точкою! вон она перевернулась крылами и блеснула перед солнцем!.. Чёрт вас возьми, степи, как вы хороши!.. (...)

Путешественники ехали без всяких приключений. Нигде не попадались им деревья: всё та же бесконечная, вольная, прекрасная степь. (...)

Вскоре Тарас с сыновьями приехали к берегам Днепра.

Казаки сошли с коней своих, взошли на паром и через три часа плавания были уже у берегов острова Хортицы, где была тогда Сечь, так часто переменявшая своё жилище.

Куча народу бранилась на берегу с перевозчиками. Казаки оправили коней. Тарас приосанился, стянул на себе покрепче пояс и гордо провёл рукою по усам. Молодые сыны его тоже осмотрели себя с ног до головы с каким-то страхом и неопределённым удовольствием, — и все вместе въехали в предместье, находившееся за полверсты от Сечи. При въезде их оглушили пятьдесят кузнецких молотов, ударявших в двадцати пяти кузницах, покрытых дёрном и вырытых в земле. Сильные кожевники сидели под навесом крылец на улице и мяли сво-

ими дюжими руками бычачьи кожи; крамари под ятками¹ сидели с кучами кремней, огнивами и порохом; армянин развесил дорогие платки; татарин ворочал на рожнах бараньи катки с тестом. (...)

Наконец они миновали предместье и увидели несколько разбросанных куреней, покрытых дёрном или, по-татарски, войлоком. Иные уставлены были пушками. Нигде не видно было забора или тех низеньких домиков с навесами на низеньких деревянных столбиках, какие были в предместье. Небольшой вал и засека, не хранимые решительно никем, показывали страшную беспечность. Несколько дюжих запорожцев, лежавших с трубками в зубах на самой дороге, посмотрели на них довольно равнодушно и не сдвинулись с места. Тарас осторожно проехал с сыновьями между них, сказавши: «Здравствуйте, панове!» — «Здравствуйте и вы!» — отвечали запорожцы. Везде, но всему полю, живописными кучами пестрел народ. По смуглым лицам видно было, что все были закалены в битвах, испробовали всяких невзгод. Так вот она, Сечь! Вот то гнездо, откуда вылетают все те гордые и крепкие, как львы! вот откуда разливается воля и казачество на всю Украину! (...)

Вопросы и задания

1. Расскажите, как встретил своих сыновей Тарас Бульба.
2. Найдите в тексте описание матери Остапа и Андрия. Какая черта доминирует в её характере? Как относится к образу матери автор?
3. Опишите, как вы представляете себе Остапа и Андрия. Что между ними общего и чем они отличаются? Какие эпизоды их пребывания в бурсе вам запомнились?
4. Приведите примеры словесной живописи в описании степи. Какие живописные и звуковые образы использует автор в изображении степного пейзажа?

III

Уже около недели Тарас Бульба жил с сыновьями своими на Сечи. Остап и Андрий мало занимались военной школою. Сечь не любила затруднять себя военными упражнениями и терять время; юношество воспитывалось и образовывалось в ней одним опытом, в самом пылу битв, которые оттого были почти непрерывны. Казаки почитали скучным занимать промежутки изучением какой-нибудь дисциплины, кроме разве стрельбы в цель да изредка конной скачки и гоньбы за зверем в степях и лугах; всё прочее время отдавалось гульбе — признаку широкого размета душевной воли. (...)

¹ Крамари под ятками — торговцы под навесами.

Сечь состояла из шестидесяти с лишком куреней¹, которые очень похожи были на отдельные, независимые республики, а ещё более на школу и бурсу детей, живущих на всём готовом. Никто ничем не заводился и ничего не держал у себя; всё было на руках у куренного атамана, который за это обыкновенно носил название «батьки». У него были на руках деньги, платья, весь харч, саламата², каша и даже топливо; ему отдавали деньги под сохран. (...)

Скоро оба молодые казака стали на хорошем счету у казаков. (...) Бойко и метко стреляли в цель, переплывали Днепр против течения — дело, за которое новичок принимался торжественно в казацкие круги.

Но старый Тарас готовил им другую деятельность. Ему не по душе была такая праздная жизнь — настоящего дела хотел он. Он всё придумывал, как бы поднять Сечь на отважное предприятие, где бы можно было разгуляться как следует рыцарю (...).

IV

А на другой день Тарас Бульба уже совещался с новым кошевым³, как поднять запорожцев на какое-нибудь дело. (...)

Кошевой атаман согласился помочь Тарасу Бульбе, несмотря на то, что запорожцы обещали мир турецкому султану. Народ начал собираться на площади. На собрании кошевой увидел, что в поход хотят идти не только молодые казаки. Запорожцы уже готовились к походу против турок, когда к берегу причалил большой паром. Прибывшие на пароме казаки сообщили, что приехали с Украины с плохой новостью, «с бедою»: на них напало польское войско, поляки нарушают их права, они жестоко расправились с их гетманом.

Теперь уже все хотели в поход, и старые и молодые, все, с совета старшин, куренных, кошевого и с воли всего запорожского войска, положили идти прямо на Польшу, отмстить всё зло и посрамленье веры и казацкой славы (...).

V

(...) Войско решилось идти прямо на город Дубно, где, носились слухи, было много казны и богатых обывателей. В полтора дня поход

¹ *Курень* — военная и административная единица Запорожской Сечи, которая состояла из нескольких сотен казаков. Во главе куреня был куренной атаман.

² *Саламата* — мучная похлёбка.

³ *Кошевой* (от слова *кош* — казацкий лагерь, стан) — атаман казацкого войска, избравшийся сечевой радой сроком на один год.

был сделан, и запорожцы показались перед городом. Жители решились защищаться до последних сил и крайности и лучше хотели умереть на площадях и улицах перед своими порогами, чем пустить неприятеля в дома. Высокий земляной вал окружал город; где вал был ниже, там высывалась каменная стена или дом, служивший батареей, или, наконец, дубовый частокол. Гарнизон был силён и чувствовал важность своего дела. Запорожцы жарко полезли было на вал, но были встречены сильною картечью. (...)

Войско, отступив, облегло весь город и от нечего делать занялось опустошением окрестностей (...). Молодым, и особенно сынам Тараса Бульбы, не нравилась такая жизнь. Андрий заметно скучал (...).

Однажды, когда запорожцы уже спали, Андрий увидел перед собой измождённое человеческое лицо. Вначале он подумал, что перед ним призрак, но, взглядевшись внимательней, узнал в женщине, которую принял за привидение, татарку, служанку дочери польского воеводы. Татарка рассказала, что её прислала панночка, которая находится в осаждённом городе. Она просила передать, чтобы рыцарь пришёл к ней, если помнит её, а если не помнит, чтобы передал кусок хлеба для умирающей с голоду матери.

Разыскав мешки с едой, Андрий вместе с татаркой подошли к подземному ходу и вскоре очутились в полной темноте.

VI

(...) Оказавшись в осаждённом городе и увидев полячку, Андрий был поражён её красотой. Он готов был принести в жертву своей любви всё, что у него было.

— Не обманывай, рыцарь, и себя и меня, — говорила она, качая тихо прекрасной головой своей, — знаю и, к великому моему горю, знаю слишком хорошо, что тебе нельзя любить меня, знаю я, какой долг и завет твой: тебя зовут отец, товарищи, отчизна, — а мы враги тебе.

— А что мне отец, товарищи, отчизна? — сказал Андрий, встряхнув быстро головою и выпрямив весь прямой, как надречная осока, стан свой. (...) — Кто сказал, что моя отчизна Украина? кто дал мне её в отчизны? Отчизна есть то, чего ищет душа наша, что милее для неё всего. Отчизна моя — ты! Вот моя отчизна! (...)

И погиб казак! пропал для всего казацкого рыцарства! не видать ему больше ни Запорожья, ни отцовских хуторов своих, ни церкви Божией. Украине не видать тоже храбрейшего из своих детей, взявшихся защищать её. Вырвет старый Тарас седой клочок волос из своей чупрыны и проклянёт и день и час, в который породил на позор себе такого сына.

Вопросы и задания

1. Какие детали описания Запорожской Сечи вам запомнились?
2. Почему Тарас Бульба хотел «поднять Сечь ... на какое-нибудь дело»?
3. Какие события в повести способствовали тому, что казаки решили идти в поход «прямо на Польшу»?
4. Перескажите от имени Андрия эпизод о его встрече с татаркой и с панночкой.
5. Прокомментируйте лирическое отступление автора «*И погиб казак! пропал для всего казацкого рыцарства!*». В чём трагедия Андрия? Каково ваше отношение к поступку младшего сына Тараса?

VII

Утром в запорожском таборе узнали, что в осаждённый город ночью вошло подкрепление и причиной этого было то, что казаки Переяславского куреня, расположившиеся перед боковыми городскими воротами, были пьяны. Кошевой атаман осудил провинившихся и дал приказ разделиться на три части, чтобы охранять входы в город перед тремя воротами.

(...) Уходя к своему полку, Тарас думал и не мог придумать, куда бы девался Андрий; полонили ли его вместе с другими и связали сонного; только нет, не таков Андрий, чтобы отдался живым в плен. Между убитыми казаками тоже не было его видно. Задумался крепко Тарас (...).

Еврей Янкель, побывавший в осаждённом городе Дубно, рассказал Тарасу Бульбе, что видел там Андрия, который по своей воле перешёл на сторону поляков. Тарас был поражён этим известием.

(...) Теперь припомнил он, что видел в прошлую ночь Андрия, проходившего по табору с какой-то женщиною, и поник седою головою, а всё ещё не хотел верить, чтобы могло случиться такое позорное дело и чтобы собственный сын его продал веру и душу.

Наконец повёл он свой полк в засаду и скрылся с ним за лесом, который один был не выжжен ещё казаками. А запорожцы, и пешие и конные, выступали на три дороги к трём воротам. Один за другим валяли курени: Уманский, Поповичевский, Каневский, Стебликивский, Незамайковский, Гургизив, Тытаревский, Тymoшевский. (...)

В городе слышали казацкое движенье. Все высыпали на вал, и предстала пред казаков живая картина: польские витязи, один другого красивей, стояли на валу. Медные шапки сияли, как солнца, оперённые белыми, как лебедь, перьями. На других были лёгкие шапочки, розовые и голубые, с перегнутыми набекрень верхами (...).

Казацкие ряды стояли тихо перед стенами. Не было из них ни на ком золота; только разве кое-где блестело оно на сабельных рукоятях

и ружейных оправах. Не любили казаки богато наряжаться на битвах: простые были на них кольчуги и свиты, и далеко чернели и червонели чёрные, червоноверхие бараньи их шапки. (...)

— Отступайте, отступайте скорей от стен! — закричал кошевой (...).

Едва только посторонились казаки, как грянули с вала картечью. На валу засуетились, показался сам седой воевода на коне. Ворота отворились, и выступило войско. (...)

И ударили со всех сторон казаки, сбили и смешали ляхов, и сами смешались. Не дали даже и стрельбы произвестъ; пошло дело на мечи да на копья. Все сбились в кучу, и каждому привёл случай показать себя. (...)

В бою отличились Демид Попович, молодой казак Кобита, куренной атаман Кукубенко и другие казаки. Уманский куренной атаман Бородатый наклонился, чтобы спясть с убитого шляхтича дорогие доспехи, но не услышал, как на него сзади налетел хорунжий, за что поплатился жизнью.

Как плавающий в небе ястреб, давши много кругов сильными крылами, вдруг останавливается распластанный среди воздуха на одном месте и бьёт оттуда стрелой на раскричавшегося у самой дороги самца-перепела, — так Тарасов сын, Остап, налетел вдруг на хорунжего (...) и поволок его через поле, сзывая громко всех казаков Уманского куреня, чтобы шли отдать последнюю честь атаману.

Как услышали уманцы, что куренного их атамана Бородатого нет уже в живых, бросили поле битвы и прибежали прибирать его тело, и тут же стали совещаться, кого выбрать в куренные. Наконец сказали:

— Да на что совещаться? лучше не можно поставить в куренные, как Бульбенка Остапа: он, правда, младший всех нас, но разум у него, как у старого человека.

Остап, сняв шапку, всех поблагодарил казаков-товарищей за честь, не стал отговариваться ни молодостью, ни молодым разумом, зная, что время военное и не до того теперь; а тут же повёл их прямо на кучу и уж показал им всем, что не даром выбрали его в атаманы. Почувствовали ляхи, что уже становилось дело слишком жарко, отступили и перебежали поле, чтоб собраться на другом конце его. А низенький полковник махнул на стоявшие отдельно у самых ворот четыре свежие сотни, и грянули оттуда картечью в

С. Овчаренко. Иллюстрация к повести Н. Гоголя «Тарас Бульба». 2009 г.

казацкие кучи; но мало кого достали: пули хватали по быкам казацким, дико глядевшим на битву. Взревели испуганные быки, поворотили на казацкие таборы, переломали возы и многих перетоптали. Но Тарас, в это время вырвавшись из засады с своим полком, с криком бросился напереймы. Поворотило назад всё бешеное стадо, испуганное криком, и метнулось на ляшские полки, опрокинуло конницу, всех смяло и рассыпало.

— О, спасибо вам, волы! — кричали запорожцы, — служили всё походную службу, а теперь и военную сослужили! — И ударили с новыми силами на неприятеля.

Много тогда перебили врагов. Многие показали себя: Метельщя, Шило, оба Писаренки, Вовтузенко, и немало было всяких других. Увидели ляхи, что плохо, наконец, приходит, выкинули хоругвь и закричали отворять городские ворота. Со скрыпом отворились обитые железом ворота и приняли толпившихся, как овец в овчарню, изнурённых и покрытых пылью всадников. Многие из запорожцев погнались было за ними, но Остап своих уманцев остановил, сказавши:

— Подальше, подальше, паны-братья, от стен! Не годится близко подходить к ним. — И правду сказал, потому что со стен грянуло и посыпали всем чем ни попало, и многим досталось. В это время подъехал кошевой и похвалил Остапа, сказавши:

— Вот и новый атаман, а ведёт войско так, как бы и старый! — Оглянулся старый Бульба поглядеть, какой там новый атаман, и увидел, что впереди всех уманцев сидел на коне Остап, и шапка заломлена набекрень, и атаманская палица в руке.

— Вишь ты какой! — сказал он, глядя на него, и обрадовался старый, и стал благодарить всех уманцев за честь, оказанную сыну.

Казаки вновь отступили, готовясь идти к таборам, а на городском валу вновь показались ляхи уже с изорванными епанчами¹. (...)

VIII

Ещё солнце не дошло до половины неба, как все запорожцы собрались в круги. Из Сечи пришла весть, что татары во время отлучки казаков ограбили в ней всё, вырыли скарб, который втайне держали казаки под землёй, избили и забрали в плен всех, которые оставались, и со всеми забранными стадами и табунами направили путь прямо к Перекопу. (...)

На совете кошевой атаман предложил гнаться за татарами, чтобы освободить казаков, оказавшихся в плену, до того, как они попадут на невольничьи рынки.

¹ *Епанча* — длинный и широкий плащ.

Тогда вышел Тарас Бульба и напомнил, что в плену у поляков тоже находятся их товарищи и что нельзя оставить своих собратьев в беде и нарушить святой закон товарищества.

Задумались все казаки и не знали, что сказать. Никому не хотелось из них заслужить обидную славу. Тогда вышел вперёд всех старейший годами во всём запорожском войске Касьян Бовдюг. (...)

— Пришла очередь мне сказать слово, паны-братья, — так он начал, — послушайте, дети, старого. (...) Сколько ни живу я на веку, не слышал я, паны-братья, чтобы казак покинул где или продал как-нибудь своего товарища. И те и другие нам товарищи — меньше их или больше, — всё равно, все товарищи, все нам дороги. Так вот какая моя речь: те, которым милы захваченные татарами, пусть отправляются за татарами, а которым милы полонённые ляхами и которым не хочется оставлять правого дела, пусть остаются. Кошевой по долгу пойдёт с одною половиною за татарами, а другая половина выберет себе наказного атамана. А наказным атаманом, коли хотите послушать белой головы, не пригоже быть никому другому, как только одному Тарасу Бульбе. Нет из нас никого, равного ему в доблести.

Так сказал Бовдюг и затих; и обрадовались все казаки, что навёл их таким образом на ум старый. (...)

Запорожское войско разделилось на две части. Одна часть поспешила в погоню за татарами, напавшими на Запорожскую Сечь, а другая — во главе с Тарасом Бульбой — осталась под стенами осаждённого города Дубно.

IX

В осаждённом городе закончились припасы.

Полковники (...) готовились дать сражение. Тарас уже видел то по движенью и шуму в городе и расторопно хлопотал, строил, раздавал приказы и наказы, оставил в три табора курени, обнесши их возами в виде крепостей, — род битвы, в которой бывали непобедимы запорожцы; двум куреням повелел забраться в засаду; убил часть поля острыми кольями, изломанным оружием, обломками копьев, чтобы при случае загнать туда неприятельскую конницу. И когда всё было сделано как нужно, сказал речь казакам, не для того, чтобы ободрить и освежить их, — знал, что и без того крепки они духом, — а просто самому хотелось высказать всё, что было на сердце.

— Хочется мне вам сказать, панове, что такое есть наше товарищество. Вы слышали от отцов и дедов, в какой чести у всех была земля наша: и грекам дала знать себя, и с Царьграда брала червонцы, и города были пышные, и храмы, и князя (...). Всё взяли бусурманы, всё пропало;

только остались мы, сирые, да, как вдовица после крепкого мужа, сирая, так же как и мы, земля наша! Вот в какое время подали мы, товарищи, руку на братство; вот на чём стоит наше товарищество! нет уз святее товарищества! Отец любит своё дитя, мать любит своё дитя, дитя любит отца и мать; но это не то, братцы: любит и зверь своё дитя! но породниться родством по душе, а не по крови, может один только человек. (...)

Так говорил атаман и, когда кончил речь, всё ещё потрясал посе-ребрившеюся в казацких делах головою; всех, кто ни стоял, разобрала сильно такая речь (...).

А из города уже выступало неприятельское войско, гремя в литавры и трубы, и, подбоченившись, выезжали паны, окружённые несметными слугами. (...) Как только увидели казаки, что подошли они на ружейный выстрел, все разом грянули в семипядные пищали, и, не прерывая, все палили из пищалей. (...) И всё продолжали палить казаки из пищалей, ни на минуту не давая промежутка. Сам иноземный инженер подивился такой, никогда им не виданной тактике, сказавши тут же, при всех: «Вот brave молодцы-запорожцы! вот как нужно биться и другим в других землях!» И дал совет поворотить тут же на табор пушки. Тяжело ревнули широкими горлами чугунные пушки; дрогнула, далеко загудевши, земля, и вдвое больше затянуло дымом всё поле. (...)

Тарас видел ещё издали, что беда будет всему Незамайковскому и Стебликивскому куреню, и вскрикнул зычно: «Выбирайтесь скорей из-за возов, и садись всякий на коня!» Но не успели бы сделать то и другое казаки, если бы Остап не ударил в самую середину (...). А тем временем иноземный капитан сам взял в руку фитиль, чтобы выпалить из величайшей пушки, какой никто из казаков не видывал дотеле. (...) И как грянула она, а за нею следом три другие, четырёхкратно потрясши глухо-ответную землю, — много нанесли они горя! (...) Так, как будто и не бывало половины Незамайковского куреня! как градом выбивает вдруг всю ниву, где, что полновесный червонец, красуется всякий колос, так их выбило и положило.

Как же вскинулись казаки! как схватились все! как закипел куренной атаман Кукубенко, увидевши, что лучшей половины куреня его нет! Вбился он с остальными своими незамайковцами в самую середину, (...) пробрался к пушкарям и уже отбил одну пушку; а уж там, видит, хлопочет уманский куренной атаман и Степан Гуска уже отбил главную пушку. Оставил он тех казаков и поворотил с своими в другую неприятельскую гущу: так, где прошли незамайковцы — так там и улица! где поворотили — так уж там и переулок! (...)

— А что, паны, — сказал Тарас, перекликнувшись с куренными, — есть ещё порох в пороховницах? не ослабела ли казацкая сила? не гнутся ли казаки?

— Есть ещё, батько, порох в пороховницах; не ослабела ещё казацкая сила; ещё не гнутся казаки!

И напёрли сильно казаки: совсем смешали все ряды. Низкорослый полковник ударил сбор и велел выкинуть восемь малёванных знамён, чтобы собрать своих, рассыпавшихся далеко по всему полю. Все бежали ляхи к знамёнам; но не успели они ещё выстроиться, как уже куренной атаман Кукубенко ударил вновь с своими незамайковцами в середину и напал прямо на толстопузого полковника. Не выдержал полковник и, поворотив коня, пустился вскачь; а Кукубенко далеко гнал его через всё поле, не дав ему соединиться с полком. (...)

— Что, паны! — перекликнулся атаман Тарас, проехавши впереди всех, — есть ли ещё порох в пороховницах? крепка ли ещё казацкая сила? не гнутся ли уже казаки?

— Есть ещё, батько, порох в пороховницах; ещё крепка казацкая сила; ещё не гнутся казаки!

В этом бою погибли казак Бовдюг и куренной атаман Балабан.

Казаки, казаки! не выдавайте лучшего цвета вашего войска! Уже обступили Кукубенка, уже семь человек только осталось из всего Незамайковского куреня, уже и те отбиваются через силу; уже окровавилась на нём одежда. Сам Тарас, увидя беду его, поспешил на выручку. Но поздно подоспели казаки (...). Повёл Кукубенко вокруг себя очами и проговорил: «Благодарю Бога, что довелось мне умереть при глазах ваших, товарищи!» (...) И вылетела молодая душа. (...)

— А что, паны! — перекликнулся Тарас с оставшимися куренями, — есть ли ещё порох в пороховницах? не иступились ли сабли? не утомилась ли казацкая сила? не погнулись ли казаки?

— Достанет ещё, батько, пороху; годятся ещё сабли; не утомилась казацкая сила; не погнулись ещё казаки!

И рванулись снова казаки так, как бы и потерь никаких не понесли. (...)

— Вот и наша победа! — раздались со всех сторон запорожские голоса, затрубили

С. Овчаренко. Иллюстрация к повести Н. Гоголя «Тарас Бульба». 2009 г.

в трубы и выкинули победную хоругвь. Везде бежали и крылись разбитые ляхи.

— Ну, нет, ещё не совсем победа! — сказал Тарас, глядя на городские ворота, и сказал он правду.

Отворились ворота, и вылетел оттуда гусарский полк, краса всех конных полков. Под всеми всадниками были все как один бурые аргамаки¹; впереди других понёсся витязь всех бойче, всех красивее; так и летели чёрные волосы из-под медной его шапки; вился завязанный на руке дорогой шарф, шитый руками первой красавицы. Так и оторопел Тарас, когда увидел, что это был Андрий. А он между тем, объятый пылом и жаром битвы, жадный заслужить навязанный на руку подарок, понёсся, как молодой борзой пёс, красивейший, быстрее и младший всех в стае. (...) Остановился старый Тарас и глядел на то, как он чистил перед собою дорогу, разгонял, рубил и сыпал удары направо и налево. Не вытерпел Тарас и закричал: «Как? своих? своих? чёртов сын, своих бьёшь?» Но Андрий не различал, кто перед ним был, свои или другие какие: ничего не видел он. Кудри, кудри он видел, длинные, длинные кудри (...).

— Эй хлопьята! заманите мне только его к лесу, заманите мне только его! — кричал Тарас. И вызвалось тот же час тридцать быстрее казаков заманить его. И, поправив на себе высокие шапки, тут же пустились на конях прямо наперерез гусарам. Ударили сбоку на передних, сбили их, отделили от задних, дали по гостинцу тому и другому, а Голокопытенко хватил плашмя по спине Андрия, и в тот же час пустились бежать от них, сколько достало казацкой мочи. (...) Разогнался на коне Андрий и чуть было уже не настигнул Голокопытенка, как вдруг чья-то сильная рука ухватила за повод его коня. Оглянулся Андрий: перед ним Тарас! Затрясся он всем телом и вдруг стал бледен, как школьник (...).

— Ну, что ж теперь мы будем делать? — сказал Тарас, смотря прямо ему в очи.

Но ничего не мог на то сказать Андрий и стоял, потупивши в землю очи.

— Что, сынку! помогли тебе твои ляхи?

Андрий был безответен.

— Так продать? продать веру? продать своих? Стой же, слезай с коня!

Покорно, как ребёнок, слез он с коня и остановился ни жив ни мёртв перед Тарасом.

¹ *Аргамак* — восточная породистая верховая лошадь.

— Стой и не шевелись! Я тебя породил, я тебя и убью! — сказал Тарас и, отступивши шаг назад, снял с плеча ружье.

Бледен как полотно был Андрий; видно было, как тихо шевелились уста его и как он произносил чьё-то имя; но это не было имя отчизны, или матери, или братьев — это было имя прекрасной полячки. Тарас выстрелил.

Как хлебный колос, подрезанный серпом, как молодой барашек, почуявший под сердцем смертельное железо, повис он головой и повалился на траву, не сказавши ни одного слова. (...)

Козаки сообщили Тарасу Бульбе, что к полякам «прибыла на подмогу свежая сила», что многие козаки убиты.

— На коня, Остап! — сказал Тарас и спешил, чтобы застать ещё казакон, чтобы наглядеться ещё на них и чтобы они взглянули перед смертью на своего атамана.

Но не выехали они ещё из лесу, а уж неприятельская сила окружила со всех сторон лес, и между деревьями везде показались всадники с саблями и копьями. «Остап, Остап! не поддавайся!» — кричал Тарас, а сам, схвативши саблю наголо, начал честить первых попавшихся на все боки. А на Остапа уже наскочило вдруг шестеро; но не в добрый час, видно, наскочило (...). «Добре, сынку! добре, Остап! — кричал Тарас, — вот я следом за тобою!» А сам всё отбивался от наступавших. Рубится и бьётся Тарас, сыплет гостинцы тому и другому на голову, а сам глядит всё вперёд на Остапа и видит, что уже вновь схватилось с Остапом мало не восьмеро разом. «Остап, Остап! не поддавайся!» Но уже одолевают Остапа; уже один накинуд ему на шею аркан, уже вяжут, уже берут Остапа. «Эх, Остап, Остап! — кричал Тарас, пробиваясь к нему, рубя в капусту встречных и поперечных. — Эх, Остап, Остап!..» Но как тяжёлым камнем хватило его самого в ту же минуту: всё закружилось и перевернулось в глазах его. На миг смешанно сверкнули перед ним головы, копья, дым, блески огня, сучья с древесными листьями. И грохнулся он, как подрубленный дуб, на землю. И туман покрыл его очи.

Вопросы и задания

1. Какое решение приняли козаки, узнав о том, что татары напали на Сечь, захватили в плен их товарищей и завладели казной? В чём проявилась мудрость Тараса в этой ситуации?
2. Выразительно прочитайте речь Тараса Бульбы о товариществе. С какой целью он её произносит?
3. Приведите примеры героических поступков, которые совершают Тарас Бульба, Остап и другие козаки в битве под Дубно.
4. Какие слова Тараса Бульбы, обращённые к казакам, трижды повторяются в повести?

5. Перескажите близко к тексту эпизод о том, как встретились на поле битвы Андрий и его отец. Что чувствовал каждый из них? Какое слово произносит Андрий перед смертью?

X

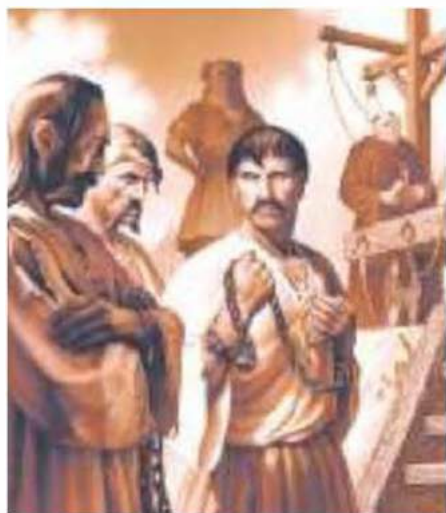
Когда раненый Тарас Бульба пришёл в себя, он вспомнил, что поляки на его глазах схватили и связали Остапа. Товкач привёз его в Запорожскую Сечь и вылечил его раны. Но мысли об Остапе не покидали Тараса. Он решил отправиться на его поиски. В Умани Тарас Бульба нашёл еврея Янкеля, которому когда-то спас жизнь, и попросил, чтобы тот отвёз его в Варшаву.

XI

(...) Площадь, на которой долженствовала производиться казнь, нетрудно было отыскать: народ валил туда со всех сторон. В тогдашний грубый век это составляло одно из занимательнейших зрелищ не только для черни, но и для высших классов. (...) Толпа вдруг зашумела, и со всех сторон раздались голоса: «Ведут! ведут! казаки!»

Они шли с открытыми головами, с длинными чубами; бороды у них были отпущены. Они шли не боязливо, не угрюмо, но с какою-то тихою горделивостью; их платья из дорогого сукна изнасились и болтались на них ветхими лоскутьями, они не глядели и не кланялись народу. Впереди всех шёл Остап.

Что почувствовал старый Тарас, когда увидел своего Остапа? Что было тогда в его сердце! Он глядел на него из толпы и не проронил ни одного движения его. Они приблизились уже к лобному месту. Остап остановился. Ему первому приходилось выпить эту тяжёлую чашу. (...)

С. Овчаренко. Иллюстрация к повести Н. Гоголя «Тарас Бульба». 2009 г.

Палач сдёрнул с него ветхие лохмотья; ему увязали руки и ноги в нарочно сделанные станки, и... Не будем смущать читателей картиною адских мук, от которых дыбом поднялись бы их волосы. Они были порождение тогдашнего грубого, свирепого века, когда человек вёл ещё кровавую жизнь одних воинских подвигов и закалился в ней душою, не чуя человечества. (...)

Остап выносил терзания и пытки, как исполин. (...) Тарас стоял в толпе, потупив голову и в то же время гордо приподняв очи, одобрительно только говорил: «Добре, сынку, добре!»

Но когда подвели его к последним смертным мукам, казалось, как будто стала подаваться его сила. И повёл он очами вокруг себя: Боже! всё неведомые, всё чужие лица! Хоть бы кто-нибудь из близких присутствовал при его смерти. (...) И упал он силою и выкликнул в душевной немощи:

— Батько! где ты? слышишь ли ты всё это?

— Слышу! — раздалось среди всеобщей тишины, и весь миллион народа в одно время вздрогнул. Часть военных всадников бросилась заботливо рассматривать толпы народа. Янкель побледнел как смерть, и, когда всадники немного отделились от него, он со страхом оборотился назад, чтобы взглянуть на Тараса, но Тараса уже возле него не было: его и след простыл.

XII

Тарас со своим полком мстил польской шляхте за гибель Остапа. Наконец коронному гетману Потоцкому удалось поймать его. Когда Тараса живьём сжигали на костре, он думал не о себе, а о своих товарищах и радовался тому, что они уходят от погони.

Теория литературы

Развитие понятий о повести и характере литературного героя

Повесть — эпическое произведение, которое характеризуется широтой охвата жизненных явлений и глубиной их раскрытия. Это прозаический жанр, занимающий промежуточное место между рассказом и романом. По сравнению с рассказом, повесть имеет более разветвлённый сюжет, больший объём, большее количество действующих лиц и описаний. В повести изображается не одно, а несколько событий, а сюжет, как правило, сосредоточен вокруг главного героя, судьба которого раскрывается в пределах нескольких событий, в которых он принимает непосредственное участие.

В «Тарасе Бульбе» есть черты исторической повести, поскольку Н. Гоголь обратился к событиям далёкого прошлого, к жизни украинских казаков. Исторической основой повести является борьба украинского народа против польских магнатов, которые захватывали украинские земли. В художественных образах повести Н. Гоголь воплотил дух сложной исторической эпохи.

Историческая повесть — произведение, созданное на основе исторического материала, с помощью которого писатель пытается осмыслить определённый период в истории народа.

Работая над повестью «Тарас Бульба», автор отдавал предпочтение народным песням перед историческими источниками. Песни для Н. Гоголя — это не только памятник былых времён, но и «живая, говорящая, звучащая о прошедшем летопись». Песенный характер «Тараса Бульбы» нашёл отражение в общем тоне, ритме повести, в подборе лексических средств и тематических мотивов.

Героическое начало выражено в произведении ещё ярче, чем историческое. «Тарас Бульба» — образец героической повести.

Героическая повесть — это произведение, в котором изображены подвиги во имя великой цели — защиты родины, спасения людей. Герои таких произведений совершают поступки, которые требуют проявления мужества, стойкости и готовности к самопожертвованию. Автор героической повести стремится показать величие человека, совершающего подвиг во имя общего дела.

В повести писатель создаёт образы, похожие на былинные богатырей. Они отличаются силой, ловкостью, мужеством, готовностью отдать свою жизнь во имя защиты родной земли. К таким героям относятся Тарас Бульба, его сын Остап, казаки Мосий Шило, Бовдюг, Балабан, Кукубенко и многие другие. В своих поступках они руководствуются чувством долга и законами товарищества. Это героические характеры.

Характер — совокупность духовных, психологических особенностей человека, определяющих его личность и обуславливающих его поведение.

Литературный характер — отражённая в литературном произведении личность с присущими ей социальными и психологическими чертами. Характер героя проявляется в его поступках, речи, деталях портрета и интерьера.

Характер Тараса Бульбы отличается яркостью и необычностью. Он предстаёт на страницах повести как народный герой, типичный казак, который живёт интересами общего дела. Тарас пользуется авторитетом среди казаков. Именно его, умного, мужественного и отважного уманского полковника, запорожцы избирают наказным атаманом. Речь казака о товариществе свидетельствует о его ораторских способностях. В бою он ведёт себя как настоящий лидер, который может повести за собой других.

Автор неоднократно подчёркивает, что характер Тараса — порождение военного времени. Мир делится для него на «своих» и «чужих», в его характере нет полутонов, он категоричен в своих решениях и высказываниях. Поведение Тараса обусловлено чертами его характера, жизненными принципами и теми обстоятельствами, в которых он находится.

Тарас Бульба — не только героический, но и трагический характер. Николай Гоголь с большим сочувствием описывает горе отца, потерявшего своих сыновей и отдавшего свою жизнь в борьбе за общее дело.

Картина И. Репина «Запорожцы» известна также под названием «Запорожцы пишут письмо турецкому султану». В соответствии с легендой, письмо было написано в 1616 г. атаманом Иваном Сирко и «всем кошем запорожским» как ответ турецкому султану, который предложил казакам перейти на его сторону. Илья Репин узнал об этом письме от украинского историка Д. Яворницкого. Художник изобразил процесс сочинения письма и атмосферу, в которой оно создавалось.

*И. Репин. Запорожцы.
1880–1891 гг.*

Вопросы и задания

1. Где заканчивается экспозиция и начинается завязка сюжетного действия повести «Тарас Бульба»? В этом произведении одна сюжетная линия или несколько?
2. Какое значение имеет описание степи в повести Н. Гоголя? Можно ли считать степь символом родины в повести?
3. Приведите примеры массовых сцен в повести Н. Гоголя «Тарас Бульба». Какую роль играют эти сцены в изображении Запорожской Сечи? По каким законам и принципам жила Запорожская Сечь?
4. Какие черты характера свойственны Тарасу Бульбе? Почему автор не даёт детального портрета героя?
5. При каких обстоятельствах Тарас Бульба попадает в плен? О чём он думает перед смертью?
6. Сравните характеры Остапа и Андрия. Чем эти герои отличаются друг от друга?
7. Докажите, что произведение «Тарас Бульба» Н. Гоголя — героическая повесть.
8. Виссарион Белинский писал, что «Тарас Бульба» Н. Гоголя «есть отрывок, эпизод из великой эпопеи жизни целого народа. ... И какая кисть, широкая, размашистая, резкая, быстрая! Какие краски, яркие и ослепительные! И какая поэзия, энергическая, могучая, как эта Запорожская Сечь...» Прокомментируйте это высказывание критика. Почему он называет гоголевскую прозу поэзией?
9. Назовите круг тем, к которым обратился Н. Гоголь в повести «Тарас Бульба».

10. Выразительно прочитайте речь Тараса Бульбы о товариществе и выучите этот отрывок наизусть.
11. Найдите в тексте и выпишите отдельные фразы, высказывания Тараса Бульбы, которые стали крылатыми выражениями.
12. Приведите примеры украинских слов и выражений, которые встречаются в тексте повести наиболее часто.

13. Напишите сочинение на одну из тем: 1. Черты настоящего казака в образе Тараса Бульбы. 2. Тарас Бульба — народный герой. 3. Сравнительная характеристика Остапа и Андрия (по повести Н. Гоголя «Тарас Бульба»).

14. Повесть Н. Гоголя «Тарас Бульба» иллюстрировали В. Васнецов, Т. Шевченко, А. Герасимов, А. Костин, П. Соколов, Е. Кибрик, А. Бубнов. Найдите в Интернете иллюстрации этих художников. Какие из иллюстраций вам понравились? Сопоставьте иллюстрации Т. Шевченко («Встреча Тараса с сыновьями») и П. Соколова («Возвращение из бурсы»). Режим доступа: www.a4format.ru/book-titles.php?lt=195&author=26&dtls...?

РАССКАЗ И НОВЕЛЛА

Что называется рассказом, а что новеллой? В чём их сходство, а в чём отличие? Почему в конце XIX — начале XX в. рассказ, короткий рассказ и новелла обретают особую популярность в мировой литературе? Об этом вы узнаете из раздела учебника.

Вместе с умным и тонким собеседником А. Чеховым вы задумаетесь над тем, что заставляет человека унижаться, льстить и подобо-страстничать по доброй воле («Толстый и тонкий», «Смерть чиновника», «Хамелеон»).

Прочитав маленькие шедевры американского писателя О. Генри, вы убедитесь в том, что их автор является непревзойдённым рассказчиком. Увлекательно, с любовью и тонким юмором он повествует о своих героях, готовых к самопожертвованию ради ближнего («Дары волхвов», «Последний лист», «Из любви к искусству»).

О знаменитом Шерлоке Холмсе знают даже те, кто не читал произведений его создателя — А. Конан Дойла. Но вы, вероятнее всего, уже знакомы с детективами английского писателя. Вам предстоит ещё раз восхититься благородством, бескорыстием, мужеством и самообладанием прославленного сыщика, удивиться его проницательности.

Джеймс Олдридж в новелле «Последний дюйм» рассказывает о том, как закаляется характер человека, преодолевающего трудности, как важно до последней минуты не опускать руки и верить в себя, чтобы найти выход из смертельно опасной ситуации.

Рассказы и новеллы, которые вы читаете и изучите, написаны разными писателями и в разное время, но объединяет их мудрое знание жизни и любовь к людям. Ведь настоящий писатель, по словам А. Чехова, — «это то же, что древний пророк: он видит яснее, чем обычные люди».

АНТОН ЧЕХОВ (1860–1904)

Антон Павлович Чехов — русский прозаик, драматург, классик мировой литературы. Он родился в Таганроге — небольшом провинциальном городке на юге России, в семье мелкого торговца. Детей воспитывали в труде и строгости. Антон учился в классической гимназии, помогал отцу в бакалейной¹ лавке, пел в церковном хоре. Уже тогда в характере будущего писателя проявились такие черты, как знание жизни и спокойное отношение к её трудностям, чувство собственного достоинства, сила воли, наблюдательность и чувство юмора.

Когда отец разорился и бежал от кредиторов в Москву, А. Чехов остался в Таганроге для завершения учёбы в гимназии. Юноша не только содержал себя, зарабатывая репетиторством, но и помогал семье.

В 1879 г. А. Чехов становится студентом медицинского факультета Московского университета. Тогда же начинает работу в московских юмористических журналах. Разнообразные впечатления от врачебной практики, атмосфера «мелкой прессы», где человеческие недостатки и пороки особенно наглядны, обогатили рассказы Антоши Чехонте (в раннем творчестве — это один из псевдонимов автора) обилием тем, сюжетов и персонажей. За эти годы молодой писатель создал более 350 произведений. Среди них шедевры², которые вошли в фонд русской и мировой классики — «Торжество победителя», «Смерть чиновника», «Толстый и тонкий», «Хирургия», «Хамелеон» и др.

В биографии писателя есть много страниц, свидетельствующих о его близости к культуре и литературе Украины, об особых симпатиях к её народу. Он свободно читал на украинском языке, интересовался творчеством современных ему украинских писателей, высоко ценил поэзию Т. Шевченко. В личной библиотеке писателя хранился «Кобзарь»,

Дом, где родился А. Чехов,
в г. Таганроге (Россия).
Современная фотография

¹ *Бакале́я* — продовольственные товары (крупа, мука, сахар, чай, кофе, пряности и др.).

² *Шеде́вр* — исключительное по своим достоинствам произведение искусства, образцовое создание мастера.

он внимательно относился к русским переводам стихотворений и поэм великого украинского поэта.

Антон Чехов неоднократно приезжал в Украину. Любовь к украинскому народу, его обычаям, природе отражена как в обширной переписке автора, так и в рассказах («Огни», «Человек в футляре», «Именины» и др.).

Комментарий

Необычность писательского таланта А. Чехова видна уже в начале его творческой биографии. Он пишет сценки, пародии, короткие рассказы, делает подписи под карикатурами. Его персонажи — обыкновенные, заурядные люди, изображённые в повседневной жизни. Но всё это искрится неповторимым чеховским юмором, выдумкой и остроумием¹. Нередко смех становится острым и обличительным («Хамелеон», «Толстый и тонкий», «Смерть чиновника») или печально-сочувствующим («Ванька», «Размазня», «Злоумышленник»).

Ранним рассказам писателя свойственны такие художественные особенности: небольшое количество персонажей, краткость, острый динамичный сюжет, неожиданная развязка. Автор прямо не показывает своё отношение к персонажам. Оно проявляется через их действия и поступки, яркие речевые характеристики, диалоги, портреты, художественные детали.

ХАМЕЛЕОН

Через базарную площадь идёт полицейский надзиратель² Очумелов в новой шинели и с узелком в руке. За ним шагает рыжий городовой³ с решетом, доверху наполненным конфискованным крыжовником. Кругом тишина... На площади ни души... Открытые двери лавок и кабаков глядят на свет божий уныло, как голодные пасти; около них нет даже нищих.

— Так ты кусаться, окаянная? — слышит вдруг Очумелов. — Ребята, не пушай её! Нынче не велено кусаться! Держи! А... а!

Слышен собачий визг. Очумелов глядит в сторону и видит: из дровяного склада купца Пичугина, прыгая на трёх ногах и оглядываясь, бежит собака. За ней гонится человек в ситцевой накрахмаленной рубашке и расстёгнутой жилетке. Он бежит за ней и, подавшись туловищем вперёд, падает на землю и хватает собаку за задние лапы. Слышен вторично собачий визг и крик: «Не пушай!» Из лавок высовываются

¹ *Остроумие* — изобретательность, умение найти удачные, неожиданные смешные выражения.

² *Полицейский надзиратель* — чиновник городской полиции в царской России.

³ *Городовой* — низший чин городской полиции в Российской империи.

сонные физиономии, и скоро около дровяного склада, словно из земли выросши, собирается толпа.

— Никак беспорядок, ваше благородие¹!.. — говорит городской.

Очумелов делает полуоборот налево и шагает к сборищу. Около самых ворот склада, видит он, стоит вышеописанный человек в расстёгнутой жилетке и, подняв вверх правую руку, показывает толпе окровавленный палец. На полупьяном лице его как бы написано: «Ужо я сорву с тебя, шельма²!», да и самый палец имеет вид знамени³ победы. В этом человеке Очумелов узнаёт золотых дел мастера Хрюкина. В центре толпы, растопыбив передние ноги и дрожа всем телом, сидит на земле сам виновник скандала — белый борзой⁴ щенок с острой мордой и жёлтым пятном на спине. В слезящихся глазах его выражение тоски и ужаса.

— По какому это случаю тут? — спрашивает Очумелов, врезываясь в толпу. — Почему тут? Это ты зачем палец?.. Кто кричал!

— Иду я, ваше благородие, никого не трогаю... — начинает Хрюкин, кашляя в кулак. — Насчёт дров с Митрий Митричем, — и вдруг эта подлая ни с того ни с сего за палец... Вы меня извините, я человек, который работающий... Работа у меня мелкая. Пуццай мне заплатят, потому — я этим пальцем, может, неделю не пошевелину... Этого, ваше благородие, и в законе нет, чтоб от твари терпеть... Ежели каждый будет кусаться, то лучше и не жить на свете...

— Гм!.. Хорошо... — говорит Очумелов строго, кашляя и шевеля бровями. — Хорошо... Чья собака? Я этого так не оставлю. Я покажу вам, как собак распускать! Пора обратить внимание на подобных господ, не желающих подчиняться постановлениям! Как оштрафую его, мерзавца, так он узнает у меня, что значит собака и прочий бродячий скот! Я ему покажу кузькину мать!.. Елдырин, — обращается надзиратель к городскому, — узнай, чья это собака, и составляй протокол! А собаку истребить надо. Не медля! Она, наверное, бешеная... Чья это собака, спрашиваю?

— Это, кажись, генерала Жигалова! — говорит кто-то из толпы.

А. Дудин. Иллюстрация к рассказу А. Чехова «Хамелеон». 2002 г.

¹ *Ваше благородие* — в речевом этикете обращение к представителю власти.

² *Шельма* — плут, мошенник, обманщик.

³ *Знамение* (устар.) — знак, символ.

⁴ *Борзая* — порода охотничьих собак, используемых для травли зверей.

— Генерала Жигалова? Гм!.. Сними-ка, Елдырин, с меня пальто... Ужас, как жарко! Должно полагать, перед дождём... Одного только я не понимаю: как она могла тебя укусить? — обращается Очумелов к Хрюкину. — Нешто она достанет до пальца? Она маленькая, а ты ведь вон какой здоровила! Ты, должно быть, расковырял палец гвоздиком, а потом и пришла в твою голову идея, чтоб соврать. Ты ведь... известный народ! Знаю вас, чертей!

— Он, ваше благородие, сигаркой ей в харю для смеха, а она — не будь дура, и тяпни... Вздорный человек, ваше благородие!

— Врёшь, кривой! Не видал, так, стало быть, зачем врать? Их благородие умный господин и понимают, ежели кто врёт, а кто по совести, как перед Богом... А ежели я вру, так пуцай мировой¹ рассудит. У него в законе сказано... Нынче все равны... У меня у самого брат в жандармах²... ежели хотите знать...

— Не рассуждать!

— Нет, это не генеральская... — глубокомысленно замечает городской. — У генерала таких нет. У него все больше легавые³...

— Ты это верно знаешь?

— Верно, ваше благородие...

— Я и сам знаю. У генерала собаки дорогие, породистые, а эта — чёрт знает что! Ни шерсти, ни вида... подлость одна только... И этакую собаку держать?! Где же у вас ум? Попадись этакая собака в Петербурге или Москве, то знаете, что было бы? Там не посмотрели бы в закон, а моментально — не дыши! Ты, Хрюкин, пострадал и дела этого так не оставляй... Нужно проучить! Пора...

— А может быть, и генеральская... — думает вслух городской. — На морде у ней не написано... Намедни во дворе у него такую видели.

— Вестимо, генеральская! — говорит голос из толпы.

— Гм!.. Надень-ка, брат Елдырин, на меня пальто... Что-то ветром подуло... Знобит... Ты отведёшь её к генералу и спросишь там. Скажешь, что я нашёл и прислал... И скажи, чтобы её не выпускали на улицу... Она, может быть, дорогая, а ежели каждый свинья будет ей в нос сигаркой тыкать, то долго ли испортить. Собака — нежная тварь... А ты, болван, опусти руку! Нечего свой дурацкий палец выставлять! Сам виноват!..

— Повар генеральский идёт, его спросим... Эй, Прохор! Поди-ка, милый, сюда! Погляди на собаку... Ваша?

¹ *Мировой* — судья, разбирающий мелкие дела, устанавливающий мир между спорящими сторонами.

² *Жандарм* — лицо, состоящее на службе в государственной полиции, предназначенной для поддержания внутреннего порядка в стране.

³ *Легавая* — порода охотничьих собак для охоты на пернатую дичь.

— Выдумал! Эдаких у нас отродясь не бывало!

— И спрашивать тут долго нечего, — говорит Очумелов. — Она бродячая! Нечего тут долго разговаривать... Ежели сказал, что бродячая, стало быть, и бродячая... Истребить, вот и всё.

— Это не наша, — продолжал Прохор. — Это генералова брата, что намеднись приехал. Наш не охотник до борзых. Брат ихний охоч...

— Да разве братец ихний приехали? Владимир Иваныч? — спрашивает Очумелов, и всё лицо его заливается улыбкой умиления. — Ишь ты, господи! А я и не знал! Погостить приехали?

— В гости...

— Ишь ты, господи... Соскучились по братце... А я ведь и не знал! Так это ихняя собачка? Очень рад... Возьми её... Собачонка ничего себе... Шустрая такая... Цап этого за палец! Ха-ха-ха... Ну, чего дрожишь? Ррр... Рр... Сердится, шельма... цуцык эдакий...

Прохор зовёт собаку и идёт с ней от дровяного склада... Толпа хочет над Хрюкиным.

— Я ещё доберусь до тебя! — грозит ему Очумелов и, запахиваясь в шинель, продолжает свой путь по базарной площади.

Вопросы и задания

1. Какие рассказы А. Чехова вы читали раньше? Какое они произвели на вас впечатление?
2. Над чем вы смеялись, когда читали рассказ «Хамелеон», а что показалось грустным?
3. Что называется *рассказом*? Что называется *юмором*?

4. С чего начинается рассказ «Хамелеон»? Определите его экспозицию и назовите действующих лиц.
5. Как автор раскрывает характер этих персонажей? С помощью каких приёмов создаётся комический¹ эффект? Обратите внимание на художественные детали, «говорящие» фамилии, образ толпы. Как характеризуют Очумелова надетая в летний день новая шинель, узелок, решето с «конфискованным крыжовником»?
6. Определите завязку произведения. Насколько персонажу по профессии «золотых дел мастер» подходит фамилия Хрюкин? Прочитайте описание «пострадавшего» и «виновника» скандала. В чём комизм ситуации?
7. Развитие действия отражено в быстрых и контрастных сменах поведения и состояния Очумелова. От чего зависит его мнение об исходе дела? Проследите за «превращениями» полицейского надзирателя, которые автор передаёт через изменения его интонации (от начальственно-повелительной до угодливо-трусливой); отношение к собаке и Хрюкину; диалоги; речевую характеристику; значимые подробности (шинель Очумелова, окровавленный палец Хрюкина, описание борзого щенка).

¹ *Комическое* — смешное в жизни и в литературе.

8. Какой эпизод является кульминацией и почему?
9. Присуще ли «хамелеонство» только Очумелову? Кто ещё «заражён» таким же чинопочитанием¹ и меняет своё мнение в зависимости от обстоятельств? Чтобы ответить на этот вопрос, сопоставьте образы толпы, Хрюкина и Очумелова в первой и заключительной сценах.
10. Почему рассказ называется «Хамелеон»? В чём обобщающий смысл этого произведения?
- 11. Подготовьте устный развёрнутый ответ на вопрос: при каких обстоятельствах Очумелов называет свою шинель «пальто»?
12. Подготовьте выразительное чтение рассказа в лицах.
- 13. Представьте себя режиссёром, ставящим спектакль по рассказу А. Чехова «Хамелеон». Опишите словесно или нарисуйте костюмы и декорации к постановке.

Теория литературы

В рассказах А. Чехова особое место принадлежит **художественной детали**. Художественная деталь — это особо значимый элемент художественного образа, выразительная подробность, несущая смысловую и эмоциональную нагрузку. Она сообщает о событиях, действиях персонажей, об их облике, внутренней жизни и имеет самостоятельное значение.

Значимая подробность (так ещё называют художественную деталь) играет важную роль как в изображении внешности, одежды, обстановки, поступков, так и в передаче мыслей и чувств героев.

В рассказе «Хамелеон» к выразительным подробностям относятся и новая шинель Очумелова, и окровавленный палец Хрюкина, и описание борзого щенка, и реплика из толпы: «Он, ваше благородие, сигаркой ей в харю для смеха». Все они участвуют в создании юмористической и сатирической тональности рассказа.

Вопросы и задания

1. Что называется художественной деталью?
2. Какова её роль в произведении?
3. Приведите примеры художественной детали из изученных ранее произведений.

Комментарий

В рассказе «**Толстый и тонкий**» «говорящие» фамилии используются не только как средство характеристики персонажей, но и с целью создания комического эффекта. Особенно это касается образа Порфирия (тонкого). Фамилия его жены, как он повторяет дважды, лютеранки, «урожденной

¹ *Чинопочитание* — преклонение перед вышестоящими и презрение к тем, кто ниже по служебному положению.

Ванценбах», в переводе с немецкого означает «клопный ручей». Устаревшее библейское имя сына — Нафанаил смешно контрастирует с описанием его внешности и поведения.

Против тонкого направлена и авторская ирония. Об этом говорят школьные «дразнилки». Толстого прозвали Геростратом¹ за то, что он «казённую книжку папироской прожёт», а тонкого — Эфиальтом² за то, что «ябедничать любил». Симпатии автора явно не на стороне пронырливого доносчика, что подтверждается ироническим противопоставлением имён честолюбца (Герострата) и предателя (Эфиальта).

ТОЛСТЫЙ И ТОНКИЙ

На вокзале Николаевской железной дороги встретились два приятеля: один толстый, другой тонкий. Толстый только что пообедал на вокзале, и губы его, подёрнутые маслом, лоснились, как спелые вишни. Пахло от него хересом³ и флердоранжем⁴. Тонкий же только что вышел из вагона и был навьючен чемоданами, узлами и картонками. Пахло от него ветчиной и кофейной гущей. Из-за его спины выглядывала худенькая женщина с длинным подбородком — его жена, и высокий гимназист с прищуренным глазом — его сын.

— Порфирий! — воскликнул толстый, увидев тонкого. — Ты ли это? Голубчик мой! Сколько зим, сколько лет!

— Батюшки! — изумился тонкий. — Миша! Друг детства! Откуда ты взялся?

Приятели троекратно облобызались и устремили друг на друга глаза, полные слёз. Оба были приятно ошеломлены.

— Милый мой! — начал тонкий после лобызания. — Вот не ожидал! Вот сюрприз! Ну, да погляди же на меня хорошенько! Такой же красавец, как и был! Такой же душонок и щёголь! Ах ты, господи! Ну, что же ты? Богат? Женат? Я уже женат, как видишь... Это вот моя жена, Луиза, урожденная Ванценбах... лютеранка⁵... А это сын мой, Нафанаил, ученик III класса. Это, Нафаня, друг моего детства! В гимназии вместе учились!

Нафанаил немного подумал и снял шапку.

— В гимназии вместе учились! — продолжал тонкий. — Помнишь, как тебя дразнили? Тебя дразнили Геростратом за то, что ты казённую книжку папироской прожёт, а меня Эфиальтом за то, что я ябедничать

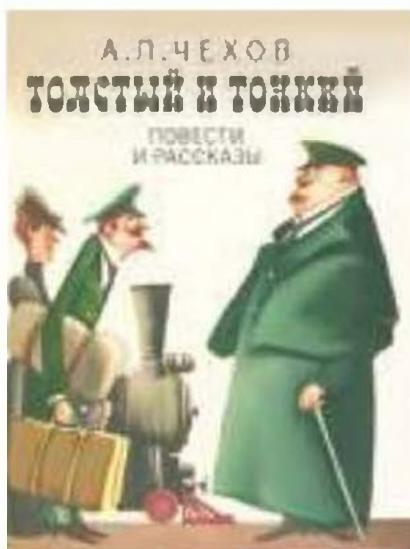
¹ *Герострат* — молодой житель Эфеса, который сжёг храм Артемиды для того, чтобы его имя помнили потомки. В переносном смысле — искатель позорной славы.

² *Эфиальт* — грек, показавший царю Ксерксу тропинку, по которой можно было обойти Фермопилы и явиться в тыл спартанского войска. В переносном смысле — предатель.

³ *Херес* — сорт крепкого виноградного вина.

⁴ *Флердоранж* — название дорогих духов.

⁵ *Лютеранство* — одна из ветвей христианства.

Обложка к произведениям
А. Чехова.
1979 г.

любил. Хо-хо... Детьми были! Не бойся, Нафаня! Подойди к нему поближе... А это моя жена, урожденная Ванценбах... лютеранка.

Нафанаил немного подумал и спрятался за спину отца.

— Ну, как живёшь, друг? — спросил толстый, восторженно глядя на друга. — Служишь где? Дослужился?

— Служу, милый мой! Коллежским асессором¹ уже второй год и Станислава имею. Жалованье плохое... ну, да бог с ним! Жена уроки музыки даёт, я портсигары приватно из дерева делаю. Отличные портсигары! По рублю за штуку продаю. Если кто берёт десять штук и более, тому, понимаешь, уступка. Пробавляемся кое-как. Служил, знаешь, в де-

партаменте, а теперь сюда переведён столоначальником но тому же ведомству... Здесь буду служить. Ну, а ты как? Небось, уже статский²? А?

— Нет, милый мой, поднимай повыше, — сказал толстый. — Я уже до тайного³ дослужился... Две звезды имею.

Тонкий вдруг побледнел, окаменел, но скоро лицо его искривилось во все стороны широчайшей улыбкой; казалось, что от лица и глаз его посыпались искры. Сам он съёжился, сгорбился, сузился... Его чемоданы, узлы и картонки съёжились, поморщились... Длинный подбородок жены стал ещё длиннее; Нафанаил вытянулся во фрунт и застегнул все пуговицы своего мундира...

— Я, ваше превосходительство... Очень приятно-с! Друг, можно сказать, детства и вдруг вышли в такие вельможи-с! Хи-хи-с.

— Ну, полно! — поморщился толстый. — Для чего этот тон? Мы с тобой друзья детства — и к чему тут это чинопочитание!

— Помилуйте... Что вы-с... — захихикал тонкий, ещё более съёживаясь. — Милостивое внимание вашего превосходительства... вроде как бы живительной влаги... Это вот, ваше превосходительство, сын мой Нафанаил... жена Луиза, лютеранка, некоторым образом...

Толстый хотел было возразить что-то, но на лице у тонкого было написано столько благоговения, сладости и почтительной кислоты,

¹ *Коллежский асессор* — гражданский чин VIII класса по Табели о рангах (всего классов XIV).

² *Статский советник* — гражданский чин V класса по Табели о рангах, соответствовал должности вице-губернатора.

³ *Тайный советник* — гражданский чин III класса, соответствовал чинам генерал-лейтенанта и вице-адмирала.

что тайного советника стошнило. Он отвернулся от тонкого и подал ему на прощанье руку.

Тонкий пожал три пальца, поклонился всем туловищем и захихикал, как китаец: «хи-хи-хи». Жена улыбнулась. Нафанаил шаркнул ногой и уронил фуражку. Все трое были приятно ошеломлены.

Вопросы и задания

1. Прочитайте экспозицию рассказа. Как с помощью деталей автор рассказывает о жизни толстого и тонкого?
2. Что является завязкой рассказа?
3. Какое впечатление производит неожиданная встреча на бывших соучеников? Как они называют друг друга и какие чувства испытывают?
4. Как ведут себя во время этой встречи сын и жена тонкого? Какие художественные детали показывают их отношение к толстому?
5. Что является кульминацией рассказа? Какова её функция в обрисовке персонажей? Обратите внимание на такую особенность — в ранних рассказах А. Чехова кульминация часто совпадает с развязкой действия.
6. Как меняется поведение тонкого и его семьи? С помощью каких приёмов автор раскрывает характеры этих персонажей?
7. Перечитайте финальную сцену рассказа. Как вы думаете, почему тонкий и его семья проявляют такое рабское чиновничество и подострастие? Как вы относитесь к их поведению?
8. Какие особенности чеховского рассказа вы увидели в произведении «Толстый и тонкий»? Подтвердите свой ответ примерами из текста.

9. Подготовьте устный развёрнутый ответ на вопрос: что общего в рассказах А. Чехова «Хамелеон» и «Толстый и тонкий»?
10. Прочитайте по ролям рассказ А. Чехова «Толстый и тонкий».

11. Напишите небольшое сочинение на тему «Смешная история из жизни нашего класса» («Смешная история из жизни моего друга»; «Смешная история из моей жизни»). Дайте название сочинению, используя антитезу.

Теория литературы

В художественной литературе существует множество приёмов выразительности. Один из них — антитеза.

Антитеза — это изобразительно-выразительное средство, которое подразумевает противопоставление слов, предложений, персонажей, ситуаций, описаний, эпизодов. В произведении антитеза выполняет различные функции: является средством характеристики образов (злая царица и добрая царевна в «Сказке о мёртвой царевне и о семи богатырях» А. Пушкина), служит приёмом построения произведения («Три пальмы» М. Лермонтова), составляет заглавие («Толстый и тонкий» А. Чехова). Антитеза не

всегда предполагает наличие антонимов. Могут быть противопоставлены по смыслу слова, предложения, картины, персонажи. Например, в стихотворении М. Лермонтова «Парус»:

Под ним струя светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой...
А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!

Благодаря антитезе мир произведения предстаёт во всей сложности, противоречиях и контрастах.

Вопросы и задания

1. Что называется *антитезой*? Приведите примеры антитезы из изученных ранее произведений или повседневной жизни.
2. Какова роль антитезы в художественном произведении?
3. Приведите примеры антитезы в рассказах А. Чехова «Хамелеон» и «Толстый и тонкий».
4. Приведите примеры художественных деталей в рассказе «Толстый и тонкий», определите их роль.
5. Что нового вы узнали о понятии *рассказ* после изучения чеховских рассказов?

Антон Чехов входит в тройку самых экранизируемых писателей в мире. На первом месте В. Шекспир (768 экранизаций), а второе-третье разделили Ч. Диккенс и А. Чехов (число экранизаций равное — 287). Антон Чехов оказался единственным русским писателем в «десятке» рейтинга. На родине писателя сделано 245 экранизаций его произведений, из которых 235 — художественные фильмы и 10 — анимационные. На сайте video.mail.ru можно посмотреть фильмы, снятые по юмористическим рассказам А. Чехова («Размазня», «Злой мальчик», «Каштанка», «Сирена», «Маска» и другие).

В 1996 г. известный режиссёр И. Масленников снял телевизионный спектакль по ранним рассказам А. Чехова под названием «Театр Чехонте. Картинки из недавнего прошлого». В Интернете (режим доступа: <http://films.imhonet.ru/element/201548/movie-online/>) вы можете посмотреть этот спектакль. Как вы думаете, почему ранние произведения А. Чехова до сих пор привлекают режиссёров? Чем они интересны современному зрителю?

Кадр из кинофильма
«Иванов».
Режиссёр В. Дубровицкий.
2009 г.

О. ГЕНРИ (1862–1910)

Вильям Сидни Портер (это настоящее имя и фамилия писателя) родился в провинциальном городке Гринсборо (штат Северная Каролина, США). Его отец был врачом. Когда Вильяму исполнилось три года, умерла его мать. Заботы о воспитании ребёнка взяла на себя его тётка, благодаря которой он, повзрослев, получил хорошее образование. После окончания школы будущий писатель стал дипломированным фармацевтом¹ и работал в аптеке. Аптека в маленьком американском городке была чем-то средним между магазином, баром и клубом. В ней обсуждались местные новости, рассказывались различные истории, которые в дальнейшем послужили сюжетами для юмористических рассказов О. Генри.

Благодатным источником творчества стала жизнь писателя на ранчо в Техасе, где автор существенно пополнил запасы удивительных историй. Два года были посвящены самообразованию, изучению языков, быта и нравов скотоводов, их богатого фольклора. Новеллы о прериях и ковбоях, написанные в разное время, составили сборник «Сердце Запада» (1907).

Следующий этап жизни В. С. Портера — счастливый и драматичный одновременно. Будущий писатель обосновался в тexasском городе Остине, женился на любимой девушке, устроился работать кассиром в банке, активно пробовал свои силы в литературе. Однако во время ревизии обнаружили крупную недостачу денег и обвинили в растрате кассира, не сумевшего доказать свою непричастность к краже. Суд присяжных приговорил В. С. Портера к пятилетнему тюремному заключению. Здесь пригодилась его первая профессия: днём он работал аптекарем в тюремной больнице, а ночью размышлял о превратностях судьбы и писал рассказы. Тяжёлым ударом судьбы для Вильяма стала смерть жены.

После досрочного освобождения О. Генри поселился в Нью-Йорке. Многие события пёстрой и полной драматизма судьбы автора описаны в сюжетах его новелл. Они открывают миру добрый талант писателя, щедро дарующего людям весёлый смех, мудрое понимание жизни и светлую надежду.

Музей О. Генри в
г. Гринсборо (США).
Современная фотография

¹ *Фармацевт* — специалист, приготавливающий лекарства.

Комментарий

Обложка сборника произведений О. Генри «Четыре миллиона». 1963 г.

Новеллы «Дары волхвов» и «Последний лист» входят в нью-йоркский цикл «Четыре миллиона». Его тема — жизнь четырёхмиллионного Нью-Йорка, именно столько населения проживало в этом огромном городе во времена О. Генри. Писатель создал красочный и многогранный облик современной ему Америки, безраздельно отдав свои симпатии «маленькому человеку». Герои его рассказов — клерки¹ и продавщицы, бродяги и непризнанные художники, поэты и актрисы, авантюристы² и биржевые маклеры³. Их жизненные ситуации описаны увлекательно, сочувственно, с тонкой иронией и мягким юмором. По словам автора, самая величайшая книга — это повседневная жизнь, в которой причудливо переплетается высокое и обыденное, смешное и печальное. О сокровищах души этих «маленьких людей», задавленных бедностью, но щедрых и великодушных, написаны его трогательные рассказы («Пурпурное платье», «Из любви к искусству», «Русские соболя»).

Теория литературы

Новелла (итал. *povella* — новость) — небольшое прозаическое произведение, в основе которого необычное событие (новость). Для этого жанра характерны краткость, острый динамичный сюжет, неожиданная развязка. От рассказа новелла отличается более стремительным развитием действия, строгостью композиции и объёмом.

О. Генри в своих новеллах часто использует принцип «двойного поворота», который делает произведение более интересным. Автор предлагает читателю две развязки: первая может оказаться ложной, зато вторая всё расставляет по своим местам. Неожиданный финал обычно выявляет противоречия между реальным и желаемым. Новеллам американского писателя присущи счастливые концовки. Рассказчик близок к персонажам, но отличается от них ироническим взглядом на жизнь.

Вопросы и задания

1. Что называется *новеллой*?
2. В чём отличие новеллы от рассказа?
3. Назовите отличительные особенности новелл О. Генри.
4. Какие новеллы русских и украинских писателей вы читали? Какие из них вам особенно запомнились и почему?

¹ *Клерк* — в англоязычных странах — служащий, офисный работник.

² *Авантюрист* — склонный к рискованным делам, искатель приключений.

³ *Маклер* — посредник при заключении сделок.

ПОСЛЕДНИЙ ЛИСТ

В небольшом квартале к западу от Вашингтон-сквера улицы перепутались и переломались в короткие полоски, именуемые проездами. Эти проезды образуют странные углы и кривые линии. (...) И вот люди искусства набрели на своеобразный квартал Гринич-Виллидж¹ в поисках окон, выходящих на север, кровель XVIII столетия, голландских мансард² и дешёвой квартирной платы. Затем они перевезли туда с Шестой авеню несколько оловянных кружек и одну-две жаровни и основали «колонию».

Студия Сью и Джонси помещалась наверху трёхэтажного кирпичного дома. Джонси — уменьшительное от Джоанны. Одна приехала из штата Мэйн, другая из Калифорнии. Они познакомились за табльдо-том³ одного ресторанчика на Восьмой улице и нашли, что их взгляды на искусство, цикорный салат и модные рукава вполне совпадают. В результате и возникла общая студия.

Это было в мае. В ноябре неприветливый чужак, которого доктора именуют Пневмонией⁴, незримо разгуливал по колонии, касаясь то одного, то другого своими ледяными пальцами. По Восточной стороне этот душегуб шагал смело, поражая десятки жертв, но здесь, в лабиринте узких, поросших мохом переулков, он плелся нога за ногу.

Господина Пневмонию никак нельзя было назвать галантным старым джентльменом. Миниатюрная девушка, малокровная от калифорнийских зефиров⁵, едва ли могла считаться достойным противником для дюжего старого тупицы с красными кулачищами и одышкой. Однако он свалил её с ног, и Джонси лежала неподвижно на крашеной железной кровати, глядя сквозь мелкий переплёт голландского окна на глухую стену соседнего кирпичного дома.

Однажды утром озабоченный доктор одним движением косматых седых бровей вызвал Сью в коридор.

— У неё один шанс... ну, скажем, против десяти, — сказал он, стряхивая ртуть в термометре. — И то, если она сама захочет жить. Вся наша фармакопея⁶ теряет смысл, когда люди начинают действовать в

¹ *Гринич-Виллидж* — квартал на западе Нижнего Манхэттена, с начала XX в. стал пристанищем для бедных художников и актёров.

² *Мансарда* — жилое помещение на последнем этаже дома с мансардной крышей.

³ *Табльдот* — общий обеденный стол в гостиницах, пансионах, ресторанах с комплексным набором блюд, предлагаемый на установленную сумму.

⁴ *Пневмония* — воспаление лёгких.

⁵ *Зефир* — лёгкий, тёплый ветерок.

⁶ *Фармакопея* — официальное руководство для фармацевтов, содержащее описание способов приготовления, хранения, проверки лекарств.

интересах гробовщика. Ваша маленькая барышня решила, что ей уже не поправиться. О чём она думает?

— Ей... ей хотелось написать красками Неаполитанский залив.

— Красками? Чепуха! Нет ли у неё на душе чего-нибудь такого, о чём действительно стоило бы думать, например, мужчины?

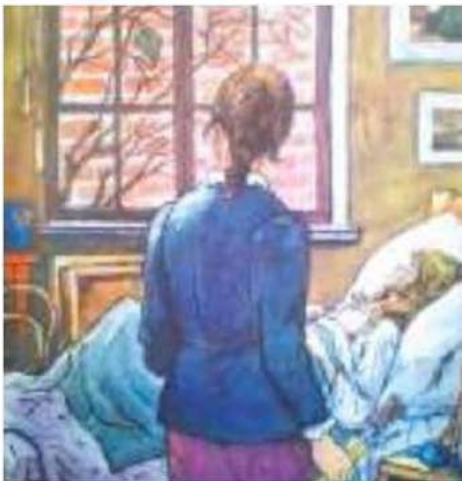
— Мужчины? — переспросила Сью, и её голос зазвучал резко, как губная гармоника. — Неужели мужчина стоит... Да нет, доктор, ничего подобного нет.

— Ну, тогда она просто ослабла, — решил доктор. — Я сделаю всё, что буду в силах сделать как представитель науки. Но когда мой пациент начинает считать кареты в своей похоронной процессии, я скидываю пятьдесят процентов с целебной силы лекарств. Если вы сумеете добиться, чтобы она хоть раз спросила, какого фасона рукава будут носить этой зимой, я вам ручаюсь, что у неё будет один шанс из пяти, вместо одного из десяти.

После того как доктор ушёл, Сью выбежала в мастерскую и плакала в японскую бумажную салфеточку до тех пор, пока та не размокла окончательно. Потом она храбро вошла в комнату Джонси с чертёжной доской, насвистывая рэгтайм¹.

Джонси лежала, повернувшись лицом к окну, едва заметная под одеялами. Сью перестала насвистывать, думая, что Джонси уснула.

Она пристроила доску и начала рисунок тушью к журнальному рассказу. Для молодых художников путь в Искусство бывает вымощен иллюстрациями к журнальным рассказам, которыми молодые авторы мостят себе путь в Литературу.

Г. Соколов. Иллюстрация к новелле О. Генри «Последний лист». 2010 г.

Набрасывая для рассказа фигуру ковбоя из Айдахо в элегантных бриджах и с моноклем в глазу, Сью услышала тихий шёпот, повторившийся несколько раз. Она торопливо подошла к кровати. Глаза Джонси были широко открыты. Она смотрела в окно и считала — считала в обратном порядке.

— Двенадцать, — произнесла она, и немного погодя: — одиннадцать, — а потом: — «десять» и «девять», а потом: — «восемь» и «семь» — почти одновременно.

Сью посмотрела в окно. Что там было считать? Был виден только пустой,

¹ *Рэгтайм* — музыкальное произведение с танцевальным ритмом.

унылый двор и глухая стена кирпичного дома в двадцати шагах. Старый-старый плющ с узловатым, подгнившим у корней стволом заплёл до половины кирпичную стену. Холодное дыхание осени сорвало листья с лозы, и оголённые скелеты ветвей цеплялись за осыпающиеся кирпичи.

— Что там такое, милая? — спросила Сью.

— Шесть, — едва слышно ответила Джонси. — Теперь они облетают гораздо быстрее. Три дня назад их было почти сто. Голова кружилась считать. А теперь это легко. Вот и ещё один полетел. Теперь осталось только пять.

— Чего пять, милая? Скажи своей Сьюди.

— Листьев. На плюще. Когда упадет последний лист, я умру. Я это знаю уже три дня. Разве доктор не сказал тебе?

— Первый раз слышу такую глупость! — с великолепным презрением отпарировала Сью. — Какое отношение могут иметь листья на старом плюще к тому, что ты поправишься? А ты ещё так любила этот плющ, гадкая девочка! Не будь глупышкой. Да ведь ещё сегодня доктор говорил мне, что ты скоро выздоровеешь... позволь, как же это он сказал?.. что у тебя десять шансов против одного. А ведь это не меньше, чем у каждого из нас здесь в Нью-Йорке, когда едешь в трамвае или идёшь мимо нового дома. Попробуй съесть немножко бульона и дай твоей Сьюди закончить рисунок, чтобы она могла сбыть его редактору и купить вина для своей больной девочки и свиных котлет для себя.

— Вина тебе покупать больше не надо, — отвечала Джонси, пристально глядя в окно. — Вот и ещё один полетел. Нет, бульона я не хочу. Значит, остаётся всего четыре. Я хочу видеть, как упадёт последний лист. Тогда умру и я.

— Джонси, милая, — сказала Сью, наклоняясь над ней, — обещаешь ты мне не открывать глаз и не глядеть в окно, пока я не кончу работать? Я должна сдать иллюстрацию завтра. Мне нужен свет, а то я спустила бы штору.

— Разве ты не можешь рисовать в другой комнате? — холодно спросила Джонси.

— Мне бы хотелось посидеть с тобой, — сказала Сью. — А кроме того, я не желаю, чтобы ты глядела на эти дурацкие листья.

— Скажи мне, когда кончишь, — закрывая глаза, произнесла Джонси, бледная и неподвижная, как поверженная статуя, — потому что мне хочется видеть, как упадёт последний лист. Я устала ждать. Я устала думать. Мне хочется освободиться от всего, что меня держит, — лететь, лететь всё ниже и ниже, как один из этих бедных, усталых листьев.

— Постарайся уснуть, — сказала Сью. — Мне надо позвать Бермана, я хочу писать с него золотоискателя-отшельника. Я самое большее на минутку. Смотри же, не шевелись, пока я не приду.

Старик Берман был художник, который жил в нижнем этаже под их студией. Ему было уже за шестьдесят, и борода, вся в завитках, как у Моисея Микеланджело, спускалась у него с головы сатира на тело гнома. В искусстве Берман был неудачником. Он всё собирался написать шедевр, но даже и не начал его. Уже несколько лет он не писал ничего, кроме вывесок, реклам и тому подобной мазни ради куска хлеба. Он зарабатывал кое-что, позируя молодым художникам, которым профессионалы-натурщики оказывались не по карману. Он пил запоем, но всё ещё говорил о своём будущем шедевре. А в остальном это был злющий старикашка, который издевался над всякой сентиментальностью и смотрел на себя, как на сторожевого пса, специально приставленного для охраны двух молодых художниц.

Сью застала Бермана, сильно пахнущего можжевелевыми ягодами, в его полутёмной камерке нижнего этажа. В одном углу двадцать пять лет стояло на мольберте нетронутое полотно, готовое принять первые штрихи шедевра. Сью рассказала старику про фантазию Джонси и про свои опасения насчёт того, как бы она, лёгкая и хрупкая, как лист, не улетела от них, когда ослабнет её непрочная связь с миром. Старик Берман, чьи красные глаза очень заметно слезились, раскричался, насмехаясь над такими идиотскими фантазиями.

— Что! — кричал он. — Возможна ли такая глупость — умирать оттого, что листья падают с проклятого плюща! Первый раз слышу. Нет, не желаю позировать для вашего идиота-отшельника. Как вы позволяете ей забивать голову такой чепухой? Ах, бедная маленькая мисс Джонси!

— Она очень больна и слаба, — сказала Сью, — и от лихорадки ей приходят в голову разные болезненные фантазии. Очень хорошо, мистер Берман, — если вы не хотите мне позировать, то и не надо. А я всё-таки думаю, что вы противный старик... противный старый болтунишка.

— Вот настоящая женщина! — закричал Берман. — Кто сказал, что я не хочу позировать? Идём. Я иду с вами. Полчаса я говорю, что хочу позировать. Боже мой! Здесь совсем не место болеть такой хорошей девушке, как мисс Джонси. Когда-нибудь я напишу шедевр, и мы все уедем отсюда. Да, да!

Джонси дремала, когда они поднялись наверх. Сью спустила штору до самого подоконника и сделала Берману знак пройти в другую комнату. Там они подошли к окну и со страхом посмотрели на старый плющ. Потом переглянулись, не говоря ни слова. Шёл холодный, упорный дождь пополам со снегом. Берман в старой синей рубашке

уселся в позе золотоискателя-отшельника на перевёрнутый чайник вместо скалы.

На другое утро Сью, проснувшись после короткого сна, увидела, что Джонси не сводит тусклых, широко раскрытых глаз со спущенной зелёной шторы.

— Подними её, я хочу посмотреть, — шёпотом скомандовала Джонси.

Сью устало повиновалась.

И что же? После проливного дождя и резких порывов ветра, не унимавшихся всю ночь, на кирпичной стене ещё виднелся один лист плюща — последний! Всё ещё тёмно-зелёный у стебелька, но тронутый по зубчатым краям желтизной тления и распада, он храбро держался на ветке в двадцати футах над землёй.

— Это последний, — сказала Джонси. — Я думала, что он непременно упадет ночью. Я слышала ветер. Он упадет сегодня, тогда умру и я.

— Да бог с тобой! — сказала Сью, склоняясь усталой головой к подушке. — Подумай хоть обо мне, если не хочешь думать о себе! Что будет со мной?

Но Джонси не отвечала. Душа, готовясь отправиться в таинственный, далёкий путь, становится чуждой всему на свете. Болезненная фантазия завладевала Джонси всё сильнее, по мере того как одна за другой рвались все нити, связывавшие её с жизнью и людьми.

День прошёл, и даже в сумерки они видели, что одинокий лист плюща держится на своём стебельке на фоне кирпичной стены. А потом, с наступлением темноты, опять поднялся северный ветер, и дождь беспрерывно стучал в окна, скатываясь с низкой голландской кровли.

Как только рассвело, беспощадная Джонси велела снова поднять штору.

Лист плюща всё ещё оставался на месте.

Джонси долго лежала, глядя на него. Потом позвала Сью, которая разогревала для неё куриный бульон на газовой горелке.

— Я была скверной девчонкой, Сьюди, — сказала Джонси. — Должно быть, этот последний лист остался на ветке для того, чтобы показать мне, какая я была гадкая. Грешно желать себе смерти. Теперь ты можешь дать мне немного бульона, а потом молока с портвейном... Хотя нет: принеси мне сначала зеркальце, а потом обложи меня подушками, и я буду сидеть и смотреть, как ты стряпаешь.

Часом позже она сказала:

— Сьюди, надеюсь когда-нибудь написать красками Неаполитанский залив.

Днём пришёл доктор, и Сью под каким-то предлогом вышла за ним в прихожую.

— Шансы равные, — сказал доктор, пожимая худенькую, дрожащую руку Сью. — При хорошем уходе вы одержите победу. А теперь я должен навестить ещё одного больного, внизу. Его фамилия Берман. Кажется, он художник. Тоже воспаление лёгких. Он уже старик и очень слаб, а форма болезни тяжёлая. Надежды нет никакой, но сегодня его отправят в больницу, там ему будет покойнее.

На другой день доктор сказал Сью:

— Она вне опасности. Вы победили. Теперь питание и уход — и больше ничего не нужно.

В тот же вечер Сью подошла к кровати, где лежала Джонси, с удовольствием довязывая ярко-синий, совершенно бесполезный шарф, и обняла её одной рукой — вместе с подушкой.

— Мне надо кое-что сказать тебе, белая мышка, — начала она. — Мистер Берман умер сегодня в больнице от воспаления лёгких. Он болел всего только два дня. Утром первого дня швейцар нашёл бедного старика на полу в его комнате. Он был без сознания. Башмаки и вся его одежда промокли насквозь и были холодны, как лёд. Никто не мог понять, куда он выходил в такую ужасную ночь. Потом нашли фонарь, который всё ещё горел, лестницу, сдвинутую с места, несколько брошенных кистей и палитру с жёлтой и зелёной красками. Посмотри в окно, дорогая, на последний лист плюща. Тебя не удивляло, что он не дрожит и не шевелится от ветра? Да, милая, это и есть шедевр Бермана — он написал его в ту ночь, когда слетел последний лист.

(Перевод Н. Дарузес)

Вопросы и задания

1. О каком событии рассказывается в новелле «Последний лист»? Определите тему произведения.
2. Что известно об обитателях Гринич-Виллиджа? С помощью каких художественных приёмов О. Генри создаёт образ жестокого города?
3. Как вы думаете, зачем автор так подробно описывает вид из окна студии? Обратите внимание на роль и смысловое значение эпитетов.
4. Назовите действующих лиц произведения. Что известно о девушках? Какие черты характера раскрываются в их поступках? Приведите примеры тонкой авторской иронии в его отношении к художникам.
5. Как вы думаете, кто является главным героем новеллы и почему?
6. Зачитайте портрет художника Бермана. Что автор рассказывает об этом персонаже? О чём он мечтает и как воплощает свои мечты? Обратите внимание на противопоставление внешности и душевных качеств Бермана. Какова роль этого противопоставления?

7. Удалось ли Берману создать шедевр? Что, по мнению О. Генри, является наиболее ценным в личности старого Бермана — талант художника (его «последний лист» не отличался от настоящего) или большое самоотверженное сердце? Какое «завещание» оставил Берман молодым художницам?
8. Какие две развязки предлагает автор в новелле? Назовите «ложную» и настоящую. Как она связана с идеей произведения?
- 9. Подготовьте устный развёрнутый ответ на вопрос: что общего в коротких рассказах А. Чехова и О. Генри и чем они отличаются?
10. Докажите, что произведение О. Генри «Последний лист» является новеллой. Запишите свои аргументы в тетради.
11. Подготовьте пересказ одного из эпизодов новеллы «Последний лист». Озаглавьте его. Постарайтесь выразить в пересказе своё отношение к герою.
12. О. Генри один из самых экранизируемых писателей в мире: по его творчеству поставлено 196 фильмов. Составьте устный отзыв о самостоятельно просмотренном кинофильме по мотивам новелл О. Генри.
- 13. Посмотрите видеоклип и послушайте балладу С. Копыловой «Последний лист (по мотивам рассказа О. Генри)» (режим доступа: <http://www.svetlana-kopylova.ru>). Понравилась вам баллада или оставила равнодушной? Как вы думаете, почему поэтесса в своём творчестве обратилась к новелле О. Генри? О чём она хотела напомнить современному слушателю?

В 2010 г. в г. Нью-Йорке для поддержки русскоязычных новеллистов со всего мира была учреждена литературная премия имени О. Генри «Дары волхвов». Ориентиром для авторов служит одноимённый рассказ писателя и формула: любовь + добровольная жертва + неожиданная развязка. Участниками этого конкурса может стать любой желающий, нужно только написать рассказ в соответствии с его условиями.

Памятник книге О. Генри
«Дары волхвов»
в г. Гринсборо (США).
Современная фотография

АРТУР КОНАН ДОЙЛ (1859—1930)

Артур Конан Дойл родился в г. Эдинбурге (Шотландия) в семье выходцев из Ирландии, однако по образу жизни и поведению был образцовым английским джентльменом. Его мать — удивительная рассказчица, знаток геральдики¹, волевая личность — сформировала в своих детях кодекс рыцарского поведения. По словам писателя, она «скорее бы согласилась видеть любого из нас в гробу, чем узнать, что кто-то совершил бесчестный поступок».

В г. Эдинбурге установлен памятник не писателю, а его герою — знаменитому Шерлоку Холмсу. Возможно, в этом есть какая-то несправедливость по отношению к автору, но одновременно есть и награда. Она заключается в том, что образ повсеместно известного сыщика живёт своей самостоятельной жизнью.

Не желая оставаться в тени своих героев, А. Конан Дойл рассказывает читателям: «Трудно вообразить жизнь более разнообразную и романтическую, чем моя. Я узнал, что значит быть бедняком и каково быть богатым. Я испытал всё, что написано человеку на роду. Я был знаком со многими замечательными людьми моего времени. После обучения медицине, магистерскую степень по которой получил в Эдинбурге, я прошёл долгий путь в литературе».

Памятник Шерлоку Холмсу в г. Эдинбурге (Шотландия).
Скульптор Дж. Лэнг.
1991 г.

Действительно, вклад А. Конан Дойла в мировую и английскую литературу не исчерпывается созданием детективов о Шерлоке Холмсе и докторе Ватсоне. Он автор семидесяти книг, среди которых — исторические и фантастические романы, морские новеллы, спортивные рассказы, воспоминания и др.

В литературной и общественной сферах особенно ярко проявились такие черты характера писателя, как патриотизм, верность долгу и чести, мужество. Эпитафия² на надгробной плите А. Конан Дойла: «Верен как сталь, прям как клинок» является лучшей характеристикой рыцарского духа великого писателя — защитника слабых и обездоленных.

¹ *Геральдика* — наука, которая изучает отличительные знаки, гербы, историю их возникновения.

² *Эпитафия* — надгробная надпись.

Комментарий

Уже в студенческие годы А. Конан Дойл совмещает занятия медициной с литературным творчеством. «Этюд в багровых тонах», написанный в 1886 г., — первое произведение, которое принесло успех писателю и положило начало всемирно известной «Шерлокиане». Автор создаёт литературный цикл рассказов, повестей и пьес о сыщике Шерлоке Холмсе и его друге докторе Ватсоне (Уотсоне). Несмотря на перерывы в работе и сложное отношение к персонажу, А. Конан Дойл пишет о нём всю жизнь. «Шерлокиану» составляют 4 повести («Этюд в багровых тонах», «Знак четырёх», «Собака Баскервилей», «Долина страха») и 56 рассказов о великом сыщике. Рассказ **«Пёстрая лента»** А. Конан Дойль называл в числе 12 лучших произведений о Шерлоке Холмсе. Это классическая история преступления, совершённого за закрытыми дверями.

Теория литературы

Цикл произведений

Цикл (в литературе) — это группа произведений, объединённых автором или издателем в единое целое на основе общего замысла, тематики, сюжета, персонажей.

Вопросы и задания

1. Что называется циклом?
2. Какие произведения составляют цикл о Шерлоке Холмсе и докторе Ватсоне?

ПЁСТРАЯ ЛЕНТА

(В сокращении)

Просматривая свои записи о приключениях Шерлока Холмса, (...) я нахожу в них немало трагических случаев, есть среди них и забавные, есть и причудливые, но нет ни одного заурядного: работая из любви к своему искусству, а не ради денег, Холмс никогда не брался за расследование обыкновенных, будничных дел, его всегда привлекали только такие дела, в которых есть что-нибудь необычайное, а порою даже фантастическое.

Особенно причудливым кажется мне дело хорошо известной в Суррее¹ семьи Ройлоттов из Сток-Морона. (...)

Ранним апрельским утром в приёмную Шерлока Холмса пришла молодая дама. По ряду признаков (ранний визит, взволнованность дамы, густая вуаль на её лице) знаменитый сыщик понял, что дело может оказаться интересным.

¹ *Суррей*, или *Сэррей*, — графство на юге Англии.

Дама, одетая в чёрное, с густой вуалью на лице, поднялась при нашем появлении.

— Доброе утро, сударыня, — сказал Холмс приветливо. — Меня зовут Шерлок Холмс. Это мой близкий друг и помощник, доктор Уотсон, с которым вы можете быть столь же откровенны, как и со мной. Ага! Как хорошо, что миссис Хадсон догадалась затопить камин. Я вижу, вы очень продрогли. Присаживайтесь поближе к огню и разрешите предложить вам чашку кофе.

— Не холод заставляет меня дрожать, мистер Холмс, — тихо сказала женщина, подсаживаясь к камину.

— А что же?

— Страх, мистер Холмс, ужас!

С этими словами она подняла вуаль, и мы увидели, как она возбуждена, какое у неё посеревшее, осунувшееся лицо. В её глазах был испуг, словно у затравленного зверя. Ей было не больше тридцати лет, но в волосах уже блестела седина, и выглядела она усталой и измученной.

Шерлок Холмс окинул её своим быстрым всепонимающим взглядом.

— Вам нечего бояться, — сказал он, ласково погладив её по руке. — Я уверен, что нам удастся уладить все неприятности... Вы, я вижу, приехали утренним поездом.

А. Ломаев. Иллюстрация к рассказу А. Конан Дойла «Пёстрая лента». 2014 г.

— Разве вы меня знаете?

— Нет, но я заметил в вашей левой перчатке обратный билет. Вы сегодня рано встали, а потом, направляясь на станцию, долго тряслись в двуколке по скверной дороге.

Дама резко вздрогнула и в замешательстве взглянула на Холмса.

— Здесь нет никакого чуда, сударыня, — сказал он, улыбнувшись. — Левый рукав вашего жакета по крайней мере в семи местах забрызган грязью. Пятна совершенно свежие. Так обрызгаться можно только в двуколке, сидя слева от кучера.

— Всё так и было, — сказала она. — Около шести часов я выбралась из дому, в двадцать минут седьмого была в Летерхеде¹ и с первым поездом приехала в Лондон, на вокзал Ватер-

¹ *Летерхед* — город в графстве Суррей.

лоо... Сэр, я больше не вынесу этого, я сойду с ума! У меня нет никого, к кому я могла бы обратиться. (...) О сэр, помогите мне или по крайней мере попытайтесь пролить хоть немного света в тот непроницаемый мрак, который окружает меня! Я не в состоянии отблагодарить вас сейчас за ваши услуги, но через месяц-полтора я буду замужем, тогда у меня будет право распоряжаться своими доходами, и вы увидите, что я умею быть благодарной. (...)

— Могу вас уверить, сударыня, что я буду счастлив отнестись к вашему делу с усердием. (...) А вознаграждения мне никакого не нужно, так как моя работа и служит мне вознаграждением. Конечно, у меня будут кое-какие расходы, и их вы можете возместить, когда вам будет угодно. А теперь попрошу вас сообщить нам подробности вашего дела, чтобы мы могли иметь свое суждение о нём.

— Увы! — ответила девушка. — Ужас моего положения заключается в том, что мои страхи так неопределённые и смутные, а подозрения основываются на таких мелочах, казалось бы, не имеющих никакого значения, что даже тот, к кому я имею право обратиться за советом и помощью, считает все мои рассказы бреднями нервной женщины. Он не говорит мне ничего, но я читаю это в его успокоительных словах и уклончивых взглядах. Я слышала, мистер Холмс, что вы, как никто, разбираетесь во всяких порочных наклонностях человеческого сердца и можете посоветовать, что мне делать среди окружающих меня опасностей.

— Я весь внимание, сударыня. (...)

Девушка по имени Элен Стоунер рассказала свою историю. Шерлок Холмс и доктор Уотсон узнали, что она с сестрой-близнецом много лет проживала в поместье отчима — доктора Ройлотта. По происхождению он из знатного, по обедневшего рода. Понимая, что ему нужно зарабатывать на жизнь, Ройлотт поступил в университет, получил диплом врача и уехал работать в Индию. Он был хорошим врачом, имел большую практику. Ройлотт отличался невероятной физической силой и вспыльчивым нравом. Однажды в припадке бешенства он убил слугу. С трудом избежав смертной казни, после долгих лет тюрьмы Ройлотт возвратился в Англию угрюмым и разочарованным.

Элен также рассказала о том, что их мать была хорошо обеспеченной. Она оставила завещание, по которому доктор Ройлотт мог пользоваться её деньгами до тех пор, пока девушки не выйдут замуж. В этом случае каждая из них должна получить свою сумму денег. После смерти жены доктор Ройлотт поселился в родовом поместье, буквально терроризируя соседей скандалами и вспышками необузданного гнева. Его единственными друзьями были кочующие цыгане и экзотические животные — павиан и гепард, которые разгуливали по саду, наводя ужас на людей. Несложно догадаться, сёстры жили одиноко и не слишком-то весело. Одной из них — Джулии — было всего тридцать лет, когда она умерла. Случилось это за две недели до её свадьбы с отставным майором.

Шерлок Холмс сидел в кресле, откинувшись назад и положив голову на длинную подушку. Глаза его были закрыты. Теперь он приподнял веки и взглянул на посетительницу.

— Прошу вас рассказывать, не пропуская ни одной подробности, — сказал он.

— Мне легко быть точной, потому что все события тех ужасных дней врезались в мою память... Как я уже говорила, наш дом очень стар, и только одно крыло пригодно для жилья. В нижнем этаже размещаются спальни, гостиные находятся в центре. В первой спальне спит доктор Ройлотт, во второй спала моя сестра, а в третьей — я. Спальни не сообщаются между собой, но все они имеют выход в один коридор. Достаточно ли ясно я рассказываю?

— Да, вполне.

— Окна всех трёх спален выходят на лужайку. В ту роковую ночь доктор Ройлотт рано удалился в свою комнату, но мы знали, что он ещё не лёг, так как сестру мою долго беспокоил запах крепких индийских сигар, которые он имел привычку курить. Сестра не выносила этого запаха и пришла в мою комнату, где мы просидели некоторое время, болтая о её предстоящем замужестве. В одиннадцать часов она поднялась и хотела уйти, но у дверей остановилась и спросила меня:

«Скажи, Элен, не кажется ли тебе, будто кто-то свистит по ночам?»

«Нет», — сказала я.

«Надеюсь, что ты не свистишь во сне?»

«Конечно, нет. А в чём дело?»

«В последнее время, часа в три ночи, мне ясно слышится тихий, отчётливый свист. Я сплю очень чутко, и свист будит меня. Не могу понять, откуда он доносится, — быть может, из соседней комнаты, быть может, с лужайки. Я давно уже хотела спросить у тебя, слыхала ли ты его».

«Нет, не слыхала. Может, свистят эти мерзкие цыгане?»

«Очень возможно. Однако, если бы свист доносился с лужайки, ты тоже слышала бы его».

«Я сплю гораздо крепче тебя».

«Впрочем, всё это пустяки», — улыбнулась сестра, закрыла мою дверь, и спустя несколько мгновений я услышала, как щёлкнул ключ в её двери.

— Вот как! — сказал Холмс. — Вы на ночь всегда запираетесь на ключ?

— Всегда.

— А почему?

— Я, кажется, уже упомянула, что у доктора жили гепард и павиан. Мы чувствовали себя в безопасности лишь тогда, когда дверь была закрыта на ключ.

— Понимаю. Прошу продолжать.

— Ночью я не могла уснуть. Смутное ощущение какого-то неотвратимого несчастья охватило меня. Мы близнецы, а вы знаете, какими тонкими узами связаны столь родственные души. Ночь была жуткая: выл ветер, дождь барабанил в окна. И вдруг среди грохота бури раздался дикий вопль. То кричала моя сестра. Я спрыгнула с кровати и, накинув большой платок, выскочила в коридор. Когда я открыла дверь, мне показалось, что я слышу тихий свист, вроде того, о котором мне рассказывала сестра, а затем что-то звякнуло, словно на землю упал тяжёлый металлический предмет. Подбежав к комнате сестры, я увидела, что дверь тихонько колышется взад и вперёд. Я остановилась, поражённая ужасом, не понимая, что происходит. При свете лампы, горевшей в коридоре, я увидела свою сестру, которая появилась в дверях, шатаясь, как пьяная, с белым от ужаса лицом, протягивая вперёд руки, словно моля о помощи. Бросившись к ней, я обняла её, но в это мгновение колени сестры подогнулись, и она рухнула наземь. Она корчилась, словно от нестерпимой боли, руки и ноги её сводило судорогой. Сначала мне показалось, что она меня не узнаёт, но когда я склонилась над ней, она вдруг вскрикнула... О, я никогда не забуду её страшного голоса.

«Боже мой, Элен! — кричала она. — Лента! Пёстрая лента!»

Она пыталась ещё что-то сказать, указывая пальцем в сторону комнаты доктора, но новый приступ судорог оборвал её слова. Я выскочила и, громко крича, побежала за отчимом. Он уже спешил мне навстречу в ночном халате. Сестра была без сознания, когда он приблизился к ней. Он влил ей в рот коньяку и тотчас же послал за деревенским врачом, но все усилия спасти её были напрасны, и она скончалась, не приходя в сознание. Таков был ужасный конец моей любимой сестры...

— Позвольте спросить, — сказал Холмс. — Вы уверены, что слышали свист и лязг металла? Могли бы вы показать это под присягой?

— Об этом спрашивал меня и следователь. Мне кажется, что я слышала эти звуки, однако меня могли ввести в заблуждение и завывание бури и потрескивания старого дома.

— Ваша сестра была одета?

— Нет, она выбежала в одной ночной рубашке. В правой руке у неё была обгорелая спичка, а в левой спичечная коробка.

— Значит, она чиркнула спичкой и стала осматриваться, когда что-то испугало её. Очень важная подробность. А к каким выводам пришёл следователь?

— Он тщательно изучил все обстоятельства — ведь буйный характер доктора Ройлотта был известен всей округе, но ему так и не удалось

найти мало-мальски удовлетворительную причину смерти моей сестры. Я показала на следствии, что дверь её комнаты была заперта изнутри, а окна защищены снаружи старинными ставнями с широкими железными засовами. Стены были подвергнуты самому внимательному изучению, но они повсюду оказались очень прочными. Осмотр пола тоже не дал никаких результатов. Каминная труба широка, но её перекрывают целых четыре вьюшки¹. Итак, нельзя сомневаться, что сестра во время постигшей её катастрофы была совершенно одна. Никаких следов насилия обнаружить не удалось.

— А как насчет яда?

— Врачи исследовали её, но не нашли ничего, что указывало бы на отравление.

— Что же, по-вашему, было причиной смерти?

— Мне кажется, она умерла от ужаса и нервного потрясения. Но я не представляю себе, кто мог бы её так напугать.

— А цыгане были в то время в усадьбе?

— Да, цыгане почти всегда живут у нас.

— А что, по-вашему, могли означать её слова о ленте, о пёстрой ленте?

— Иногда мне казалось, что слова эти были сказаны просто в бреду, а иногда — что они относятся к цыганам. Но почему лента пёстрая? Возможно, что пёстрые платки, которые носят цыганки, внушили ей этот странный эпитет.

Холмс покачал головой: видимо, объяснение не удовлетворяло его.

— Это дело тёмное, — сказал он. — Прошу вас, продолжайте.

— С тех пор прошло два года, и жизнь моя была ещё более одинокой, чем раньше. Но месяц назад один близкий мне человек, которого я знаю много лет, сделал мне предложение. Его зовут Армитедж, Пэрс Армитедж, он второй сын мистера Армитеджа из Крейнуотера, близ Рединга. Мой отчим не возражал против нашего брака, и этой весной мы должны обвенчаться. Два дня назад в западном крыле нашего дома начались кое-какие переделки. Была пробита стена моей спальни, и мне пришлось перебраться в ту комнату, где скончалась сестра, и спать на той самой кровати, на которой спала она. Можете себе представить мой ужас, когда прошлой ночью, лёжа без сна и размышляя о её трагической смерти, я внезапно услышала в тишине тот самый тихий свист, который был предвестником гибели сестры. Я вскочила, зажгла лампу, но в комнате никого не было. Снова лечь я не могла — я была слишком взволнована, поэтому я оделась и, чуть

¹ Вьюшка — то же, что задвижка.

рассвело, выскользнула из дому, взяла двуколку в гостинице «Корона», которая находится напротив нас, поехала в Летерхед, а оттуда сюда — с одной только мыслью повидать вас и спросить у вас совета.

— Вы очень умно поступили, — сказал мой друг. — Но всё ли вы рассказали мне?

— Да, всё.

— Нет, не всё, мисс Ройлотт: вы щадите и выгораживаете своего отчима.

— Я не понимаю вас...

Вместо ответа Холмс откинул черную кружевную отделку на рукаве нашей посетительницы. Пять багровых пятен — следы пяти пальцев — ясно виднелись на белом запястье.

— Да, с вами обошлись жестоко, — сказал Холмс.

Девушка густо покраснела и поспешила опустить кружева.

— Отчим — суровый человек, — сказала она. — Он очень силён, и, возможно, сам не замечает своей силы.

Наступило долгое молчание. Холмс сидел, подперев руками подбородок и глядя на потрескивавший в камине огонь.

— Сложное дело, — сказал он наконец. — Мне хотелось бы выяснить ещё тысячу подробностей, прежде чем решить, как действовать. А между тем нельзя терять ни минуты. Послушайте, если бы мы сегодня же приехали в Сток-Морон, удалось бы нам осмотреть эти комнаты, но так, чтобы ваш отчим ничего не узнал?

— Он как раз говорил мне, что собирается ехать сегодня в город по каким-то важным делам. Возможно, что его не будет весь день, и тогда никто вам не помешает. У нас есть экономка, но она стара и глупа, и я легко могу удалить её.

— Превосходно. Вы ничего не имеете против поездки, Уотсон?

— Ровно ничего.

— Тогда мы приедем оба. А что вы сами собираетесь делать?

— У меня в городе есть кое-какие дела. Но я вернусь двенадцатичасовым поездом, чтобы быть на месте к вашему приезду. (...)

Она опустила на лицо чёрную густую вуаль и вышла из комнаты.

— Так что же вы обо всём этом думаете, Уотсон? — спросил Шерлок Холмс, откидываясь на спинку кресла.

А. Ломаев. Иллюстрация к рассказу А. Конан Дойла «Пёстрая лента». 2014 г.

— По-моему, это в высшей степени тёмное и грязное дело.

— Достаточно грязное и достаточно тёмное.

— Но если наша гостья права, утверждая, что пол и стены в комнате крепки, так что через двери, окна и каминную трубу невозможно туда проникнуть, значит, её сестра в минуту своей таинственной смерти была совершенно одна...

— В таком случае, что означают эти ночные свисты и странные слова умирающей?

— Представить себе не могу.

— Если сопоставить факты: ночные свисты, цыгане, с которыми у этого старого доктора такие близкие отношения, намёки умирающей на какую-то ленту и, наконец, тот факт, что мисс Элен Стоунер слышала металлический лязг, который мог издавать железный засов от ставни... если вспомнить к тому же, что доктор заинтересован в предотвращении замужества своей падчерицы, — я полагаю, что мы попали на верные следы, которые помогут нам разгадать это таинственное происшествие.

— Но тогда при чём здесь цыгане?

— Понятия не имею.

— У меня всё-таки есть множество возражений...

— Да и у меня тоже, и поэтому мы сегодня едем в Сток-Морон. Я хочу проверить всё на месте. Не обернулись бы кое-какие обстоятельства самым роковым образом. Может быть, их удастся прояснить. Чёрт возьми, что это значит?

Так воскликнул мой друг, потому что дверь внезапно широко распахнулась, и в комнату ввалился какой-то субъёкт колоссального роста. Его костюм представлял собою странную смесь: чёрный цилиндр и длинный сюртук указывали на профессию врача, а по высоким гетрам и охотничьему хлысту в руках его можно было принять за сельского жителя. Он был так высок, что шляпой задевал верхнюю перекладину нашей двери, и так широк в плечах, что едва протискивался в дверь. Его толстое, жёлтое от загара лицо со следами всех пороков было перерезано тысячью морщин, а глубоко сидящие, злобно сверкающие глаза и длинный, тонкий, костлявый нос придавали ему сходство со старой хищной птицей.

Он переводил взгляд то на Шерлока Холмса, то на меня.

— Который из вас Холмс? — промолвил наконец посетитель.

— Это моё имя, сэръ, — спокойно ответил мой друг. — Но я не знаю вашего.

— Я доктор Гримеби Ройлотт из Сток-Морона.

— Очень рад. Садитесь, пожалуйста, доктор, — любезно сказал Шерлок Холмс.

— Не стану я садиться! Здесь была моя падчерица. Я выследил её. Что она говорила вам?

— Что-то не по сезону холодная погода нынче, — сказал Холмс.

— Что она говорила вам? — злобно закричал старик.

— Впрочем, я слышал, крокусы будут отлично цвести, — невозмутимо продолжал мой приятель.

— Ага, вы хотите отделаться от меня! — сказал наш гость, делая шаг вперёд и размахивая охотничьим хлыстом. — Знаю я вас, подлеца. Я уже и прежде слышал про вас. Вы любите совать нос в чужие дела.

Мой друг улыбнулся.

— Вы проныра!

Холмс улыбнулся ещё шире.

— Полицейская ищейка!

Холмс от души расхохотался.

— Вы удивительно приятный собеседник, — сказал он. — Выходя отсюда, закройте дверь, а то, право же, сильно сквозит.

— Я выйду только тогда, когда выскажусь. Не вздумайте вмешиваться в мои дела. Я знаю, что мисс Стоунер была здесь, я следил за ней! Горе тому, кто станет у меня на пути! Смотрите!

Он быстро подошёл к камину, взял кочергу и согнул её своими огромными загорелыми руками.

— Смотрите, не попадайтесь мне в лапы! — прорычал он, швырнув искривлённую кочергу в камин и вышел из комнаты.

— Какой любезный господин! — смеясь, сказал Холмс. — Я не такой великан, но если бы он не ушёл, мне пришлось бы доказать ему, что мои лапы ничуть не слабее его лап.

С этими словами он поднял стальную кочергу и одним быстрым движением распрямил её. (...)

Было уже около часа, когда Холмс возвратился домой. В руке у него был лист синей бумаги, весь исписанный заметками и цифрами.

— Я видел завещание покойной жены доктора, — сказал он. — (...) Выйдя замуж, каждая дочь имеет право на ежегодный доход в двести пятьдесят фунтов стерлингов. Следовательно, если бы обе дочери вышли замуж, наш красавец получал бы только жалкие крохи. (...) Обстоятельства слишком серьёзны, Уотсон, и нельзя терять ни минуты (...). Револьвер да зубная щётка — вот и всё, что нам понадобится.

На вокзале Ватерлоо нам посчастливилось сразу попасть на поезд. Приехав в Летерхед, мы в гостинице возле станции взяли двуколку и проехали миль пять живописными дорогами Суррея. (...)

Станным казался мне контраст между сладостным пробуждением весны и ужасным делом, из-за которого мы прибыли сюда. Мой приятель

сидел впереди, скрестив руки, надвинув шляпу на глаза, опустил подбородок на грудь, погруженный в глубокие думы. Внезапно он поднял голову, хлопнул меня по плечу и указал куда-то вдаль.

— Посмотрите!

Обширный парк раскинулся по склону холма, переходя в густую рощу на вершине; из-за веток виднелись очертания высокой крыши и шпиль старинного помещичьего дома.

— Сток-Морон? — спросил Шерлок Холмс.

— Да, сэр, это дом Гримеби Ройлотта, — ответил возница. (...)

Шерлок Холмс и доктор Уотсон подошли к дому с обратной стороны. Они увидели мисс Стоунер, которая по тропинке возвращалась домой. Девушка узнала, что доктор Ройлотт её выследил, и очень испугалась. Шерлок Холмс попросил её показать комнаты, чтобы их обследовать в отсутствие хозяина.

Дом был из серого, покрытого лишайником камня и имел два полукруглых крыла, распростёртых, словно клешни у краба, по обеим сторонам высокой центральной части. В одном из этих крыльев окна были выбиты и заколочены досками; крыша местами провалилась. Центральная часть казалась почти столь же разрушенной, зато правое крыло было сравнительно недавно отделано, и по шторам на окнах, по голубоватым дымкам, которые вились из труб, видно было, что живут именно здесь. У крайней стены были воздвигнуты леса, начаты кое-какие работы. Но ни одного каменщика не было видно.

Холмс стал медленно расхаживать по нерасчищенной лужайке, внимательно глядя на окна.

— Насколько я понимаю, тут комната, в которой вы жили прежде. Среднее окно — из комнаты вашей сестры, а третье окно, то, что поближе к главному зданию, — из комнаты доктора Ройлотта...

— Совершенно правильно. Но теперь я живу в средней комнате.

— Понимаю, из-за ремонта. Кстати, как-то незаметно, чтобы эта стена нуждалась в столь неотложном ремонте.

— Совсем не нуждается. Я думаю, это просто предлог, чтобы убрать меня из моей комнаты.

— Весьма вероятно. Итак, вдоль противоположной стены тянется коридор, куда выходят двери всех трёх комнат. В коридоре, без сомнения, есть окна?

— Да, но очень маленькие. Пролезть сквозь них невозможно.

— Так как вы обе запирались на ключ, то из коридора попасть к вам в комнаты нельзя. Будьте любезны, пройдите в свою комнату и закройте ставни.

Мисс Стоунер исполнила его просьбу. Холмс, предварительно осмотрев окно, употребил все усилия, чтобы открыть ставни снаружи,

но безуспешно: не было ни одной щёлки, сквозь которую можно было бы просунуть хоть лезвие ножа, чтобы поднять засов. При помощи лупы он осмотрел петли, но они были из твёрдого железа и крепко вделаны в массивную стену.

— Гм! — проговорил он, в раздумье почёсывая подбородок. — Моя первоначальная гипотеза не подтверждается фактами. Когда ставни закрыты, в эти окна не влезть... Ладно, посмотрим, не удастся ли нам выяснить что-нибудь, осмотрев комнаты изнутри.

Маленькая боковая дверь открывалась в выбеленный известкой коридор, в который выходили двери всех трёх спален. Холмс не счёл нужным осматривать третью комнату, и мы сразу прошли во вторую, где теперь спала мисс Стоунер и где умерла её сестра. Это была просто обставленная комнатка с низким потолком и с широким камином, одним из тех, которые встречаются в старинных деревенских домах. В одном углу стоял комод; другой угол занимала узкая кровать, покрытая белым одеялом; слева от окна находился туалетный столик. Убранство комнаты довершали два плетёных стула да квадратный коврик посередине. Панели на стенах были из тёмного, источенного червями дуба, такие древние и выцветшие, что казалось, их не меняли со времени постройки дома.

Холмс взял стул и молча уселся в углу. Глаза его внимательно скользили вверх и вниз по стенам, бегали вокруг комнаты, изучая и осматривая каждую мелочь.

— Куда проведён этот звонок? — спросил он наконец, указывая на висевший над кроватью толстый шнур от звонка, кисточка которого лежала на подушке.

— В комнату прислуги.

— Он как будто новее всех прочих вещей.

— Да, он проведён всего несколько лет назад.

— Вероятно, ваша сестра просила об этом?

— Нет, она никогда им не пользовалась. Мы всегда всё делали сами.

— Действительно, здесь этот звонок — лишняя роскошь. Вы меня извините, если я задержу вас на несколько минут: мне хочется хорошенько осмотреть пол.

С лупой в руках он ползал на четвереньках взад и вперёд по полу, пристально исследуя каждую трещину в половицах. Также тщательно

Кадр из кинофильма
«Пёстрая лента».
Режиссёр И. Масленников. 1979 г.

он осмотрел и панели на стенах. Потом подошёл к кровати, внимательно оглядел её и всю стену снизу доверху. Потом взял шнур от звонка и дёрнул его.

— Да ведь звонок поддельный! — сказал он.

— Он не звонит?

— Он даже не соединён с проволокой. Любопытно! Видите, он привязан к крючку как раз над тем маленьким отверстием для вентилятора.

— Как странно! Я и не заметила этого.

— Очень странно... — бормотал Холмс, дёргая шнур. — В этой комнате многое обращает на себя внимание. Например, каким нужно быть безумным строителем, чтобы вывести вентилятор в соседнюю комнату, когда его с такой же лёгкостью можно было вывести наружу!

— Всё это сделано тоже очень недавно, — сказала Элен.

— Примерно в одно время со звонком, — заметил Холмс.

— Да, как раз в то время здесь произвели кое-какие переделки.

— Интересные переделки: звонки, которые не звонят, и вентиляторы, которые не вентилируют. С вашего позволения, мисс Стоунер, мы перенесём наши исследования в другие комнаты.

Комната доктора Гримеби Ройлотта была больше, чем комната его падчерицы, но обставлена так же просто. Походная кровать, небольшая деревянная полка, уставленная книгами, преимущественно техническими, кресло рядом с кроватью, простой плетёный стул у стены, круглый стол и большой железный несгораемый шкаф — вот и всё, что бросалось в глаза при входе в комнату. Холмс медленно похаживал вокруг, с живейшим интересом исследуя каждую вещь.

— Что здесь? — спросил он, стукнув по несгораемому шкафу.

— Деловые бумаги моего отчима.

— Ого! Значит, вы заглядывали в этот шкаф?

— Только раз, несколько лет назад. Я помню, там была кипа бумаг.

— А нет ли в нём, например, кошки?

— Нет. Что за странная мысль!

— А вот посмотрите!

Он снял со шкафа маленькое блюдце с молоком.

— Нет, кошек мы не держим. Но зато у нас есть гепард и павиан.

— Ах, да! Гепард, конечно, всего только большая кошка, но сомневаюсь, что такое маленькое блюдце молока может насытить этого зверя. Да, в этом надо разобраться.

Он присел на корточки перед стулом и принялся с глубоким вниманием изучать сиденье.

— Благодарю вас, всё ясно, — сказал он, поднимаясь и кладя лупу в карман. — Ага, вот ещё кое-что весьма интересное!

Внимание его привлекла небольшая собачья плеть, висевшая в углу кровати. Конец её был завязан петлёй.

— Что вы об этом думаете, Уотсон?

— По-моему, самая обыкновенная плеть. Не понимаю, для чего понадобилось завязывать на ней петлю.

— Не такая уж обыкновенная... Ах, сколько зла на свете, и хуже всего, когда злые дела совершает умный человек!.. Ну, с меня достаточно, мисс, я узнал всё, что мне нужно, а теперь с вашего разрешения мы пройдемся по лужайке.

Я никогда не видел Холмса таким угрюмым и насупленным. Некоторое время мы расхаживали взад и вперед в глубоком молчании, и ни я, ни мисс Стоунер не прерывали течения его мыслей, пока он сам не очнулся от задумчивости.

— Очень важно, мисс Стоунер, чтобы вы в точности следовали моим советам, — сказал он.

— Я исполню всё беспрекословно.

— Обстоятельства слишком серьёзны, и колебаться нельзя. От вашего полного повиновения зависит ваша жизнь.

— Я целиком полагаюсь на вас.

— Во-первых, мы оба — мой друг и я — должны провести ночь в вашей комнате.

Мисс Стоунер и я взглянули на него с изумлением.

— Это необходимо. Я вам объясню. Что это там, в той стороне? Вероятно, деревенская гостиница?

— Да, там «Корона».

— Очень хорошо. Оттуда видны ваши окна?

— Конечно.

— Когда ваш отчим вернется, скажите, что у вас болит голова, уйдите в свою комнату и запирайтесь на ключ. Услышав, что он пошел спать, вы снимете засов, откроете ставни вашего окна и поставите на подоконник лампу; эта лампа будет для нас сигналом. Тогда, захватив с собой всё, что пожелаете, вы перейдете в свою бывшую комнату. Я убежден, что, несмотря на ремонт, вы можете один раз переночевать в ней.

— Безусловно.

— Остальное предоставьте нам.

— Но что же вы собираетесь сделать?

— Мы проведем ночь в вашей комнате и выясним причину шума, напугавшего вас.

— Мне кажется, мистер Холмс, что вы уже пришли к какому-то выводу, — сказала мисс Стоунер, дотрагиваясь до рукава моего друга.

— Быть может, да.

— Тогда, ради всего святого, скажите хотя бы, отчего умерла моя сестра?

— Прежде чем ответить, я хотел бы собрать более точные улики.

— Тогда скажите по крайней мере, верно ли моё предположение, что она умерла от внезапного испуга?

— Нет, неверно: я полагаю, что причина её смерти была более вещественна... А теперь, мисс Стоунер, мы должны покинуть вас, потому что, если мистер Ройлотт вернётся и застанет нас, вся поездка окажется совершенно напрасной. До свидания! Будьте мужественны, сделайте всё, что я сказал, и не сомневайтесь, что мы быстро устраним грозящую вам опасность.

Мы с Шерлоком Холмсом без всяких затруднений сняли номер в гостинице «Корона». (...) Мы сидели в потёмках, не зажигая огня.

— Право, не знаю, — сказал Холмс, — брать ли вас сегодня ночью с собой! Дело-то очень опасное.

— А я могу быть полезен вам?

— Ваша помощь может оказаться неоценимой.

— Тогда я непременно пойду.

— Спасибо.

— Вы говорите об опасности. Очевидно, вы видели в этих комнатах что-то такое, чего не видел я.

— Нет, я видел то же, что и вы, но сделал другие выводы.

— Я не заметил в комнате ничего примечательного, кроме шнура от звонка, но, признаюсь, не способен понять, для какой цели он может служить.

— А на вентилятор вы обратили внимание?

— Да, но мне кажется, что в этом маленьком отверстии между двумя комнатами нет ничего необычного. Оно так мало, что даже мышь едва ли может пролезть сквозь него.

— Я знал об этом вентиляторе прежде, чем мы приехали в Сток-Морон.

— Дорогой мой Холмс!

— Да, знал. Помните, мисс Стоунер сказала, что её сестра чувствовала запах сигар, которые курит доктор Ройлотт? А это доказывает, что между двумя комнатами есть отверстие, и, конечно, оно очень мало, иначе его заметил бы следователь при осмотре комнаты. Я решил, что тут должен быть вентилятор.

— Но какую опасность может таить в себе вентилятор?

— А посмотрите, какое странное совпадение: над кроватью устраивают вентилятор, вешают шнур, и леди, спящая на кровати, умирает. Разве это не поражает вас?

— Я до сих пор не могу связать эти обстоятельства.

— А в кровати вы не заметили ничего особенного?

— Нет.

— Она привинчена к полу. Вы когда-нибудь видели, чтобы кровати привинчивали к полу?

— Пожалуй, не видел.

— Леди не могла передвинуть свою кровать, её кровать всегда оставалась в одном и том же положении по отношению к вентилятору и шнуру. Этот звонок приходится называть просто шнуром, так как он не звонит.

— Холмс! — вскричал я. — Кажется, я начинаю понимать, на что вы намекаете. Значит, мы явились как раз вовремя, чтобы предотвратить ужасное и утончённое преступление.

— Да, утончённое и ужасное. Когда врач совершает преступление, он опаснее всех прочих преступников. У него крепкие нервы и большие знания. Палмер и Причард¹ были лучшими специалистами в своей области. Этот человек очень хитёр, но я надеюсь, Уотсон, что нам удастся перехитрить его. Сегодня ночью нам предстоит пережить немало страшного, и потому, прошу вас, давайте пока спокойно закурим трубки и проведём эти несколько часов, разговаривая о чём-нибудь более веселом.

Часов около девяти свет, видневшийся между деревьями, погас, и усадьба погрузилась во тьму. Так прошло часа два, и вдруг ровно в одиннадцать одинокий яркий огонёк засиял прямо против нашего окна.

— Это сигнал для нас, — сказал Холмс, вскакивая. — Свет горит в среднем окне. (...)

Попасть к дому было нетрудно, но в парке сыщиков напугал павиан. Они через окно забрались в комнату, в которой должна была спать Элен. Доктор Уотсон достал револьвер, а Холмс трость, и они стали ждать.

Внезапно у вентилятора мелькнул свет и сразу же исчез, но тотчас мы почувствовали сильный запах горелого масла и накалённого металла. Кто-то в соседней комнате зажёл потайной фонарь. Я услышал, как что-то двинулось, потом всё смолкло, и только запах стал ещё сильнее. С полчаса я сидел, напряжённо вглядываясь в темноту. Внезапно послышался какой-то новый звук, нежный и тихий, словно вырывалась из котла тонкая струйка пара. И в то же мгновение Холмс вскочил с кровати, чиркнул спичкой и яростно хлестнул своей тростью по шнуру.

— Вы видите её, Уотсон? — проревел он. — Видите?

¹ *Палмер Уильям* — английский врач, отравивший стрихнином своего приятеля; *Причард Эдуард Уильям* — английский врач, отравивший свою жену.

Но я ничего не видел. Пока Холмс чиркал спичкой, я слышал тихий отчётливый свист, но внезапный яркий свет так ослепил мои утомлённые глаза, что я не мог ничего разглядеть и не понял, почему Холмс так яростно хлещет тростью. Однако я успел заметить выражение ужаса и отвращения на его мертвенно-бледном лице.

Холмс перестал хлестать и начал пристально разглядывать вентилятор, как вдруг тишину ночи прорезал такой ужасный крик, какого я не слышал никогда в жизни. Этот хриплый крик, в котором смешались страдание, страх и ярость, становился всё громче и громче. Рассказывали потом, что не только в деревне, но даже в отдалённом домике священника крик этот разбудил всех спящих. Похолодевшие от ужаса, мы глядели друг на друга, пока последний вопль не замер в тишине.

— Что это значит? — спросил я, задыхаясь.

— Это значит, что всё кончено, — ответил Холмс. — И в сущности, это к лучшему. Возьмите револьвер, и пойдём в комнату доктора Ройлотта. (...)

Необычайное зрелище представилось нашим взорам. (...) У стола на соломенном стуле сидел доктор Гримеби Ройлотт в длинном сером халате, из-под которого виднелись голые лодыжки. Ноги его были в красных турецких туфлях без задников. На коленях лежала та самая плеть, которую мы ещё днём заметили в его комнате. Он сидел, задрав подбородок кверху, неподвижно устремив глаза в потолок; в глазах застыло выражение страха. Вокруг его головы туго обвилась какая-то необыкновенная, жёлтая с коричневыми крапинками лента. При нашем появлении доктор не шевельнулся и не издал ни звука.

— Лента! Пёстрая лента! — прошептал Холмс.

Я сделал шаг вперёд. В то же мгновение странный головной убор зашевелился, и из волос доктора Ройлотта поднялась гранёная головка и раздувшаяся шея ужасной змеи.

Кадр из кинофильма
«Пёстрая лента».

Режиссёр И. Масленников. 1979 г.

— Болотная гадюка! — вскричал Холмс. — Самая смертоносная индийская змея! Он умер через девять секунд после укуса. «Поднявший меч от меча и погибнет», и тот, кто роет другому яму, сам в неё попадёт. Посадим эту тварь в её логово, отправим мисс Стоунер в какое-нибудь спокойное место и дадим знать полиции о том, что случилось.

Он схватил плеть с колен мёртвого, накинул петлю на голову змеи, ста-

щил её с ужасного насеста, швырнул внутрь несгораемого шкафа и захлопнул дверцу.

Таковы истинные обстоятельства смерти доктора Гримеби Ройлотта из Сток-Морона. Не стану подробно рассказывать, как мы сообщили печальную новость испуганной девушке, как утренним поездом мы препроводили её на попечение тётки в Харроу и как туповатое полицейское следствие пришло к заключению, что доктор погиб от собственной неосторожности, забавляясь со своей любимицей — ядовитой змеёй. Остальное Шерлок Холмс рассказал мне, когда мы на следующий день ехали обратно.

— Вначале я пришёл к совершенно неправильным выводам, мой дорогой Уотсон, — сказал он, — и это доказывает, как опасно опираться на неточные данные. Присутствие цыган, восклицание несчастной девушки, пытавшейся объяснить, что она увидела, чиркнув спичкой, — всего этого было достаточно, чтобы навести меня на ложный след. Но когда мне стало ясно, что в комнату невозможно проникнуть ни через дверь, ни через окно, что не оттуда грозит опасность обитателю этой комнаты, я понял свою ошибку, и это может послужить мне оправданием. Я уже говорил вам, внимание моё сразу привлекли вентилятор и шнур от звонка, висящий над кроватью. Когда обнаружилось, что звонок фальшивый, а кровать прикреплена к полу, у меня зародилось подозрение, что шнур служит лишь мостом, соединяющим вентилятор с кроватью. Мне сразу же пришла мысль о змее, а зная, как доктор любит окружать себя всевозможными индийскими тварями, я понял, что, пожалуй, угадал. Только такому хитрому, жестокому злодею, прожившему много лет на Востоке, могло прийти в голову прибегнуть к яду, который нельзя обнаружить химическим путём. В пользу этого яда, с его точки зрения, говорило и то, что он действует мгновенно. Следователь должен был бы обладать поистине необыкновенно острым зрением, чтобы разглядеть два крошечных тёмных пятнышка, оставленных зубами змеи. Потом я вспомнил о свисте. Свистом доктор звал змею обратно, чтобы её не увидели на рассвете рядом с мёртвой. Вероятно, давая ей молоко, он приучил её возвращаться к нему. Змею он пропускал через вентилятор в самый глухой час ночи и знал наверняка, что она поползёт по шнуру и спустится на кровать. Рано или поздно девушка должна была стать жертвой ужасного замысла, змея ужалила бы её, если не сейчас, то через неделю. Я пришёл к этим выводам ещё до того, как посетил комнату доктора Ройлотта. Когда же я исследовал сиденье его стула, я понял, что у доктора была привычка становиться на стул, чтобы достать до вентилятора. А когда я увидел несгораемый шкаф, блюдце с молоком и плетё, мои последние сомнения окончательно рассеялись.

Металлический лязг, который слышала мисс Стоунер, был, очевидно, стуком дверцы несгораемого шкафа, куда доктор прятал змею. Вам известно, что я предпринял, убедившись в правильности своих выводов. Как только я услышал шипение змеи — вы, конечно, тоже слышали его, — я немедленно зажёл свет и начал стегать её тростью.

— Вы прогнали её назад в вентилятор...

— ...и тем самым заставил напасть на хозяина. Удары моей трости разозлили её, в ней проснулась змеиная злоба, и она напала на первого попавшегося ей человека. Таким образом, я косвенно виновен в смерти доктора Гримеби Ройлотта, но не могу сказать, чтобы эта вина тяжким бременем легла на мою совесть.

(Перевод М. и Н. Чуковских)

Вопросы и задания

1. От чьего лица ведётся повествование? Что мы узнаём о Шерлоке Холмсе?
2. Какие наблюдения и выводы детектива удивили посетительницу? Приведите примеры наблюдательности и профессионализма Шерлока Холмса.
3. Какую историю рассказала Элен Стоунер? Что насторожило девушку в гибели её сестры?
4. Прочитайте портрет доктора Ройлотта и описание его дома. Как они его характеризуют?
5. Как вы думаете, какие качества Шерлока Холмса помогли ему одержать победу над коварным и умным преступником? Подтвердите свои слова цитатами и примерами из текста.
6. Можно ли утверждать, что в образе Шерлока Холмса автор воплотил такие черты, как мужество, верность идеалам добра и чести, способность прийти на помощь в трудную минуту? В чём литературный герой близок автору?
7. Что общего и различного в образах Шерлока Холмса и доктора Уотсона? Составьте сложный план их сравнительной характеристики.
8. Подготовьте устный развёрнутый ответ на вопрос: что общего между рассказом и детективным рассказом и чем они отличаются?
9. Незадолго до смерти А. Конан Дойл нарисовал шарж¹ на самого себя под названием «Старая лошадь». На нём изображена искусанная слепнями² ломовая лошадь, которая изо всех сил тащит телегу с ящиками разных размеров. На каждом из них — надпись, отражающая ту или иную сторону жизни и деятельности писателя. Самый тяжёлый ящик — это «Шерлок Холмс». Как вы думаете, почему легендарный Шерлок Холмс стал для автора наиболее тяжёлым грузом? Согласны вы с такой оценкой образа А. Конан Дойлем или хотите с ним поспорить?

¹ Шарж — юмористическое или сатиристическое изображение с карикатурным подчёркиванием наиболее характерных черт.

² Слепень — насекомое отряда кровососущих.

10. Докажите, что произведение А. Конан Дойла «Пёстрая лента» является детективным рассказом. Запишите свои аргументы в тетради.
11. Как вы думаете, в чём причина популярности рассказов о Шерлоке Холмсе? Подготовьте устное сочинение-рассуждение на эту тему.
- 12. Подготовьте устный отзыв о самостоятельно просмотренном кинофильме по мотивам рассказов о Шерлоке Холмсе.

Теория литературы

Понятие о детективном рассказе

Детектив (от англ. *detective* — сыщик) — художественное произведение (роман, повесть, новелла, пьеса) с особым типом конфликта и сюжета, в основе которого — расследование загадочного преступления. Столкновение между сыщиком и преступником происходит как борьба добра со злом. Для детектива характерна такая композиция, при которой все сюжетные линии, даже мало связанные в начале произведения, должны сойтись в финале в единой развязке. Увлечательности служат ошибочно подозреваемые или подозрительные персонажи, ложные улики, неверный ход расследования.

1. Что называется детективом?
2. В каких жанрах чаще всего создаются детективные произведения?
3. Что характерно для композиции детектива?
4. Какие черты сближают детективный рассказ и новеллу?

 Шерлока Холмса узнают во всех уголках мира так же легко, как Санта-Клауса или Микки-Мауса. Изображение знакомого ястребиного профиля можно встретить на чайниках, шахматах, тарелках. Этот персонаж встречается в настольных и компьютерных играх. У Шерлока есть приверженцы, чьё преклонение граничит с культом. По всему земному шару существуют общества поклонников Шерлока Холмса (к концу XX в. их было известно более 150), которые совершают паломничество на Бейкер-стрит, где находится музей гениального детектива. Его образ фигурирует в бесчисленных книгах, фильмах, телефильмах, мюзиклах, театральных постановках и даже в одном балете. Согласно «Книге рекордов Гиннеса», в XX в. знаменитый сыщик появился в 211 фильмах.

Музей Шерлока Холмса
в г. Лондоне (Англия).
Современная фотография

ДЖЕЙМС ОЛДРИДЖ (1918–2015)

Известный английский писатель Джеймс Олдридж родился в 1918 г. в небольшом австралийском городке Уайт-Хилл. Здесь прошло его, как он позже вспоминал, том-сойеровское детство. Он был так же свободен и беден, как герой Марка Твена. Ещё подростком Джеймс начал работать. Он много читал и, в отличие от Тома Сойера, хотел учиться. После окончания колледжа в г. Мельбурне Джеймс уехал в Англию, где окончил университет и стал работать журналистом. Эта профессия дала ему возможность побывать во многих странах — Финляндии, Норвегии, Греции, Египте, Ливии, Иране и др. В 1944 г. как военный корреспондент он впервые приехал в Россию и прожил в стране около года. Несколько раз за свою жизнь он побывал в Украине. Его поразили Киев и Севастополь, исторический Херсонес.

Джеймс Олдридж прожил 97 лет, полных интереснейших событий. Он написал много романов, повестей, рассказов, которые переведены на более чем сорок языков мира. Его творчеству присущи автобиографические черты: он пробовал пилотировать самолёты, был мастером подводного плавания, написал книгу о г. Каире, столице Египта. Объясняя свою заинтересованность этой страной, Дж. Олдридж писал: «Я глубоко восхищён арабской культурой. В ней есть достоинство и сила, романтичность и поэзия — всё, чтобы увлечься ею и как писателю, и просто человеку. Но ещё более привлекает меня характер той борьбы, которую ведёт этот народ за своё освобождение — не только от средневекового и феодального прошлого, но и от чёрного наследия долгой иностранной оккупации». Упоминая об оккупации, писатель обращается к многовековой истории Египта, ведь чужеземное господство над этой землёй начинается с античных времён.

В Каире Дж. Олдридж встретил красивую девушку Дину, впоследствии ставшую его женой. Вместе они прожили более шестидесяти лет.

В Египте происходят события рассказа «*Последний дюйм*», предлагаемого для изучения. Он был написан в 1957 г. на Черноморском побережье Кавказа и напечатан на русском языке в том же году, а через два года — на украинском. Произведение понравилось читателям и динамичным сюжетом, и лабиринтом сложных отношений отца с сыном.

ПОСЛЕДНИЙ ДЮЙМ

(В сокращении)

Бен, лётчик сорока трёх лет, вместе с десятилетним сыном летит в Акулю бухту, чтобы заработать немного денег за подводную съёмку акул. Мальчик испытывает острое одиночество, потому что «мать им не интересуется, а отец — посторонний человек, резкий и немногословный, не знающий, о чём с ним говорить в те редкие минуты, когда они бывали вместе».

(...) Мальчик опустил голову и тихонько заплакал. Бен пожалел, что взял с собой сына. У них в семье великодушные порывы всегда кончались неудачей: оба они были такие — сухая, плаксивая, провинциальная мать и резкий, вспыльчивый отец. Во время одного из редких приступов великодушия Бен как-то попробовал поучить мальчика управлять самолётом, и хотя сын оказался очень понятливым и довольно быстро усвоил основные правила, каждый окрик отца доводил его до слёз...

— Не плачь! — приказал ему теперь Бен. — Нечего тебе плакать! Подыми голову, слышишь, Дэви! Подыми сейчас же!

Но Дэви сидел опустив голову, а Бен всё больше и больше жалел, что взял его с собой, и уныло поглядывал на расстилавшееся под крылом самолёта бесплодное пустынное побережье Красного моря — непрерывную полосу в тысячу миль, отделявшую нежно размытые краски суши от блеклой зелени воды. Всё было недвижимо и мертво. Солнце выжигало здесь всякую жизнь, а весной на тысячах квадратных миль ветры вздымали на воздух массы песка и относили его на ту сторону Индийского океана, где он и оставался навеки на дне морском.

— Сядь прямо, — сказал он Дэви, — если хочешь научиться, как идти на посадку.

Бен знал, что тон у него резкий, и всегда удивлялся сам, почему он не умеет разговаривать с мальчиком. Дэви поднял голову. Он ухватился за доску управления и нагнулся вперёд. Бен убрал газ и, подождав, пока не сбавится скорость, с силой потянул рукоятку триммера, которая была очень неудобно расположена на этих маленьких английских самолётах — наверху слева, почти над головой. Внезапный толчок мотнул голову мальчика вниз, но он её сразу же поднял и стал глядеть поверх опустившегося носа машины на узкую полоску белого песка у залива, похожего на лепёшку, кинутую на этот пустынный берег. Отец вёл самолёт прямо туда.

— А почём ты знаешь, откуда дует ветер? — спросил мальчик.

— По волнам, по облачку, чутьём! — крикнул ему Бен.

Но он уже и сам не знал, чем руководствуется, когда управляет самолётом. Не думая, он знал с точностью до одного фута, где посадит

Кадр из кинофильма «Последний дюйм». Режиссёры Н. Курихин, Т. Вульфович. 1958 г.

машину. Ему приходилось быть точным: голая полоска песка не давала ни одной лишней пяди, и опуститься на неё мог только очень маленький самолёт. Отсюда до ближайшей туземной деревни было сто миль, и вокруг — мёртвая пустыня.

— Всё дело в том, чтобы правильно рассчитать, — сказал Бен. — Когда выравниваешь самолёт, надо, чтобы расстояние до земли было шесть дюймов. Не фут и не три, а ровно шесть дюй-

мов! Если взять выше, то стукнешься при посадке и повредишь самолёт. Слишком низко — попадёшь на кочку и перевернёшься. Всё дело в последнем дюйме.

Дэви кивнул. Он уже это знал. Он видел, как в Эль-Бабе, где они брали напрокат машину, однажды перевернулся такой «Остер». Ученик, который на нём летал, был убит.

— Видишь! — закричал отец. — Шесть дюймов. Когда он начинает снижаться, я беру ручку на себя. На себя. Вот! — сказал он, и самолёт коснулся земли мягко, как снежинка.

Последний дюйм! Бен сразу же выключил мотор и нажал на ножные тормоза — нос самолёта задрался кверху, и машина остановилась у самой воды — до неё оставалось шесть или семь футов.

Два лётчика воздушной линии, которые открыли эту бухту, называли её Акульей — не из-за формы, а из-за её населения. В ней постоянно водилось множество крупных акул, которые заплывали из Красного моря, гоняясь за косяками сельди и кефали, искавшими здесь убежища. Бен и прилетел-то сюда из-за акул, а теперь, когда попал в бухту, совсем забыл о мальчике и время от времени только давал ему распоряжения: помочь при разгрузке, закопать мешок с продуктами в мокрый песок, смачивать песок, поливая его морской водой, подавать инструменты и всякие мелочи, необходимые для акваланга и камер. (...)

Бен чувствовал, что сделал большую глупость, взявшись за такую работу. Он был хорошим лётчиком по неразведанным трассам, а не каким-то авантюристом, который рад гоняться за акулами с подводным киноаппаратом. И всё же ему повезло, что он получил хоть такую работу. Два служивших в Каире авиаинженера американской компании Восточных воздушных линий организовали поставку кинофирмам подводных кадров, снятых в Красном море. Обоих инженеров перевер-

ли в Париж, и они передали своё дело Бену. Лётчик в своё время помог им, когда они пришли проконсультироваться на счёт полётов в пустыне на маленьких самолётах. Уезжая, они оплатили услугой за услугу, сообщив о нём Телевизионной компании в Нью-Йорке; ему дали напрокат аппаратуру, и он нанял маленький «Остер» в египетской лётной школе.

(...) Бен аккуратно прикрыл аппаратуру влажным полотенцем и прилёг. Мельком взглянув на Дэви и удостоверившись, что он не болен и сидит в тени, Бен быстро заснул.

— А кто-нибудь знает, что мы здесь? — спросил Дэви вспотевшего во время сна отца, когда тот снова собирался опуститься под воду.

— Почему ты спрашиваешь?

— Не знаю. Просто так.

— Никто не знает, что мы здесь, — сказал Бен. — Мы получили от египтян разрешение лететь в Хургаду; они не знают, что мы залетели так далеко. И не должны знать. Ты это запомни.

— А нас могут найти?

Бен подумал, что мальчик боится, как бы их не изобличили в чём-нибудь недозволительном. Ребятишки всегда боятся, что их поймают с поличным.

— Нет, пограничники нас не найдут. С самолёта они вряд ли заметят нашу машину. А по суше никто сюда попасть не может, даже на «виллисе». — Он показал на море. — И оттуда никто не придёт, там рифы...

— Неужели никто-никто о нас не знает? — тревожно спросил мальчик.

— Я же говорю, что нет! — с раздражением ответил отец. Но вдруг понял, хотя и поздно, что Дэви беспокоит не возможность попасться, он просто боится остаться один.

— Ты не бойся, — проговорил Бен грубовато. — Ничего с тобой не случится.

— Поднимается ветер, — сказал Дэви как всегда тихо и слишком серьёзно.

— Знаю. Я пробуду под водой всего полчаса. Потом поднимусь, заряджу новую плёнку и опущусь ещё минут на десять. Найди, чем бы тебе покуда заняться. Напрасно ты не взял с собой удочки. «Надо было мне ему об этом напомнить», — подумал Бен, погружаясь в воду вместе с приманкой из конины. Приманку он положил на хорошо освещённую коралловую ветку, а камеру установил на выступе. Потом он крепко привязал телефонным проводом мясо к кораллу, чтобы акулам было труднее его отодрать. Покончив с этим, Бен отступил в небольшую

выемку, всего в десяти футах от приманки, чтобы обезопасить себя с тыла. Он знал, что ждать акулу придётся недолго. В серебристом пространстве, там, где кораллы сменялись песком, их было уже пятеро. Он был прав. Акулы пришли сразу же, учуяв запах крови. Бен замер, а когда выдыхал воздух, то прижимал клапан к кораллу за своей спиной, чтобы пузырьки воздуха лопались и не спугнули акул.

— Подходите! Поближе! — тихонько подзадоривал он рыб.

Но им и не требовалось приглашения.

Они кинулись прямо на кусок конины. Впереди шла знакомая пятнистая «кошка», а за ней две или три акулы той же породы, но поменьше. Они не плыли и даже не двигали плавниками, они неслись вперёд, как серые струящиеся ракеты. Приблизившись к мясу, акулы слегка свернули в сторону, на ходу отрывая куски.

Он заснял на плёнку всё: приближение акул к цели; какую-то деревянную манеру разевать пасть, словно у них болели зубы; жадный, пакостный укус — самое отвратительное зрелище, какое он видел в жизни.

— Ах вы гады! — сказал он, не разжимая губ.

Как и всякий подводник, он их ненавидел и очень боялся, но не мог ими не любоваться.

Они пришли снова, хотя плёнка была уже почти вся отснята. Значит, ему придётся подняться на сушу, перезарядить кинокамеру и поскорее вернуться назад. Бен взглянул на камеру и убедился, что плёнка кончилась. Подняв глаза, он увидел, что враждебно настроенная акула-кошка плывёт прямо на него.

— Пошла! Пошла! Пошла! — заорал Бен в трубку.

«Кошка» на ходу слегка повернулась на бок, и Бен понял, что сейчас она бросится в атаку. Только в это мгновение он заметил, что руки и грудь у него измазаны кровью от куска конины. Бен проклял свою глупость. Но ни времени, ни смысла упрекать себя уже не было, и он стал отбиваться от акулы киноаппаратом.

У «кошки» был выигрыш во времени, и камера её едва задела. Боковые резцы с размаху схватили правую руку Бена, чуть было не задели грудь и прошли сквозь другую его руку, как бритва. От страха и боли он стал размахивать руками; кровь его сразу же замутила воду, но он уже ничего не видел и только чувствовал, что акула сейчас нападёт снова. Отбиваясь ногами и пятясь назад, Бен почувствовал, как его резануло по ногам: делая судорожные движения, он запутался в ветвистых коралловых зарослях. Бен держал дыхательную трубку правой рукой, боясь её выронить. И в тот миг, когда он увидел, что на него кинулась одна из акул помельче, он ударил её ногами и перекувырнулся назад.

Бен стукнулся спиной о надводный край рифа, кое-как выкатился из воды и, обливаясь кровью, рухнул на песок. Когда Бен пришёл в себя, он сразу вспомнил, что с ним случилось, хотя и не понимал, долго ли был без сознания и что произошло потом, — всё теперь, казалось, было уже не в его власти.

— Дэви! — закричал он.

Откуда-то сверху послышался приглушённый голос сына, но глаза Бена застилала мгла — он знал, что шок ещё не прошёл. Но вот он увидел ребёнка, его полное ужаса, склонённое над ним лицо и понял, что был без сознания всего несколько мгновений. Он едва мог шевельнуться.

— Что мне делать? — кричал Дэви. — Видишь, что с тобой случилось!

Бен закрыл глаза, чтобы собраться с мыслями. Он знал, что не сможет больше вести самолёт; руки горели, как в огне, и были тяжёлые, как свинец, ноги не двигались, и всё плыло, как в тумане.

— Дэви, — еле выговорил Бен, не открывая глаз. — Что у меня с ногами?

— У тебя руки... — услышал он невнятный голос Дэви, — руки все изрезаны, просто ужас!

— Знаю, — зло сказал Бен, не разжимая зубов. — А что у меня с ногами?

— Все в крови, изрезаны тоже...

— Сильно?

— Да, но не так, как руки. Что мне делать?

Тогда Бен поглядел на руки и увидел, что правая почти оторвана совсем; он увидел мускулы, сухожилия, крови почти не было. Левая была похожа на кусок жёваного мяса и сильно кровоточила; он согнул её, подтянул кисть к плечу, чтобы остановить кровь, и застонал от боли.

Он знал, что дела его совсем плохи.

Но тут же понял, что надо что-то сделать: если он умрёт, мальчик останется один, а об этом страшно даже подумать. Это ещё хуже, чем его собственное состояние. Мальчика не найдут вовремя в этом выжженном начисто краю, если его вообще найдут.

— Дэви, — сказал он настойчиво, с трудом пытаясь сосредоточиться, — послушай... Возьми мою рубашку, разорви её и перевяжи мне правую руку. Слышишь?

— Да.

— Крепко перевяжи мне левую руку над ранами, чтобы остановить кровь. Потом как-нибудь привяжи кисть к плечу. Так крепко, как сможешь. Понял? Перевяжи мне обе руки.

— Понял.

— Перевяжи крепко-накрепко. Сначала правую руку и закрой рану. Понял? Ты понял...

Бен не слышал ответа, потому что снова потерял сознание; на этот раз беспомощность продолжалась дольше, и он пришёл в себя, когда мальчик возился с его левой рукой; напряжённое, бледное лицо сына было искажено ужасом, но он с мужеством отчаяния старался выполнить свою задачу.

— Это ты, Дэви? — спросил Бен и услышал сам, как неразборчиво произносит слова. — Послушай, мальчик, — продолжал он с усилием. — Я тебе должен сказать, всё сразу, на случай, если опять потеряю сознание. Перебинтуй мне руки, чтобы я не потерял слишком много крови. Приведи в порядок ноги и стащи с меня акваланг. Он меня душит.

— Я старался его стащить, — сказал Дэви упавшим голосом. — Да не могу, не знаю как.

— Надо стащить, ясно? — прикрикнул Бен как обычно, но тут же понял, что единственная надежда спастись и мальчику и ему — это заставить Дэви самостоятельно думать, уверенно делать то, что он должен сделать. Надо как-то внушить это мальчику.

— Я тебе скажу, сынок, а ты постарайся понять. Слышишь? — Бен едва слышал себя сам и на секунду даже забыл о боли. — Тебе, бедняга, придётся всё делать самому, так уж получилось. Не расстраивайся, если я на тебя закричу. Тут уж не до обид. Не надо обращать на это внимание, понял?

— Да. — Дэви перевязывал левую руку и не слушал его.

— Молодчина! — Бену хотелось подбодрить ребёнка, но ему это не слишком-то удалось. Он ещё не знал, как найти подход к мальчику, но понимал, что это необходимо. Десятилетнему ребёнку предстояло выполнить дело нечеловеческой трудности. Если он хочет выжить. Но всё должно идти по порядку...

— Достань у меня из-за пояса нож, — сказал Бен, — и перережь все ремешки акваланга. — Сам он не успел пустить в ход нож. — Пользуйся тонкой пилкой, так будет быстрее. Не порежься.

— Хорошо, — сказал Дэви, вставая. Он поглядел на свои вымазанные в крови руки и позеленел. — Если ты сможешь хоть немножко поднять голову, я стащу один из ремней, я его расстегнул.

— Ладно. Постараюсь.

Бен приподнял голову и удивился, как трудно ему даже шевельнуться. Попытка двинуть шеей снова довела его до обморока; на этот раз он провалился в чёрную бездну мучительной боли, которая, казалось, никогда не кончится. Он медленно пришёл в себя и почувствовал какое-то облегчение.

— Это ты, Дэви?.. — спросил он откуда-то издаleка.

— Я снял с тебя акваланг, — услышал он дрожащий голос мальчика. — Но у тебя по ногам всё ещё течёт кровь.

— Не обращай внимания на ноги, — сказал Бен, открывая глаза. Он приподнялся, чтобы взглянуть, в каком он виде, но побоялся снова потерять сознание. Он знал, что не сможет сесть, а тем более встать на ноги, и теперь, когда мальчик перевязал ему руки, верхняя часть туловища тоже была скована. Худшее было впереди, и ему надо было всё обдумать.

Единственной надеждой спасти мальчика был самолёт, и Дэви придётся его вести. Не было ни другой надежды, ни другого выхода. Но прежде надо обо всём как следует поразмыслить. Мальчика нельзя пугать. Если Дэви сказать, что ему придётся вести самолет, он придёт в ужас. Надо хорошенько подумать, как сказать об этом мальчику, как внушить ему эту мысль и убедить всё выполнить, пусть даже безотчётно. Надо было ошущью найти дорогу к обътому страхом, незрелому сознанию ребёнка. Он пристально посмотрел на сына и вспомнил, что уже давно как следует на него не глядел. «Он, кажется, парень развитой», — подумал Бен, удивляясь странному ходу своих мыслей. Этот мальчик с серьёзным лицом был чем-то похож на него самого: за детскими чертами скрывался, быть может, жёсткий и даже необузданный характер. Но бледное, немного скуластое лицо выглядело сейчас несчастным, а когда Дэви заметил пристальный взгляд отца, он отвернулся и заплакал.

— Ничего, малыш, — произнёс Бен с трудом. — Теперь уже ничего!

— Ты умрёшь? — спросил Дэви.

— Разве я уж так плох? — спросил Бен, не подумав.

— Да, — ответил Дэви сквозь слёзы.

Бен понял, что сделал ошибку, нужно говорить с мальчиком, обдумывая каждое слово.

— Я шучу, — сказал он. — Это ничего, что из меня хлещет кровь. Твой старик не раз бывал в таких переделках. Ты разве не помнишь, как я попал тогда в больницу в Саскатуне?

Дэви кивнул.

— Помню, но тогда ты был в больнице...

— Конечно, конечно. Верно. — Он упорно думал о своём, силясь не потерять снова сознание. — Знаешь, что мы с тобой сделаем? Возьми большое полотенце и расстели его возле меня, я перевалюсь на него, и мы кое-как доберёмся до самолёта. Идёт?

— Я не смогу втащить тебя в машину, — сказал мальчик. В голосе его звучало уныние.

Кадр из кинофильма «Последний дюйм». Режиссёры Н. Курихин, Т. Вульфович. 1958 г.

— Эх! — сказал Бен, стараясь говорить как можно мягче, хотя это было для него пыткой. — Никогда не знаешь, на что ты способен, пока не попробуешь. Тебе, наверно, пить хочется, а воды-то и нет, а?

— Нет, я не хочу пить...

Дэви пошёл за полотенцем, а Бен сказал ему всё тем же тоном:

— В следующий раз мы захватим дюжину кока-колы. И лёд.

Дэви расстелил возле него полотенце; Бен дернулся на бок, ему показалось, что у него разорвались на части руки, и грудь, и ноги, но ему удалось лечь на полотенце спиной, упёршись пятками в песок, и сознания он не потерял.

— Теперь тащи меня к самолёту, — едва слышно проговорил Бен. — Ты тяни, а я буду отталкиваться пятками. На толчки не обращай внимания, главное — поскорее добраться!

— Как же ты поведёшь самолёт? — спросил его сверху Дэви.

Бен закрыл глаза: он хотел представить себе, что переживает сейчас сын. «Мальчик не должен знать, что машину придётся вести ему, — он перепугается насмерть».

— Этот маленький «Остер» летает сам, — сказал он. — Стоит только положить его на курс, а это нетрудно.

— Но ты же не можешь двинуть рукой. Да и глаз совсем не открываешь.

— А ты об этом не думай. Я могу лететь вслепую, а управлять колёнами. Давай двигаться. Ну, тащи.

Он поглядел на небо и заметил, что становится поздно и поднимается ветер; это поможет самолёту взлететь, если, конечно, они сумеют вырулить против ветра. Но ветер будет встречный до самого Каира, а горючего в обрез. Он надеялся, надеялся всей душой, что не задует хамсин, слепящий песчаный ветер пустыни. Ему следовало быть предусмотрительнее — заpastись долговременным прогнозом погоды. Вот что выходит, когда становишься воздушным извозчиком. Либо ты слишком осторожен, либо действуешь без оглядки. На этот раз — что случилось с ним не часто — он был неосторожен с самого начала и до конца.

Долго взбирались они по склону; Дэви тащил, а Бен отталкивался пятками, поминутно теряя сознание и медленно приходя в себя. Два раза он срывался вниз, но наконец они добрались до самолёта; ему да-

же удалось сесть, прислонившись к хвостовой части машины, и оглядеться. Но сидеть было сущим адом, а обмороки всё учащались. Всё его тело, казалось теперь, раздирали на дыбе.

— Как дела? — спросил он мальчика. Тот задыхался, изнемогая от напряжения. — Ты, видно, совсем измучился.

— Нет! — крикнул Дэви с яростью. — Я не устал.

Тон его удивил Бена: он никогда не слышал в голосе мальчика ни протеста, ни тем более ярости. Оказывается, лицо сына могло скрывать эти чувства. Неужели можно годами жить с сыном и не разглядеть его лица? Но сейчас он не мог позволить себе раздумывать об этом. Сейчас он был в полном сознании, но от приступов боли захватывало дух. Шок проходил. Правда, он совсем ослабел. Он чувствовал, как из левой руки сочится кровь, но не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой, ни даже пальцем (если у него еще остались пальцы). Дэви самому придётся поднять самолёт в воздух, вести его и посадить на землю.

— Теперь, — сказал он, с трудом ворочая пересохшим языком, — надо навалить камней у дверцы самолёта. — Передохнув, он продолжал: — Если навалить их повыше, ты как-нибудь сумеешь втащить меня в кабину. Возьми камни из-под колёс.

Дэви сразу принялся за дело, он стал складывать обломки кораллов у левой дверцы — со стороны сиденья пилота.

— Не у этой дверцы, — осторожно сказал Бен. — У другой. Если я полезу с этой стороны, мне помешает рулевое управление.

Мальчик кинул на него подозрительный взгляд и с ожесточением снова принялся за работу. Когда он пытался поднять слишком тяжёлую глыбу, Бен говорил ему, чтобы он не перенапрягался.

— В жизни можно сделать всё что угодно, Дэви, — произнёс он слабым голосом, — если только не надорвёшься. Не надрывайся...

Он не помнил, чтобы давал раньше сыну такие советы.

— Но ведь скоро стемнеет, — сказал Дэви, кончив складывать камни.

— Стемнеет? — открыл глаза Бен. Было непонятно, то ли он задремал, то ли опять потерял сознание. — Это не сумерки. Это дует хамсин.

— Мы не можем лететь, — сказал мальчик. — Ты не сможешь вести самолёт. Лучше и не пытаться.

— Ах! — сказал Бен с той нарочитой мягкостью, от которой ему становилось ещё грустнее. — Ветер сам отнесёт нас домой.

Ветер мог отнести их куда угодно, только не домой, а если он задует слишком сильно, они не увидят под собой ни посадочных знаков, ни аэродромов — ничего.

— Давай, — снова сказал он мальчику, и тот опять принялся тащить его, а Бен стал отталкиваться, пока не очутился на самодельной

ступеньке из коралловой глыбы у дверцы. Теперь оставалось самое трудное, но отдыхать времени не было.

— Обвяжи мне грудь полотенцем, лезь в самолёт и тащи, а я буду отталкиваться ногами.

Эх, если бы он мог двигать ногами! Верно, что-нибудь случилось с позвоночником; он уже почти не сомневался, что в конце концов всё-таки умрёт. Важно было протянуть до Каира и показать мальчику, как посадить самолёт. Этого будет достаточно. На это он ставил единственную свою ставку, это был самый дальний его прицел.

И эта надежда помогла ему забраться в самолёт; он вполз в машину, согнувшись пополам, теряя сознание. Потом он попытался сказать мальчику, что надо делать, но не смог произнести ни слова. Мальчика охватил страх. Повернув к нему голову, Бен это почувствовал и сделал ещё одно усилие.

— Ты не видел, я вытащил из воды киноаппарат? Или оставил его в море?

— Он внизу, у самой воды.

— Ступай принеси его. И маленькую сумку с плёнкой. — Тут он вспомнил, что спрятал заснятую плёнку в самолёт, чтобы уберечь её от солнца. — Плёнки не надо. Возьми только аппарат.

Просьба звучала буднично и должна была успокоить перепуганного мальчика; Бен почувствовал, как накренился самолёт, когда Дэви, прыгнув на землю, побежал за аппаратом. Он снова подождал, на этот раз уже дольше, чтобы к нему полностью вернулось сознание. Надо было вникнуть в психологию этого бледного, молчаливого, настороженного и слишком послушного мальчика. Ах, если бы он знал его лучше!..

— Застегни покрепче ремни, — сказал он. — Будешь мне помогать. Запоминай. Запоминай всё, что я скажу. Запри свою дверцу... «Снова обморок», — подумалось Бену. Он погрузился на несколько минут в приятный, лёгкий сон, но старался удержать последнюю нить сознания. Он цеплялся за неё: ведь в ней одной было спасение сына. Бен не помнил, когда он плакал, но теперь вдруг почувствовал на глазах беспричинные слёзы. Нет, он не намерен сдаваться. Ни за что!..

— Расклеился твой старик, а? — сказал Бен и даже почувствовал лёгкое удовольствие от такой откровенности. Дело шло на лад. Он нащупывал путь к сердцу мальчика. — Теперь слушай...

Он снова ушёл далеко, далеко, а потом вернулся.

— Придется тебе взяться за дело самому, Дэви. Ничего не поделаешь. Слушай. Колёса свободны?

— Да, я убрал все камни.

Дэви сидел, стиснув зубы.

— Что это нас потряхивает?

— Ветер.

О ветре он совсем забыл.

— Вот что надо сделать, Дэви, — сказал он медленно. — Передвинь рычаг газа на дюйм, не больше. Сразу. Сейчас. Поставь всю ступню на педаль. Хорошо. Молодец! Теперь поверни чёрный выключатель около меня. Отлично. Теперь нажми вон ту кнопку, а когда мотор заработает, подвинь рычаг газа еще немного. Стой! Поставь ногу на левую педаль. Когда мотор заработает, дай полный газ и развернись против ветра. Слышишь?

— Это я могу, — сказал мальчик, и Бену показалось, что он услышал в голосе сына резкую нотку нетерпения, чем-то напоминавшую его собственный голос. — Здорово дует ветер, — добавил мальчик. — Слишком сильно, мне это не нравится.

— Когда будешь выруливать против ветра, отдай вперёд ручку. Начинай! Запускай мотор.

Он почувствовал, что Дэви перегнулся через него и включил стартер, и услышал, как чихнул мотор. Только бы он не слишком резко передвинул ручку, пока мотор не заработает! «Сделал! Ей-богу, сделал!» — подумал Бен, когда мотор заработал. Он кивнул, и от напряжения ему сразу же стало плохо. Бен понял, что мальчик даёт газ и пытается развернуть самолёт. А потом его всего словно поглотил какой-то мучительный шум; он почувствовал толчки, попробовал поднять руки, но не смог и пришёл в себя от слишком сильного рёва мотора.

— Сбавь газ! — закричал он как можно громче.

— Ладно! Но ветер не даёт мне развернуться.

— Мы встали против ветра? Ты повернул против ветра?

— Да, но ветер нас опрокинет.

Он чувствовал, как самолёт раскачивается во все стороны, попытался выглянуть, но поле его зрения было так мало, что ему приходилось целиком полагаться на мальчика.

— Отпусти тормоз, — сказал Бен. Об этом он забыл.

— Готово! — откликнулся Дэви. — Я его отпустил.

— Ну да, отпустил! Разве я не вижу? Старый дурак... — выругал себя Бен.

Тут он вспомнил, что из-за шума мотора его не слышно и надо кричать.

— Слушай дальше! Это совсем просто. Тяни ручку на себя и держи её посередине. Если машина будет подсакивать, ничего. Понял? Замедли ход. И держи прямо. Держи её против ветра, не бери ручку на себя, пока я не скажу. Действуй. Не бойся ветра...

Он слышал, как усиливался рёв мотора по мере того, как Дэви давал газ, чувствовал толчки и покачивание машины, прокладывавшей себе дорогу в песке. Потом она стала скользить, подхваченная ветром, но Бен подождал, пока толчки не стали слабее, и снова потерял сознание.

— Не смей! — услышал он издали. Он пришёл в себя — они только что оторвались от земли. Мальчик послушно держал ручку и не дергал её к себе; они с трудом перевалили через дюны, и Бен понял, что от мальчика потребовалось немало мужества, чтобы от страха не рвануть ручку. Резкий порыв ветра уверенно подхватил самолёт, но затем он провалился в яму, и Бену стало мучительно плохо.

— Поднимись на три тысячи футов, там будет спокойнее! — крикнул он. Ему следовало растолковать сыну всё до старта: ведь теперь Дэви будет трудно его услышать. Еще одна глупость! Нельзя терять рассудок и непрерывно делать глупости! — Три тысячи футов! — крикнул он. — Три.

— Куда лететь? — спросил Дэви.

— Сперва поднимись повыше. Выше! — кричал Бен, боясь, что болтанка снова напугает мальчика. По звуку мотора можно было догадаться, что он работает с перегрузкой и что нос самолёта слегка задран; но ветер их поддержит, и этого хватит на несколько минут; глядя на спидометр и пытаясь на нём сосредоточиться, он снова погрузился в темноту, полную боли. Его привели в себя перебои мотора. Было тихо, ветра больше не было, он остался где-то внизу, но Бен слышал, как тяжело дышит и вот-вот сдаст мотор.

— Что-то случилось! — кричал Дэви. — Слушай, очнись! Что случилось?

— Подними рычаг смеси.

Дэви не понял, что нужно сделать, а Бен не сумел ему этого вовремя показать. Он неуклюже повернул голову, поддел щекой и подбородком рукоятку и приподнял её на дюйм. Он услышал, как мотор чихнул, дал выхлоп и снова заработал.

— Куда лететь? — снова спросил Дэви. — Почему ты мне не говоришь, куда лететь?!

При таком неверном ветре не могло быть прямого курса, несмотря на то, что тут, наверху, было относительно спокойно. Оставалось держаться берега до самого Суэца.

— Иди вдоль берега. Держись от него справа. Ты его видишь?

— Вижу. А это верный путь?

— По компасу курс должен быть около трёхсот двадцати! — крикнул он; казалось, голос его был слишком слаб, чтобы Дэви мог услышать, но он услышал. «Хороший парень! — подумал Бен. — Он все слышит».

— По компасу триста сорок! — закричал Дэви.

Компас находился наверху, и шкалу его было видно только с сиденья пилота.

— Вот и хорошо! Хорошо! Правильно! Теперь иди вдоль берега и держись его всё время. Только, бога ради, ничего больше не делай, — сказал Бен; он слышал, что уже не говорит, а только неясно бормочет. — Пусть машина сама делает своё дело. Всё будет в порядке, Дэви...

Итак, Дэви всё-таки запомнил, что нужно выровнять самолёт, держать нужные обороты мотора и скорость! Он это запомнил. Славный парень! Он долетит. Он справится! Бен видел резко очерченный профиль Дэви, его бледное лицо с тёмными глазами, в которых ему так трудно было что-либо прочесть. Отец снова взгляделся в это лицо. «Никто даже не позаботился сводить его к зубному врачу», — сказал себе Бен, заметив слегка торчащие вперёд зубы Дэви, — тот болезненно оскалился, надрываясь от напряжения. «Но он справится», — устало и примирительно подумал Бен. Казалось, это был конец, итог всей его жизни. Бен провалился в пропасть, за край которой он ради мальчика так долго цеплялся. И пока он валился всё глубже и глубже, он успел подумать, что на этот раз ему повезёт, если он выберется оттуда вообще. Он падал слишком глубоко. Да и мальчику повезёт, если он вернётся назад. Но, теряя почву под ногами, теряя самого себя, Бен ещё успел подумать, что хамсин крепчает и надвигается мгла, а сажать самолет уже придётся не ему... Теряя сознание, он повернул голову к дверце.

Оставшись один на высоте в три тысячи футов, Дэви решил, что уже никогда больше не сможет плакать. У него на всю жизнь высохли слёзы. Только однажды за свои десять лет он похвастался, что отец его лётчик. Но он помнил всё, что отец рассказывал ему об этом самолёте, и догадывался о многом, чего отец не говорил. Здесь, на высоте, было тихо и светло. Море казалось совсем зелёным, а пустыня — грязной; ветер поднял над ней пелену пыли. Впереди горизонт уже не был таким прозрачным; пыль поднималась всё выше, но он всё ещё не терял из виду море. В картах Дэви разбирался. Это было несложно. Он знал, где лежит их карта, вытащил её из сумки на дверце и задумался о том, что он будет делать, когда подлетит к Суэцу. Но, в общем, он знал даже и это. От Суэца вела дорога в Каир, она шла на запад через пустыню. Лететь на запад будет легче. Дорогу нетрудно разглядеть, а Суэц он узнает потому, что там кончается море и

Кадр из кинофильма «Последний дюйм». Режиссёры Н. Курихин, Т. Вульфович. 1958 г.

начинается канал. Там надо повернуть влево. Он боялся отца. Правда, не сейчас. Сейчас он просто не мог на него смотреть: тот спал с открытым ртом, полуголый, весь залитый кровью. Он не хотел, чтобы отец умер; он не хотел, чтобы умерла мать, но ничего не поделаешь: это бывает. Люди всегда умирают. Ему не нравилось, что самолёт летит так высоко. От этого замирало сердце, да и самолёт шёл слишком медленно. Но Дэви боялся снизиться и снова попасть в ветер, когда дойдёт до посадки. Он не знал, как ему быть. Нет, ему не хотелось снижаться в такой ветер, не хотелось, чтобы самолёт опять болтало во все стороны! Самолёт не будет тогда его слушаться. Он не сможет вести его по прямой и выровнять у земли. Может быть, отец уже умер? Он оглянулся и увидел, что тот дышит порывисто и редко. Слёзы, которые, как думал Дэви, все уже высохли, снова наполнили его тёмные глаза, и он почувствовал, как они текут по щекам. Слизнув их языком, он стал следить за морем.

Бену казалось, что от толчков его тело пронзают и разрывают на части ледяные стрелы; во рту пересохло, он медленно приходил в себя. Взглянув вверх, он увидел пыль, а над ней тусклое небо.

— Дэви! Что случилось? Что ты делаешь? — закричал он сердито.

— Мы почти прилетели, — сказал Дэви. — Но ветер поднялся выше и уже темнеет.

Бен закрыл глаза, чтобы осознать, что же произошло, но так ничего и не понял: ему казалось, что он уже приходит в себя, указывал курс мальчику, а потом снова терял сознание. Пытка качкой продолжалась и усиливалась боль.

— Что ты видишь? — закричал он.

— Аэродромы и здания Каира. Вон большой аэродром, куда приходят пассажирские самолёты.

Качка и толчки оборвали слова мальчика; казалось, потоком воздуха их поднимает вверх на сотню футов, чтобы затем швырнуть вниз в мучительном падении на добрые две сотни; самолёт судорожно раскачивался из стороны в сторону.

— Не теряй из виду аэродром! — крикнул Бен сквозь приступ боли. — Следи за ним! Не спускай с него глаз. — Ему пришлось крикнуть это дважды, прежде чем мальчик расслышал; Бен тихонько твердил про себя: «Бога ради, Дэви, теперь ты должен слышать всё, что я говорю».

— Самолёт не хочет идти вниз, — сказал Дэви; глаза его расширились и, казалось, занимали теперь всё лицо.

— Выключи мотор.

— Выключал, но ничего не получается. Не могу опустить ручку.

— Потяни рукоятку триммера, — сказал Бен, подняв голову кверху, где была рукоятка. Он вспомнил и о щитках, но мальчику ни за что не

удастся их выпустить, придётся обойтись без них. Дэви пришлось привстать, чтобы дотянуться до рукоятки на колесе и сдвинуть её вперёд. Нос самолёта опустился, и машина перешла в пики.

— Выключи мотор! — крикнул Бен.

Дэви убрал газ, и ветер стал с силой подбрасывать планирующий самолёт вверх и вниз.

— Следи за аэродромом, делай над ним круг, — сказал Бен и стал собирать все силы для того последнего усилия, которое ему предстояло. Теперь ему надо сесть, выпрямиться и наблюдать через ветровое стекло за приближением земли. Наступала решающая минута. Поднять самолёт в воздух и вести его не так трудно, посадить же на землю — вот задача!

— Там большие самолёты, — кричал Дэви. — Один, кажется, стартует...

— Берегись, сверни в сторону! — крикнул Бен.

Это был довольно никчёмный совет, но зато дюйм за дюймом Бен приподнимался; ему помогало то, что нос самолёта был опущен. Привалившись к дрожащей дверце и упираясь в неё плечом и головой, он упорно, из последних сил, карабкался вверх. Наконец голова его очутилась так высоко, что он смог упереться ею в доску с приборами. Он приподнял насколько смог голову и увидел, как приближается земля.

— Молодец! — закричал он сыну. Бен дрожал и обливался потом, он чувствовал, что из всего его тела осталась в живых только голова. Рук и ног больше не было. — Левей! — кричал он. — Дай вперёд ручку! Нагни её влево! Гни больше влево! Гни ещё! Хорошо! Всё в порядке, Дэви. Ты справишься. Влево! Жми ручку вниз...

— Я врежусь в самолёт.

Бену был виден большой самолёт. До самолёта было не больше пяти сот футов, и они шли прямо на него. Уже почти стемнело. Пыль висела над землёй, словно жёлтое море, но большой четырёхмоторный самолёт оставлял за собой полосу чистого воздуха, — значит, моторы запущены на полную мощность. Если он стартовал, а не проверял моторы, всё будет в порядке. Нельзя садиться за лётной дорожкой: там грунт слишком неровный.

Бен закрыл глаза.

— Стартует...

Бен с усилием открыл глаза и кинул взгляд поверх носа машины, качавшейся вверх и вниз; до большого «ДК-4» оставалось всего двести футов, он преграждал им путь, но шёл с такой скоростью, что они должны были разминуться. Да, они разминутся. Бен чувствовал, что Дэви в ужасе потянул ручку на себя.

— Нельзя! — крикнул он. — Гни её вниз...

Нос самолёта задрался, и они потеряли скорость. Если потерять скорость на такой высоте, да ещё при этом ветре, их разнесёт в щепы.

— Ветер! — кричал мальчик; его личико застыло и превратилось в трагическую маску; Бен знал, что приближается последний дюйм и всё в руках у мальчика...

Оставалась минута до посадки.

— Шесть дюймов! — кричал он Дэви; язык его словно распух от напряжения боли, а из глаз текли горячие слёзы. — Шесть дюймов, Дэви!.. Стой! Ещё рано. Ещё рано... — плакал он.

На последнем дюйме, отделявшем их от земли, он всё-таки потерял самообладание; им завладел страх, им завладела смерть, и он не мог больше ни говорить, ни кричать, ни плакать; он привалился к доске; в глазах его был страх за себя, страх перед этим последним головокружительным падением на землю, когда чёрная взлётная дорожка надвигается на тебя в облаке пыли. Он силился крикнуть: «Пора! Пора! Пора!» — но страх был слишком велик; в последний, смертный миг, который снова вернул его в забытье, он ощутил, как слегка приподнялся нос самолёта, услышал громкий рёв ещё не заглохшего мотора, почувствовал, как, ударившись о землю колёсами, самолёт мягко подскочил в воздух, и настало томительное ожидание. Но вот хвост и колёса коснулись земли — это был последний дюйм. Ветер закружил самолёт, он забуксовал и описал на земле круг, а потом замер, и наступила тишина.

Ах, какая тишина и какой покой! Он слышал их, чувствовал всем своим существом; он вдруг понял, что выживет, — он так боялся умереть и совсем не хотел сдаваться.

В жизни не раз наступают решающие минуты и остаются решающие дюймы, а в истерзанном теле лётчика нашлись решающие всё дело кости и кровеносные сосуды, о которых люди и не подозревали. Когда кажется, что все уже кончено, они берут своё. Египетские врачи с удивлением обнаружили, что у Бена их неисчерпаемый запас, а способность восстанавливать разорванные ткани, казалось, была дана лётчику самой природой. Всё это потребовало времени, но что значило время для жизни, висевшей на волоске?.. Бен всё равно ничего не сознавал, кроме приливов и отливов боли и редких просветов сознания.

— Всё дело в адреналине, — раскатисто хохотал кудрявый врач-египтянин, — а вы его вырабатываете, как атомную энергию!

Казалось, всё было хорошо, но Бен всё-таки потерял левую руку. («Странно, — думал он, — я бы мог поклясться, что больше досталось правой руке».) Пришлось справиться и с параличом, который курчавый исцелитель упорно называл «небольшим нервным шоком». По-

трясение извратило Бена в неподвижный и очень хрупкий обломок — поправка не могла идти быстро. Но всё-таки дело шло на лад. Всё, кроме левой руки Бена, которая отправилась в мусоросжигалку, но и это было бы ничего, если бы вслед за ней не отправилась туда же и его профессия лётчика. Однако, помимо всего, был ещё мальчик.

— Он жив и здоров, — сказал врач. — Не получил даже шока. — Кудрявый египтянин отпускал весёлые шутки на прекрасном английском языке. — Он куда подвижней вас.

Значит, и с парнишкой всё в порядке. Даже самолёт уцелел. Всё обстояло как нельзя лучше, но решала дело встреча с мальчиком: тут либо всё начнётся, либо снова кончится. И, может быть, навсегда.

Когда привели Дэви, Бен увидел, что это был тот же самый ребёнок, с тем же самым лицом, которое он так недавно впервые разглядел. Но дело было совсем не в том, что разглядел Бен: важно было узнать, сумел ли мальчик что-нибудь увидеть в своём отце.

— Ну, как, Дэви? — робко сказал он сыну. — Здорово было, а?

Дэви кивнул. Бен знал: мальчуган вовсе не думает, что было здорово, но придёт время, и он поймёт. Когда-нибудь мальчик поймёт, как было здорово. К этому стоило приложить руки.

— Расклеился твой старик, правда? — спросил он.

Дэви кивнул. Лицо его было по-прежнему серьёзно. Бен улыбнулся. Да что уж греха таить, старик и в самом деле расклеился. Им обоим нужно время. Ему, Бену, теперь понадобится вся жизнь, вся жизнь, которую подарил ему мальчик. Но, глядя в эти тёмные глаза, на слегка выдающиеся вперёд зубы, на это лицо, столь необычное для американца, Бен решил, что игра стоит свеч. Этому стоит отдать время. Он уж доберётся до самого сердца мальчишки! Рано или поздно, но он до него доберётся. Последний дюйм, который разделяет всех и вся, нелегко преодолеть, если не быть мастером своего дела. Но быть мастером своего дела — обязанность лётчика, а ведь Бен был когда-то совсем неплохим лётчиком.

(Перевод Е. Гольшевой, Б. Изакова)

Комментарий

Одним из самых динамичных и захватывающих эпизодов в рассказе «**Последний дюйм**» является нападение акул на Бена. Джеймс Олдридж готовит читателя к пониманию происходящего, заранее описывая внешний вид и повадки акул. Он замечает, что в бухте водились «безвредные акулы-великаны и довольно крупная пятнистая акула-кошка». Именно она представляет главную опасность, ведь песчаных акул можно спугнуть

активными движениями, громким голосом, бульканьем пузырьков воздуха. А «кошка» внимательно наблюдает за человеком. «Такую криком не запугаешь», — делает вывод Бен.

Подобные описания в литературных текстах называются *анималистическими* (от латин. *animal* — животное). В них сочетаются научные и художественные черты. Писатель старается изобразить животное (птицу, рыбу, насекомое) точно с естественно-научной стороны и создать образную характеристику, придав ему качества и переживания, присущие людям. Например, Бен обращает внимание, что акулы имеют какую-то «деревянную манеру разевать пасть, словно у них болели зубы», что у них «жадный, пакостный укус» и т. д. С подобными описаниями вы встречались в 5 классе при изучении рассказа Э. Сетона-Томпсона «Лобо».

Вопросы и задания

1. О чём рассказ «Последний дюйм»? Где происходит его действие? Какие детали об этом свидетельствуют?
2. Сколько в рассказе действующих лиц? Как они относились друг к другу? Что думает мальчик о своих родителях?
3. Установите соответствие между именем персонажа и его характеристикой в произведении.

1 Дэви	А красивый человек
2 Бен	Б сухой плаксивый человек
3 Джоанна	В очень понятливый
	Г резкий, вспыльчивый

4. Что мы узнаём о Бене и Дэви во время их полёта в Акулю бухту? Какие детали показывают отношение Бена к сыну? Как ведёт себя Дэви? Подумайте, страшно ли ему было лететь с отцом в незнакомое место.
5. Что произошло с Беном во время подводной съёмки? Найдите в рассказе описание случившегося. Что помогло Бону выжить в этой ситуации? Как изменился способ общения отца с сыном после нападения акулы?
6. Как Дэви воспринял всё случившееся? Что помогло ему вести самолёт? Что бы сделали вы, оказавшись на его месте?

7. Найдите в рассказе описание эпизода, когда Дэви тащил отца к самолёту. Рассмотрите кадр из кинофильма (с. 138). Что помогает ощутить напряжённость ситуации?

8. Что в рассказе обозначено словосочетанием *последний дюйм*? Найдите в тексте все случаи употребления этого выражения. Объясните их смысл. Когда выражение употребляется в прямом значении, а когда в переносном? Почему рассказ называется «Последний дюйм»?

9. Посмотрите художественный фильм, снятый по рассказу «Последний дюйм» (режиссёры Н. Курихин, Т. Вульфович, СССР, 1958). Обсудите его в классе.

ФАНТАСТИКА И РОМАНТИКА

В 6 классе вы познакомились с понятием «научно-фантастическая литература» и помните, что основа фантастики — воображение. Воображение является также незаменимым и для романтики. В толковом словаре так объясняется значение слова *романтика*: то, что содержит идеи и чувства, эмоционально возвышающие человека; условия жизни, обстановка, содействующие эмоционально-возвышенному миро-ощущению. Как правило, это чувства в их наивысшем проявлении — обострённое понимание любви, чести, дружбы, верности, отваги. Это проверка силы человеческого характера в необычных условиях — экзотические страны, море, горы, космос и т. д. Это зов неизведанного, понять который мы можем с помощью стихотворения М. Цветаевой «Молитва морю»:

Солнце и звёзды в твоей глубине,
Солнце и звёзды вверху, на просторе.
Вечное море,
Дай мне и солнцу и звёздам отдаться вдвойне.
Сумрак ночей и улыбку зари
Дай отразить в успокоенном взоре.
Вечное море,
Детское горе моё усыпи, залечи, раствори.
Влей в это сердце живую струю,
Дай отдохнуть от терпения — в споре.
Вечное море,
В мощные воды твои свой беспомощный дух предаю!

В этом разделе представлены произведения писателей А. Грина и Айзека Азимова, которые соединили в своём творчестве романтический и фантастический подходы.

АЛЕКСАНДР ГРИН (1880–1932)

Александр Грин (настоящее имя Александр Степанович Гриневский) родился в небольшом городке Слободское Вятской губернии. Жизнь в нём была довольно скучной. Возможно, поэтому Александр стал мечтать о путешествиях в далёкие страны. Причиной могло быть и то, что в пять лет, как он позже вспоминал в «Автобиографической повести», прочитал книгу Дж. Свифта «Путешествие Гулливера в страну Лилипутию». Море и солёный ветер приключений навсегда поселились в его душе. Этот воображаемый, «блистающий» мир питался впечатлениями из прочитанной приключенческой литературы. Среди любимых авторов — Ж. Верн и Р. Стивенсон. Кроме того, воображение развивалось и во время игр. Вспоминая детство, А. Грин писал: «Я выстругивал деревянные мечи, сабли, кинжалы, рубил ими крапиву и лопухи, воображая себя сказочным богатырём, который один поражает целое войско. Я делал луки и стрелы...»

В шестнадцать лет Александр отправился навстречу своей мечте, в Одессу. Реальное, а не книжное познание жизни заставляло тяжело работать. Такие условия, как ни удивительно, не огруббили его душу, а ещё более возвысили.

Жена писателя Нина Николаевна в своих «Воспоминаниях» отмечает его романтическое и одновременно мудрое восприятие жизни: «Руки у Александра Степановича были большие, широкие. Рукопожатие хорошее, доверчивое. Рукопожатию он придавал значение, говоря, что даже наигранно искренняя рука всегда себя выдаст в рукопожатии. Глаза его имели чистое, серьёзное и твёрдое выражение, а когда задумывался, становились как мягко-коричневый бархат, как дорога в глубь существа, и никогда ничего хитрого или двусмысленного во взгляде». Именно такой человек в годы разрухи мог написать повесть-сказку «Алые паруса» (1923), которую писатель К. Паустовский назвал «призывом к совершенству».

Александр Грин с женой.
г. Старый Крым. 1926 г.

АЛЫЕ ПАРУСА

(В сокращении)

I. Предсказание

Лонгрону, матросу брига «Орион», пришлось оставить службу на корабле и поселиться на окраине Каперны. Его жена Мери умерла, и он занялся воспитанием дочери Ассоль. Лонгрэн винил в смерти Мери трактирщика Меннерса, который отказался одолжить бедной женщине денег. Когда во время шторма лодку Меннерса стало относить от берега, Лонгрэн не помог ему, и трактирщика унесло в море.

(...) На другой день только и разговоров было у жителей Каперны, что о пропавшем Меннерсе, а на шестой день привезли его самого, умирающего и злобного. Его рассказ быстро облетел окрестные деревушки. До вечера носило Меннерса; разбитый сотрясениями о борта и дно лодки, за время страшной борьбы со свирепостью волн, грозивших, не уставая, выбросить в море обезумевшего лавочника, он был подобран пароходом «Лукреция», шедшим в Кассет. Простуда и потрясение ужаса прикончили дни Меннерса. Он прожил немного менее сорока восьми часов, призывая на Лонгрэна все бедствия, возможные на земле и в воображении. Рассказ Меннерса, как матрос следил за его гибелью, отказав в помощи, красноречивый тем более, что умирающий дышал с трудом и стонал, порастил жителей Каперны. Не говоря уже о том, что редкий из них способен был помнить оскорбление и более тяжкое, чем перенесенное Лонгрэном, и горевать так сильно, как горевал он до конца жизни о Мери, — им было отвратительно, непонятно, поражало их, что Лонгрэн молчал. Молча, до своих последних слов, посланных вдогонку Меннерсу, Лонгрэн стоял; стоял неподвижно, строго и тихо, как судья, выказав глубокое презрение к Меннерсу — большее, чем ненависть, было в его молчании, и это все чувствовали. Если бы он кричал, выражая жестами или суетливостью злорадства, или ещё чем иным своё торжество при виде отчаяния Меннерса, рыбаки поняли бы его, но он поступил иначе, чем поступали они, — поступил внушительно, непонятно и этим поставил себя выше других, словом, сделал то, чего не прощают. Никто более не кланялся ему, не протягивал руки, не бросал узнающего, здоровающегося взгляда. Совершенно навсегда остался он в стороне от деревенских дел; мальчишки, завидев его, кричали вдогонку: «Лонгрэн утопил Меннерса!» Он не обращал на это внимания. Так же, казалось, он не замечал и того, что в трактире или на берегу, среди лодок, рыбаки умолкали в его присутствии, отходя в сторону, как от зачумленного. Случай с Меннерсом закрепил ранее неполное отчуждение. Став полным, оно вызвало прочную взаимную ненависть, тень которой пала и на Ассоль.

Кадр из кинофильма «Алые паруса».
Режиссёр А. Птушко. 1961 г.

Девочка росла без подруг. Два-три десятка детей её возраста, живших в Каперне, пропитанной, как губка водой, грубым семейным началом, основой которого служил непоколебимый авторитет матери и отца, переимчивые, как все дети в мире, вычеркнули раз и навсегда маленькую Ассоль из сферы своего покровительства и внимания. Со-

вершилось это, разумеется, постепенно, путём внушения и окриков взрослых, приобрело характер страшного запрета, а затем, усиленное пересудами и кривотолками, разрослось в детских умах страхом к дому матроса.

К тому же замкнутый образ жизни Лонгрена освободил теперь истерический язык сплетни; про матроса говаривали, что он где-то кого-то убил, оттого, мол, его больше не берут служить на суда, а сам он мрачен и нелюдим, потому что «терзается угрызениями преступной совести». Играя, дети гнали Ассоль, если она приближалась к ним, швыряли грязью и дразнили тем, что будто отец её ел человеческое мясо, а теперь делает фальшивые деньги. Одна за другой, наивные её попытки к сближению оканчивались горьким плачем, синяками, царапинами и другими проявлениями общественного мнения; она перестала, наконец, оскорбляться, но всё ещё иногда спрашивала отца: — «Скажи, почему нас не любят?» — «Э, Ассоль, — говорил Лонгрэн, — разве они умеют любить? Надо уметь любить, а этого-то они не могут». — «Как это — уметь?» — «А вот так!» Он брал девочку на руки и крепко целовал грустные глаза, жмурившиеся от нежного удовольствия.

Любимым развлечением Ассоль было по вечерам или в праздник, когда отец, оставив банки с клейстером, инструменты и неоконченную работу, садился, сняв передник, отдохнуть, с трубкой в зубах, — забраться к нему на колени и, вертясь в бережном кольце отцовской руки, трогать различные части игрушек, расспрашивая об их назначении. Так начиналась своеобразная фантастическая лекция о жизни и людях — лекция, в которой, благодаря прежнему образу жизни Лонгрена, случайностям, случаю вообще, — диковинным, поразительным и необыкновенным событиям отводилось главное место. Лонгрэн, называя девочке имена снастей, парусов, предметов морского обихода, постепенно увлекался, переходя от объяснений к различным эпизодам, в которых играли роль то брашпиль, то рулевое

колесо, то мачта или какой-нибудь тип лодки и т. п., а от отдельных иллюстраций этих переходил к широким картинам морских скитаний, вплетая суеверия в действительность, а действительность — в образы своей фантазии. Тут появлялась и тигровая кошка, вестница кораблекрушения, и говорящая летучая рыба, не послушаться приказаний которой значило сбиться с курса, и Летучий Голландец с неистовым своим экипажем; приметы, привидения, русалки, пираты — словом, все басни, коротающие досуг моряка в штиле или излюбленном кабаке. Рассказывал Лонгрэн также о потерпевших крушение, об одичавших и разучившихся говорить людях, о таинственных кладах, бунтах каторжников и многом другом, что выслушивалось девочкой внимательнее, чем может быть слушался в первый раз рассказ Колумба о новом материке. — «Ну, говори ещё», — просила Ассоль, когда Лонгрэн, задумавшись, умолкал, и засыпала на его груди с головой, полной чудесных снов.

Также служило ей большим, всегда материально существенным удовольствием появление приказчика городской игрушечной лавки, охотно покупавшей работу Лонгрэна. Чтобы задобрить отца и выторговать лишнее, приказчик захватывал с собой для девочки пару яблок, сладкий пирожок, горсть орехов. Лонгрэн обыкновенно просил настоящую стоимость из нелюбви к торгу, а приказчик сбавлял. — «Эх, вы, — говорил Лонгрэн, — да я неделю сидел над этим ботом. — Бот был пятивершковый. — Посмотри, что за прочность, а осадка, а доброта? Бот этот пятнадцать человек выдержит в любую погоду». Кончалось тем, что тихая возня девочки, мурлыкавшей над своим яблоком, лишала Лонгрэна стойкости и охоты спорить; он уступал, а приказчик, набив корзину превосходными, прочными игрушками, уходил, посмеиваясь в усы. Всю домовую работу Лонгрэн исполнял сам: колол дрова, носил воду, топил печь, стряпал, стирал, гладил бельё и, кроме всего этого, успевал работать для денег. Когда Ассоль исполнилось восемь лет, отец выучил её читать и писать. Он стал изредка брать её с собой в город, а затем посылать даже одну, если была надобность перехватить денег в магазине или снести товар. Это случалось не часто, хотя Лисе лежал всего в четырёх верстах от Каперны, но дорога к нему шла лесом, а в лесу многое может напугать детей, помимо физической опасности, которую, правда, трудно встретить на таком близком расстоянии от города, но всё-таки не мешает иметь в виду. Поэтому только в хорошие дни, утром, когда окружающая дорога чаща полна солнечным ливнем, цветами и тишиной, так что впечатлительности Ассоль не грозили фантомы воображения, Лонгрэн отпускал её в город.

Однажды, в середине такого путешествия к городу, девочка присела у дороги съесть кусок пирога, положенного в корзинку на завтрак. Закусывая, она перебирала игрушки; из них две-три оказались новинкой для неё: Лонгрен сделал их ночью. Одна такая новинка была миниатюрной гоночной яхтой; белое судёнышко подняло алые паруса, сделанные из обрезков шёлка, употреблявшегося Лонгреном для оклейки пароводных кают — игрушек богатого покупателя. Здесь, видимо, сделав яхту, он не нашёл подходящего материала для паруса, употребив что было — лоскутки алого шёлка. Ассоль пришла в восхищение. Пламенный весёлый цвет так ярко горел в её руке, как будто она держала огонь. Дорогу пересекал ручей, с переброшенным через него жердяным мостиком; ручей справа и слева уходил в лес. «Если я спущу её на воду поплавать немного, размышляла Ассоль, — она ведь не промокнет, я её потом вытру». Отойдя в лес за мостик, по течению ручья, девочка осторожно спустила на воду у самого берега пленившее её судно; паруса тотчас сверкнули алым отражением в прозрачной воде: свет, пронизывая материю, лег дрожащим розовым излучением на белых камнях дна. — «Ты откуда приехал, капитан? — важно спросила Ассоль воображённое лицо и, отвечая сама себе, сказала: — Я приехал» приехал... приехал я из Китая. — А что ты привёз? — Что привёз, о том не скажу. — Ах, ты так, капитан! Ну, тогда я тебя посажу обратно в корзинку». Только что капитан приготовился смиренно ответить, что он пошутил и что готов показать слона, как вдруг тихий отбег береговой струи повернул яхту носом к середине ручья, и, как настоящая, полным ходом покинув берег, она ровно поплыла вниз. Мгновенно изменился масштаб видимого: ручей казался девочке огромной рекой, а яхта — далеким, большим судном, к которому, едва не падая в воду, испуганная и оторопевшая, протягивала она руки. «Капитан испугался», — подумала она и побежала за уплывающей игрушкой, надеясь, что её где-нибудь прибьет к берегу. Поспешно таща не тяжёлую, но мешающую корзинку, Ассоль твердила: — «Ах, господи! Ведь случись же...» — Она старалась не терять из вида красивый, плавно убегающий треугольник парусов, спотыкалась, падала и снова бежала.

Ассоль никогда не бывала так глубоко в лесу, как теперь. Ей, поглощённой нетерпеливым желанием поймать игрушку, не смотрелось по сторонам; возле берега, где она суежилась, было довольно препятствий, занимавших внимание. Мшистые стволы упавших деревьев, ямы, высокий папоротник, шиповник, жасмин и орешник мешали ей на каждом шагу; одолевая их, она постепенно теряла силы, останавливаясь всё чаще и чаще, чтобы передохнуть или смахнуть с лица липкую паутину. Когда потянулись, в более широких местах, осоковые и тростни-

ковые заросли, Ассоль совсем было потеряла из вида алое сверкание парусов, но, обежав излучину течения, снова увидела их, степенно и неуклонно бегущих прочь. Раз она оглянулась, и лесная громада с её пестротой, переходящей от дымных столбов света в листве к тёмным расселинам дремучего сумрака, глубоко поразила девочку. На мгновение оробев, она вспомнила вновь об игрушке и, несколько раз выпустив глубокое «ф-ф-у-уу», побежала изо всех сил.

В такой безуспешной и тревожной погоне прошло около часу, когда с удивлением, но и с облегчением Ассоль увидела, что деревья впереди свободно раздвинулись, пропустив синий разлив моря, облака и край желтого песчаного обрыва, на который она выбежала, почти падая от усталости. Здесь было устье ручья; разлившись нешироко и мелко, так что виднелась струящаяся голубизна камней, он пропадал в встречной морской волне. С невысокого, изрытого корнями обрыва Ассоль увидела, что у ручья, на плоском большом камне, спиной к ней, сидит человек, держа в руках сбежавшую яхту, и всесторонне рассматривает её с любопытством слона, поймавшего бабочку. Отчасти успокоенная тем, что игрушка цела, Ассоль сползла по обрыву и, близко подойдя к незнакомцу, воззрилась на него изучающим взглядом, ожидая, когда он подымет голову. Но неизвестный так погрузился в созерцание лесного сюрприза, что девочка успела рассмотреть его с головы до ног, установив, что людей, подобных этому незнакомцу, ей видеть ещё ни разу не приходилось.

Перед ней был не кто иной, как путешествующий пешком Эгль, известный собиратель песен, легенд, преданий и сказок. Седые кудри складками выпадали из-под его соломенной шляпы; серая блуза, заправленная в синие брюки, и высокие сапоги придавали ему вид охотника; белый воротничок, галстук, пояс, унизанный серебром блях, трость и сумка с новеньким никелевым замочком — выказывали горожанина. Его лицо, если можно назвать лицом нос, губы и глаза, выглядывавшие из бурно разросшейся лучистой бороды и пышных, свирепо взрогаченных вверх усов, казалось бы вялопрозрачным, если бы не глаза, серые, как песок, и блестящие, как чистая сталь, с взглядом смелым и сильным.

— Теперь отдай мне, — несмело сказала девочка. — Ты уже поиграл. Ты как поймал её?

Эгль поднял голову, уронив яхту, — так неожиданно прозвучал взволнованный голосок Ассоль. Старик с минуту разглядывал её, улыбаясь и медленно пропуская бороду в большой, жилистой горсти. Стиранное много раз ситцевое платье едва прикрывало до колен худенькие, загорелые ноги девочки. Её тёмные густые волосы, забранные в кружевную косынку, сбились, касаясь плеч. Каждая черта Ассоль была

выразительно легка и чиста, как полёт ласточки. Тёмные, с оттенком грустного вопроса глаза казались несколько старше лица; его неправильный мягкий овал был овеян того рода прелестным загаром, какой присущ здоровой белизне кожи. Полуоткрытый маленький рот блестел кроткой улыбкой.

— Клянусь Гриммами, Эзопом и Андерсеном, — сказал Эгль, поглядывая то на девочку, то на яхту. — Это что-то особенное. Слушайка ты, растение! Это твоя штука?

— Да, я за ней бежала по всему ручью; я думала, что умру. Она была тут?

— У самых моих ног. Кораблекрушение причиной того, что я, в качестве берегового пирата, могу вручить тебе этот приз. Яхта, покинутая экипажем, была выброшена на песок трёхвершковым валом — между моей левой пяткой и оконечностью палки. — Он стукнул тростью. — Как зовут тебя, крошка?

— Ассоль, — сказала девочка, пряча в корзину поданную Эглем игрушку.

— Хорошо, — продолжал непонятную речь старик, не сводя глаз, в глубине которых поблёскивала усмешка дружелюбного расположения духа. — Мне, собственно, не надо было спрашивать твоё имя. Хорошо, что оно так странно, так однотонно, музыкально, как свист стрелы или шум морской раковины: что бы я стал делать, называясь ты одним из тех благозвучных, но нестерпимо привычных имён, которые чужды Прекрасной Неизвестности? Тем более я не желаю знать, кто ты, кто твои родители и как ты живёшь. К чему нарушать очарование? Я занимался, сидя на этом камне, сравнительным изучением финских и японских сюжетов... как вдруг ручей выплеснул эту яхту, а затем появилась ты... Такая, как есть. Я, милая, поэт в душе — хоть никогда не сочинял сам. Что у тебя в корзинке?

— Лодочки, — сказала Ассоль, встряхивая корзинкой, — потом пароход да ещё три таких домика с флагами. Там солдаты живут.

— Отлично. Тебя послали продать. По дороге ты занялась игрой. Ты пустила яхту поплавать, а она сбежала — ведь так?

— Ты разве видел? — с сомнением спросила Ассоль, стараясь вспомнить, не рассказала ли она это сама. — Тебе кто-то сказал? Или ты угадал?

— Я это знал.

— А как же?

— Потому что я — самый главный волшебник.

Ассоль смутилась: её напряжение при этих словах Эгля переступило границу испуга. Пустынный морской берег, тишина, томительное

приключение с яхтой, непонятная речь старика с сверкающими глазами, величественность его бороды и волос стали казаться девочке смешением сверхъестественного с действительностью. Сострой теперь Эгль гримасу или закричи что-нибудь — девочка помчалась бы прочь, заплакав и изнемогая от страха. Но Эгль, заметив, как широко раскрылись её глаза, сделал крутой вольт.

— Тебе нечего бояться меня, — серьёзно сказал он. — Напротив, мне хочется поговорить с тобой по душе. — Тут только он уяснил себе, что в лице девочки было так пристально отмечено его впечатлением. «Невольное ожидание прекрасного, блаженной судьбы, — решил он. — Ах, почему я не родился писателем? Какой славный сюжет».

— Ну-ка, — продолжал Эгль, стараясь закруглить оригинальное положение (склонность к мифотворчеству — следствие всегдашней работы — было сильнее, чем опасение бросить на неизвестную почву семена крупной мечты), — ну-ка, Ассоль, слушай меня внимательно. Я был в той деревне — откуда ты, должно быть, идёшь, словом, в Каперне. Я люблю сказки и песни, и просидел я в деревне той целый день, стараясь услышать что-нибудь никем не слышанное. Но у вас не рассказывают сказок. У вас не поют песен. А если рассказывают и поют, то, знаешь, эти истории о хитрых мужиках и солдатах, с вечным восхвалением жульничества, эти грязные, как невымытые ноги, грубые, как урчание в животе, коротенькие четверостишия с ужасным мотивом... Стой, я сбился. Я заговорю снова. — Подумав, он продолжал так: — Не знаю, сколько пройдёт лет, только в Каперне расцветёт одна сказка, памятная надолго. Ты будешь большой, Ассоль. Однажды утром в морской дали под солнцем сверкнёт алый парус. Сияющая громада алых парусов белого корабля двинется, рассекая волны, прямо к тебе. Тихо будет плыть этот чудесный корабль, без криков и выстрелов; на берегу много соберётся народу, удивляясь и ахая: и ты будешь стоять там. Корабль подойдёт величественно к самому берегу под звуки прекрасной музыки; нарядная, в коврах, в золоте и цветах, поплывёт от него быстрая лодка. «Зачем вы приехали? Кого вы ищете?» — спросят люди на берегу. Тогда ты увидишь храброго красивого принца; он будет стоять и протягивать к тебе руки. «Здравствуй, Ассоль! — скажет он. — Далеко-далеко отсюда я увидел тебя во сне и приехал, чтобы увезти тебя навсегда в своё царство. Ты будешь там жить со мной в розовой глубокой долине. У тебя будет всё, чего только ты пожелаешь; жить с тобой мы станем так дружно и весело, что никогда твоя душа не узнает слёз и печали». Он посадит тебя в лодку, привезёт на корабль, и ты уедешь навсегда в блистательную страну, где всходит солнце и где звёзды спускаются с неба, чтобы поздравить тебя с приездом.

— Это всё мне? — тихо спросила девочка. Её серьёзные глаза, повеселев, просияли доверием. Опасный волшебник, разумеется, не стал бы говорить так; она подошла ближе. — Может быть, он уже пришёл... тот корабль?

— Не так скоро, — возразил Эгль, — сначала, как я сказал, ты вырастешь. Потом... Что говорить? — это будет, и кончено. Что бы ты тогда сделала?

— Я? — Она посмотрела в корзину, но, видимо, не нашла там ничего достойного служить веским вознаграждением. — Я бы его любила, — поспешно сказала она, и не совсем твердо прибавила: — если он не дерётся.

— Нет, не будет драться, — сказал волшебник, таинственно подмигнув, — не будет, я ручаюсь за это. Иди, девочка, и не забудь того, что сказал тебе я меж двумя глотками ароматической водки и размышлением о песнях каторжников. Иди. Да будет мир пушистой твоей голове!

Лонгрен работал в своём маленьком огороде, окапывая картофельные кусты. Подняв голову, он увидел Ассоль, стремглав бежавшую к нему с радостным и нетерпеливым лицом.

— Ну, вот ... — сказала она, силясь овладеть дыханием, и ухватила обеими руками за передник отца. — Слушай, что я тебе расскажу... На берегу, там, далеко, сидит волшебник...

Она начала с волшебника и его интересного предсказания. Горячка мыслей мешала ей плавно передать происшествие. Далее шло описание наружности волшебника и — в обратном порядке — погоня за упущенной яхтой.

Лонгрен выслушал девочку, не перебивая, без улыбки, и, когда она кончила, воображение быстро нарисовало ему неизвестного старика с ароматической водкой в одной руке и игрушкой в другой. Он отвернулся, но, вспомнив, что в великих случаях детской жизни подобает быть человеку серьёзным и удивлённым, торжественно закивал головой, приговаривая: — Так, так; по всем приметам, некому иначе и быть, как волшебнику. Хотел бы я на него посмотреть... Но ты, когда пойдёшь снова, не сворачивай в сторону; заблудиться в лесу нетрудно.

Бросив лопату, он сел к низкому хворостяному забору и посадил девочку на колени. Страшно усталая, она пыталась ещё прибавить кое-какие подробности, но жара, волнение и слабость клонили её в сон. Глаза её слипались, голова опустилась на твёрдое отцовское

Е. Штанко. Лонгрен с дочерью. 1981 г.

плечо, мгновение — и она унеслась бы в страну сновидений, как вдруг, обеспокоенная внезапным сомнением, Ассоль села прямо, с закрытыми глазами и, упираясь кулачками в жилет Лонгрена, громко сказала:

— Ты как думаешь, придёт волшебниковый корабль за мной или нет?

— Придёт, — спокойно ответил матрос, — раз тебе это сказали, значит всё верно.

«Вырастет, забудет, — подумал он, — а пока... не стоит отнимать у тебя такую игрушку. Много ведь придётся в будущем увидеть тебе не алых, а грязных и хищных парусов: издали — нарядных и белых, вблизи — рваных и наглых. Проезжий человек пошутил с моей девочкой. Что ж?! Добрая шутка! Ничего — шутка! Смотри, как сморило тебя, — полдня в лесу, в чаще. А насчёт алых парусов думай, как я: будут тебе алые паруса».

Ассоль спала. Лонгрэн, достав свободной рукой трубку, закурил, и ветер пронёс дым сквозь плетень, в куст, росший с внешней стороны огорода. У куста, спиной к забору, прожёвывая пирог, сидел молодой нищий. Разговор отца с дочерью привёл его в весёлое настроение, а запах хорошего табаку настроил добычливо. — Дай, хозяин, покурить бедному человеку, — сказал он сквозь прутья. — Мой табак против твоего не табак, а, можно сказать, отравка.

— Я бы дал, — вполголоса ответил Лонгрэн, — но табак у меня в том кармане. Мне, видишь, не хочется будить дочку.

— Вот беда! Проснётся, опять уснёт, а прохожий человек взял да и покурил.

— Ну, — возразил Лонгрэн, — ты не без табаку всё-таки, а ребёнок устал. Зайди, если хочешь, попозже.

Нищий презрительно сплюнул, вздел на палку мешок и разъяснил:

— Принцесса, ясное дело. Вбил ты ей в голову эти заморские корабли! Эх ты, чудака-чудаковский, а ещё хозяин!

— Слушай-ка, — шепнул Лонгрэн, — я, пожалуй, разбужу её, но только затем, чтобы намылить твою здоровенную шею. Пошёл вон!

Через полчаса нищий сидел в трактире за столом с дюжиной рыбаков. Сзади их (...) сидели рослые женщины с гнутыми бровями и руками круглыми, как булыжник. Нищий, вскипая обидой, повествовал:

— И не дал мне табаку. «Тебе, — говорит, — исполнится совершеннoлетний год, а тогда, — говорит, — специальный красный корабль... За тобой. Так как твоя участь выйти за принца. И тому, — говорит, — волшебнику — верь». Но я говорю: «Буди, буди, мол, табаку-то достать». Так ведь он за мной полдороги бежал.

— Кто? Что? О чём толкует? — слышались любопытные голоса женщин. Рыбаки, еле поворачивая головы, растолковывали с усмешкой:

— Лонгрен с дочерью одичали, а может, повредились в рассудке; вот человек рассказывает. Колдун был у них, так понимать надо. Они ждут — тётки, вам бы не прозевать! — заморского принца, да ещё под красными парусами!

Через три дня, возвращаясь из городской лавки, Ассоль услышала в первый раз:

— Эй, висельница! Ассоль! Посмотри-ка сюда! Красные паруса плывут!

Девочка, вздрогнув, невольно взглянула из-под руки на разлив моря. Затем обернулась в сторону восклицаний; там, в двадцати шагах от неё, стояла кучка ребят; они гримасничали, высовывая языки. Вздыхнув, девочка побежала домой.

II. Грэй

(...) Отец и мать Грэя были надменные невольники своего положения, богатства и законов того общества, по отношению к которому могли говорить «мы». Часть их души, занятая галереей предков, мало достойна изображения, другая часть — воображаемое продолжение галереи — начиналась маленьким Грэем, обречённым по известному, заранее составленному плану прожить жизнь и умереть так, чтобы его портрет мог быть повешен на стене без ущерба фамильной чести. В этом плане была допущена небольшая ошибка: Артур Грэй родился с живой душой, совершенно не склонной продолжать линию фамильного начертания.

Эта живость, эта совершенная извращённость мальчика начала сказываться на восьмом году его жизни; тип рыцаря причудливых впечатлений, искателя и чудотворца, т. е. человека, взявшего из бесчисленного разнообразия ролей жизни самую опасную и трогательную — роль провидения, намечался в Грэе ещё тогда, когда, приставив к стене стул, чтобы достать картину, изображавшую распятие, он вынул гвозди из окровавленных рук Христа, т. е. попросту замазал их голубой краской, похищенной у маляра. В таком виде он находил картину более сносной. Увлечённый своеобразным занятием, он начал уже замазывать и ноги распятого, но был застигнут отцом. Старик снял мальчика со стула за уши и спросил:

— Зачем ты испортил картину?

— Я не испортил.

— Это работа знаменитого художника.

— Мне всё равно, — сказал Грэй. — Я не могу допустить, чтобы при мне торчали из рук гвозди и текла кровь. Я этого не хочу.

В ответе сына Лионель Грэй, скрыв под усами улыбку, узнал себя и не наложил наказания.

Грэй неутомимо изучал замок, делая поразительные открытия. Так, на чердаке он нашёл стальной рыцарский хлам, книги, переплетённые в железо и кожу, истлевшие одежды и полчища голубей. (...)

Посещение кухни было строго воспрещено Грэю, но, раз открыв уже этот удивительный, полыхающий огнём очагов мир пара, копоти, шипения, клокотания кипящих жидкостей, стука ножей и вкусных запахов, мальчик усердно навещал огромное помещение. (...) Раз жидкости выплеснулось так много, что она обварила руку одной девушки.

Грэй замер. В то время, как другие женщины хлопотали около Бетси, он пережил ощущение острого чужого страдания, которое не мог испытать сам.

— Очень ли тебе больно? — спросил он.

— Попробуй, так узнаешь, — ответила Бетси, накрывая руку передником.

Нахмутив брови, мальчик вскарабкался на табурет, зачерпнул длинной ложкой горячей жижи (сказать кстати, это был суп с бараниной) и плеснул на сгиб кисти. Впечатление оказалось не слабым, но слабость от сильной боли заставила его пошатнуться. Бледный, как мука, Грэй подошел к Бетси, заложив горящую руку в карман штанишек.

— Мне кажется, что тебе очень больно, — сказал он, умалчивая о своём опыте. — Пойдём, Бетси, к врачу. Пойдём же!

Он усердно тянул её за юбку, в то время как сторонники домашних средств наперерыв давали служанке спасительные рецепты. Но девушка, сильно мучаясь, пошла с Грэем. Врач смягчил боль, наложив перевязку. Лишь после того, как Бетси ушла, мальчик показал свою руку. Этот незначительный эпизод сделал двадцатилетнюю Бетси и десятилетнего Грэя истинными друзьями. Она набивала его карманы пирожками и яблоками, а он рассказывал ей сказки и другие истории, вычитанные в своих книжках. Однажды он узнал, что Бетси не может выйти замуж за конюха Джима, ибо у них нет денег обзавестись хозяйством. Грэй разбил каминными щипцами свою фарфоровую копилку и вытряхнул оттуда всё, что составляло около ста фунтов. Встав рано, когда бесприданница удалилась на кухню, он пробрался в её комнату и, засунув подарок в сундук девушки, прикрыл его короткой запиской: «Бетси, это твоё. Предводитель шайки разбойников Робин Гуд». Переполох, вызванный на кухне этой историей, принял такие размеры, что Грэй должен был сознаться в подлоге. Он не взял денег назад и не хотел более говорить об этом.

Его мать была одною из тех натур, которые жизнь отливает в готовой форме. Она жила в полусне обеспеченности, предусматривающей всякое желание заурядной души, поэтому ей не оставалось ничего делать, как советоваться с портнихами, доктором и дворецким.

Знатная дама, чьё лицо и фигура, казалось, могли отвечать лишь ледяным молчанием огненным голосам жизни, чья тонкая красота скорее отталкивала, чем привлекала, так как в ней чувствовалось надменное усилие воли, лишённое женственного притяжения, — эта Лилиан Грэй, оставаясь наедине с мальчиком, делалась простой мамой, говорившей любящим, кротким тоном те самые сердечные пустяки, какие не передашь на бумаге — их сила в чувстве, не в самих них. Она решительно не могла в чем бы то ни было отказать сыну. Она прощала ему всё: пребывание в кухне, отвращение к урокам, непослушание и многочисленные причуды.

Если он не хотел, чтобы подстригали деревья, деревья оставались нетронутыми, если он просил простить или наградить кого-либо, заинтересованное лицо знало, что так и будет; он мог ездить на любой лошади, брать в замок любую собаку; рыться в библиотеке, бегать босиком и есть, что ему вздумается.

Его отец некоторое время боролся с этим, но уступил — не принципу, а желанию жены. Он ограничился удалением из замка всех детей служащих, опасаясь, что благодаря низкому обществу прихоти мальчика превратятся в склонности, трудно-искоренимые. В общем, он был всепоглощённо занят бесчисленными фамильными процессами, начало которых терялось в эпохе возникновения бумажных фабрик, а конец — в смерти всех кляузников. Кроме того, государственные дела, дела помещий, диктант мемуаров, выезды парадных охот, чтение газет и сложная переписка держали его в некотором внутреннем отдалении от семьи; сына он видел так редко, что иногда забывал, сколько ему лет.

Таким образом, Грэй жил в своем мире. Он играл один — обыкновенно на задних дворах замка, имевших в старину боевое значение. Эти обширные пустыри, с остатками высоких рвов, с заросшими мхом каменными погребями, были полны бурьяна, крапивы, ренейника, тер-

Кадр из кинофильма «Алые паруса». Режиссёр А. Птушко. 1961 г.

на и скромнопёстрых диких цветов. Грэй часами оставался здесь, исследуя норы кротов, сражаясь с бурьяном, подстерегая бабочек и строя из кирпичного лома крепости, которые бомбардировал палками и булыжником.

Ему шёл уже двенадцатый год, когда все намёки его души, все разрозненные черты духа и оттенки тайных порывов соединились в одном сильном моменте и тем получив стройное выражение стали неукротимым желанием. До этого он как бы находил лишь отдельные части

своего сада — просвет, тень, цветок, дремучий и пышный ствол — во множестве садов иных, и вдруг увидел их ясно, всё — в прекрасном, поражающем соответствии.

Это случилось в библиотеке. (...) Обернувшись к выходу, Грэй увидел над дверью огромную картину, сразу содержанием своим наполнившую душное оцепенение библиотеки. Картина изображала корабль, вздымающийся на гребень морского вала. Струи пены стекали по его склону. Он был изображён в последнем моменте взлета. Корабль шёл прямо на зрителя. Высоко поднявшийся бугшприт заслонял основание мачт. Гребень вала, распластанный корабельным килем, напоминал крылья гигантской птицы. Пена неслась в воздух. Паруса, туманно видимые из-за бакборта и выше бугшприта, полные неистовой силы шторма, валились всей громадой назад, чтобы, перейдя вал, выпрямиться, а затем, склоняясь над бездной, мчат судно к новым лавинам. Разорванные облака низко трепетали над океаном. Тусклый свет обречённо боролся с надвигающейся тьмой ночи. Но всего замечательнее была в этой картине фигура человека, стоящего на баке спиной к зрителю. Она выражала всё положение, даже характер момента. Поза человека (он расставил ноги, взмахнув руками) ничего собственно не говорила о том, чем он занят, но заставляла предполагать крайнюю напряжённость внимания, обращённого к чему-то на палубе, невидимой зрителю. Завёрнутые полы его кафтана трепались ветром; белая коса и чёрная шпага вытянуто рвались в воздух; богатство костюма выказывало в нём капитана, танцующее положение тела — взмах вала; без шляпы, он был, видимо, поглощён опасным моментом и кричал — но что? Видел ли он, как валится за борт человек, приказывал ли повернуть на другой галс или, заглушая ветер, звал боцмана? Не мысли, но тени этих мыслей выросли в душе Грэя, пока он смотрел картину. Вдруг показалось ему, что слева подошел, став рядом, неизвестный невидимый; стоило повернуть голову, как причудливое ощущение исчезло бы без следа. Грэй знал это. Но он не погасил воображения, а прислушался. Беззвучный голос выкрикнул несколько отрывистых фраз, непонятных, как малайский язык; раздался шум как бы долгих обвалов; эхо и мрачный ветер наполнили библиотеку. Все это Грэй слышал внутри себя. Он осмотрелся: мгновенно вставшая тишина рассеяла звучную паутину фантазии; связь с бурей исчезла.

Грэй несколько раз приходил смотреть эту картину. Она стала для него тем нужным словом в беседе души с жизнью, без которого трудно понять себя. В маленьком мальчике постепенно укладывалось огромное море. Он сжился с ним, роясь в библиотеке, выискивая и жадно читая те книги, за золотой дверью которых открывалось синее сияние океана. Там, сея за кормой пену, двигались корабли. (...)

В этом мире, естественно, возвышалась над всем фигура капитана. Он был судьбой, душой и разумом корабля. Его характер определял досуг и работу команды. Сама команда подбиралась им лично и во многом отвечала его наклонностям. Он знал привычки и семейные дела каждого человека. Он обладал в глазах подчинённых магическим знанием, благодаря которому уверенно шёл, скажем, из Лиссабона в Шанхай, по необозримым пространствам. Он отражал бурю противодействием системы сложных усилий, убивая панику короткими приказаниями; плавал и останавливался, где хотел; распорядился отплытием и нагрузкой, ремонтом и отдыхом; большую и разумнейшую власть в живом деле, полном непрерывного движения, трудно было представить.

Такое представление о капитане, такой образ и такая истинная действительность его положения заняли, по праву душевных событий, главное место в блистающем сознании Грэя. Никакая профессия, кроме этой, не могла бы так удачно сплавить в одно целое все сокровища жизни, сохранив неприкосновенным тончайший узор каждого отдельного счастья. Опасность, риск, власть природы, свет далёкой страны, чудесная неизвестность, мелькающая любовь, цветущая свиданием и разлукой; увлекательное кипение встреч, лиц, событий; безмерное разнообразие жизни, между тем как высоко в небе то Южный Крест, то Медведица, и все материки — в зорких глазах, хотя твоя каюта полна непокидающей родины с её книгами, картинами, письмами и сухими цветами, обвитыми шелковистым локоном в замшевой ладанке на твёрдой груди.

Осенью, на пятнадцатом году жизни, Артур Грэй тайно покинул дом и проник за золотые ворота моря. Вскорости из порта Дубельт вышла в Марсель шхуна «Ансельм», увозя юнгу с маленькими руками и внешностью переодетой девочки. Этот юнга был Грэй, обладатель изящного саквояжа, тонких, как перчатка, лакированных сапожков и батистового белья с вытканными коронами.

В течение года, пока «Ансельм» посещал Францию, Америку и Испанию, Грэй промотал часть своего имущества на пирожном, отдавая этим дань прошлому... Он на купаньи, с замирающим сердцем, прыгал в воду головой вниз с двухсаженной высоты. Понемногу он потерял всё, кроме главного — своей странной летящей души; он потерял слабость, став широк костью и крепок мускулами, бледность заменил тёмным загаром, изысканную беспечность движений отдал за уверенную меткость работающей руки, а в его думающих глазах отразился блеск, как у человека, смотрящего на огонь. И его речь, утратив неравномерную, надменно застенчивую текучесть, стала краткой и точной, как удар чайки в струю за трепетным серебром рыб. (...)

Грэй шёл к цели с стиснутыми зубами и побледневшим лицом. Он выносил беспокойный труд с решительным напряжением воли, чувствуя, что ему становится всё легче и легче по мере того, как суровый корабль вламывался в его организм, а неумение заменялось привычкой. Случалось, что петлёй якорной цепи его сшибало с ног, ударяя о палубу, что непридержанный у кнека канат вырывался из рук, сдирая с ладоней кожу, что ветер бил его по лицу мокрым углом паруса с вшитым в него железным кольцом, и, короче сказать, вся работа являлась пыткой, требующей пристального внимания, но, как ни тяжело он дышал, с трудом разгибая спину, улыбка презрения не оставляла его лица. Он молча сносил насмешки, издевательства и неизбежную брань, до тех пор пока не стал в новой сфере «своим», но с этого времени неизменно отвечал боксом на всякое оскорбление. (...)

Прошло ещё мало времени, и в порте Дубельт вечерняя звезда сверкнула над чёрной линией новой мачты. То был «Секрет», купленный Грэем; трёхмачтовый галиот в двести шестьдесят тонн. Так, капитаном и собственником корабля Артур Грэй плывал ещё четыре года, пока судьба не привела его в Лисс. Но он уже навсегда запомнил тот короткий грудной смех, полный сердечной музыки, каким встретили его дома, и раза два в год посещал замок, оставляя женщине с серебряными волосами нетвёрдую уверенность в том, что такой большой мальчик, пожалуй, справится с своими игрушками.

Вопросы и задания

1. Назовите персонажей первой главы повести.
2. Каким образом Лонгрэн отомстил Меннерсу? Как отнеслись жители Каперны к случившемуся? Почему Лонгрэн сказал, что жители Каперны не умеют любить?
3. Кто такой Эгль? Какое впечатление сложилось у него о Каперне?
4. Какой Эгль увидел Ассоль? Прочитайте портрет девочки. Какие черты характера Ассоль отразились в её портрете?
5. Какую сказку Эгль рассказал Ассоль?
6. Кто такой Грэй? Что известно о его семье? Чем занимался мальчик в замке? Какой у него сложился характер?
7. Что помогло Грэю освоить профессию капитана?

8. Рассмотрите иллюстрацию Е. Штанко «Лонгрэн с дочерью» (с. 160). Найдите в тексте отрывок, которому соответствует изображение. Прочитайте его выразительно. Какие детали свидетельствуют о глубокой любви матроса к дочери? Как об этом сказано в тексте и как передано на рисунке?

9. Расскажите от имени Ассоль о её приключении в лесу.
10. Прочитайте в лицах диалог Лонгрэна с нищим.

11. Прочитайте повесть до конца. Выпишите в рабочие тетради описание внешности Ассоль.

III. Рассвет

В один из дней «Грэй глухо затосковал, без всякой причины, не понимая тоски». Он отправился на рыбалку вместе с матросом Летикой. В лесу Грэй увидел спящую Ассоль.

(...) Грэй вышел из чащи в кустарник, разбросанный по скату холма. Дымилась и горела трава; влажные цветы выглядели как дети, насильно умытые холодной водой. Зелёный мир дышал бесчисленностью крошечных ртов, мешая проходить Грэю среди своей ликующей тесноты. Капитан выбрался на открытое место, заросшее пёстрой травой, и увидел здесь спящую молодую девушку.

Он тихо отвёл рукой ветку и остановился с чувством опасной находки. Не далее как в пяти шагах, свернувшись, подобрал одну ножку и вытянув другую, лежала головой на уютно подвёрнутых руках утомившаяся Ассоль. Её волосы сдвинулись в беспорядке; у шеи расстегнулась пуговица, открыв белую ямку; раскинувшаяся юбка обнажала колени; ресницы спали на щеке, в тени нежного, выпуклого виска, полукрытого тёмной прядью; мизинец правой руки, бывшей под головой, пригибался к затылку. Грэй присел на корточки, заглядывая девушке в лицо снизу.

Быть может, при других обстоятельствах эта девушка была бы замечена им только глазами, но тут он иначе увидел её. Всё струнулось, всё усмехнулось в нём. Разумеется, он не знал ни её, ни её имени, ни, тем более, почему она уснула на берегу, но был этим очень доволен. Он любил картины без объяснений и подписей. Впечатление такой картины несравненно сильнее; её содержание, не связанное словами, становится безграничным, утверждая все догадки и мысли.

Тень листвы подобралась ближе к стволам, а Грэй всё ещё сидел в той же малоудобной позе. Всё спало на девушке: спали тёмные волосы, спало платье и складки платья; даже трава поблизости её тела, казалось, задремала в силу сочувствия. Когда впечатление стало полным, Грэй вошёл в его тёплую подмивающую волну и уплыл с ней. Давно уже Летика кричал: «Капитан, где вы?» — но капитан не слышал его.

Когда он наконец встал, склонность к необычному застала его врасплох с решимостью и вдохновением раздражённой женщины. Задумчиво уступая ей, он снял с пальца старинное дорогое кольцо, не без основания размышляя, что, может быть, этим подсказывает жизни нечто существенное, подобное орфографии. Он бережно опустил кольцо на малый мизинец, белевший из-под затылка. Мизинец нетерпеливо двинулся и поник.

Чтобы узнать, кого он увидел в лесу, Грэй решил расспросить трактирщика Меннерса.

— Вы, разумеется, знаете здесь всех жителей, — спокойно заговорил Грэй. — Меня интересует имя молодой девушки в косынке, в платье с розовыми цветочками, тёмно-русой и невысокой, в возрасте от семнадцати до двадцати лет. Я встретил её неподалеку отсюда. Как её имя?

Он сказал это с твёрдой простотой силы, не позволяющей увильнуть от данного тона. Хин Меннерс внутренне завертелся и даже ухмыльнулся слегка, но внешне подчинился характеру обращения. Впрочем, прежде чем ответить, он помолчал — единственно из бесплодного желания догадаться, в чём дело.

— Гм! — сказал он, поднимая глаза в потолок. — Это, должно быть, «Корабельная Ассоль», больше быть некому. Она полоумная.

— В самом деле? — равнодушно сказал Грэй, отпивая крупный глоток. — Как же это случилось?

— Когда так, извольте послушать. — И Хин рассказал Грэю о том, как лет семь назад девочка говорила на берегу моря с собирателем песен. Разумеется, эта история с тех пор, как нищий утвердил её бытие в том же трактире, приняла очертания грубой и плоской сплетни, но сущность оставалась нетронутой. — С тех пор так её и зовут, — сказал Меннерс, — зовут её «Ассоль Корабельная». (...)

Его перебил неожиданный дикий рёв сзади.

— Ты врёшь, — неожиданно сказал угольщик. — Ты врёшь так гнусно и ненатурально, что я протрезвел. — Хин не успел раскрыть рот, как угольщик обратился к Грэю: — Он врёт. Его отец тоже врал; врала и мать. Такая порода. Можете быть покойны, что она так же здорова, как мы с вами. Я с ней разговаривал. Она сидела на моей повозке восемьдесят четыре раза, или немного меньше. Когда девушка идёт пешком из города, а я продал свой уголь, я уж непременно посажу девушку. Пускай она сидит. Я говорю, что у неё хорошая голова. Это сейчас видно. С тобой, Хин Меннерс, она, понятно, не скажет двух слов. Но я, сударь, в свободном угольном деле презираю суды и толки. Она говорит, как большая, но причудливый её разговор. Прислушиваешься — как будто всё то же самое, что мы с вами сказали бы, а у неё то же, да не совсем так. Вот, к примеру, раз завелось

Кадр из кинофильма «Алые паруса». Режиссёр А. Птушко. 1961 г.

дело о её ремесле. «Я тебе что скажу, — говорит она и держится за моё плечо, как муха за колокольню, — моя работа не скучная, только всё хочется придумать особенное. Я, — говорит, — так хочу изловчиться, чтобы у меня на доске сама плавала лодка, а гребцы гребли бы по-настоящему; потом они пристают к берегу, отдают причал и честь-честью, точно живые, сядут на берегу закусывать». Я, это, захохотал, мне, стало быть, смешно стало. Я говорю: «Ну, Ассоль, это ведь такое твоё дело, и мысли поэтому у тебя такие, а вокруг посмотри: все в работе, как в драке». — «Нет, — говорит она, — я знаю, что знаю. Когда рыбак ловит рыбу, он думает, что поймает большую рыбу, какой никто не ловил». — «Ну, а я?» — «А ты? — смеётся она, — ты, верно, когда наваливаешь углём корзину, то думаешь, что она зацветёт». Вот какое слово она сказала! В ту же минуту дёрнуло меня, сознаюсь, посмотреть на пустую корзину, и так мне вошло в глаза, будто из прутьев поползли почки; лопнули эти почки, брызнуло по корзине листом и пропало. Я малость протрезвел даже! А Хин Меннерс врёт и денег не берёт; я его знаю! (...)

Грэй вышел. С этого времени его не покидало уже чувство поразительных открытий, подобно искре в пороховой ступке Бертольда, — одного из тех душевных обвалов, из-под которых вырывается, сверкая, огонь. Дух немедленного действия овладел им.

IV. Накануне

«Накануне того дня и через семь лет после того, как Эгль, собиратель песен, рассказал девочке на берегу моря сказку о корабле с Алыми Парусами», Ассоль не смогла продать в городе свои игрушки. Семья много задолжала хозяину игрушечной лавки. Лонгрэн начинает думать о том, что надо вернуться к профессии матроса. Ассоль, выполняя домашнюю работу, подошла к зеркалу.

За ореховой рамой в светлой пустоте отражённой комнаты стояла тоненькая невысокая девушка, одетая в дешёвый белый муслин с розовыми цветочками. На её плечах лежала серая шёлковая косынка. Полудетское, в светлом загаре, лицо было подвижно и выразительно; прекрасные, несколько серьёзные для её возраста глаза посматривали с робкой сосредоточенностью глубоких душ. Её неправильное личико могло растрогать тонкой чистотой очертаний; каждый изгиб, каждая выпуклость этого лица, конечно, нашли бы место в множестве женских обликов, но их совокупность, стиль — был совершенно оригинален, — оригинально мил; на этом мы остановимся. Остальное неподвластно словам, кроме слова «очарование».

Отражённая девушка улыбнулась так же безотчётно, как и Ассоль. Улыбка вышла грустной; заметив это, она встревожилась, как если бы

смотрела на постороннюю. Она прижалась щекой к стеклу, закрыла глаза и тихо погладила зеркало рукой там, где приходилось её отражение. Рой смутных, ласковых мыслей мелькнул в ней; она выпрямилась, засмеялась и села, начав шить.

Пока она шьёт, посмотрим на неё ближе — вовнутрь. В ней две девушки, две Ассоль, перемешанных в замечательной прекрасной неправильности. Одна была дочь матроса, ремесленника, мастеровившая игрушки, другая — живое стихотворение, со всеми чудесами его созвучий и образов, с тайной соседства слов, во всей взаимности их теней и света, падающих от одного на другое. Она знала жизнь в пределах, поставленных её опыту, но сверх общих явлений видела отражённый смысл иного порядка. Так, всматриваясь в предметы, мы замечаем в них нечто не линейно, но впечатлением — определённно человеческое, и — так же, как человеческое — различное. Нечто подобное тому, что (если удалось) сказали мы этим примером, видела она ещё сверх видимого. Без этих тихих завоеваний всё просто понятное было чуждо её душе. Она умела и любила читать, но и в книге читала преимущественно между строк, как жила. Бессознательно, путём своеобразного вдохновения она делала на каждом шагу множество эфирнотонких открытий, невыразимых, но важных, как чистота и тепло. Иногда — и это продолжалось ряд дней — она даже перерождалась; физическое противостояние жизни проваливалось, как тишина в ударе смычка, и всё, что она видела, чем жила, что было вокруг, становилось кружевом тайн в образе повседневности. Не раз, волнуясь и робея, она уходила ночью на морской берег, где, выждав рассвет, совершенно серьёзно высматривала корабль с Алыми Парусами. Эти минуты были для неё счастьем; нам трудно так уйти в сказку, ей было бы не менее трудно выйти из её власти и обаяния.

В другое время, размышляя обо всём этом, она искренне дивилась себе, не веря, что верила, улыбкой прощая море и грустно переходя к действительности; теперь, сдвигая оборку, девушка припоминала свою жизнь. Там было много скуки и простоты. Одиночество вдвоём, случалось, безмерно тяготило её, но в ней образовалась уже та складка внутренней робости, та страдальческая морщинка, с которой не внести и не получить оживления. Над ней посмеивались, говоря: «Она тронутая, не в себе»; она привыкла и к этой боли; девушке случалось даже переносить оскорбления, после чего её грудь ныла, как от удара.

Закончив работу, девушка забылась в недолгом сне. Что-то бродило в её душе, и она решила прогуляться к морю. «Хотя было пусто и глухо, но ей казалось, что она звучит как оркестр, что её могут услышать. Всё было мило ей, всё радовало

её». Она находила тёплые слова для каждого растения, что встречались ей на пути. Когда она уснула в лесу, её увидел Грэй. Проснувшись, она обнаружила на пальце «лучистое кольцо».

Не было объяснений случившемуся, но без слов и мыслей находила она их в странном чувстве своём, и уже близким ей стало кольцо. Вся дрожа, сдёрнула она его с пальца; держа в пригоршне, как воду, рассмотрела его она — всею душою, всем сердцем, всем ликованием и ясным суеверием юности, затем, спрятав за лиф, Ассоль уткнула лицо в ладони, из-под которых неудержимо рвалась улыбка, и, опустив голову, медленно пошла обратной дорогой.

Так — случайно, как говорят люди, умеющие читать и писать, — Грэй и Ассоль нашли друг друга утром летнего дня, полного неизбежности.

V. Боевые приготовления

(...) Грэй действовал уже решительно и покойно, до мелочи зная всё, что предстоит на чудном пути. Каждое движение — мысль, действие — грели его тонким наслаждением художественной работы. Его план сложился мгновенно и выпукло. Его понятия о жизни подверглись тому последнему набегу резца, после которого мрамор спокоен в своём прекрасном сиянии.

Грэй побывал в трёх лавках, придавая особенное значение точности выбора, так как мысленно видел уже нужный цвет и оттенок. В двух первых лавках ему показали шелка базарных цветов, предназначенные удовлетворить незатейливое тщеславие; в третьей он нашёл образцы сложных эффектов. Хозяин лавки радостно суетился, выкладывая залежавшиеся материи, но Грэй был серьёзен, как анатом. Он терпеливо разбирал свёртки, откладывал, сдвигал, развёртывал и смотрел на свет такое множество алых полос, что прилавок, заваленный ими, казалось, вспыхнет. На носок сапога Грэя легла пурпурная волна; на его руках и лице блестел розовый отсвет. Роясь в лёгком сопротивлении шёлка, он различал цвета: красный, бледный розовый и розовый темный, густые закипи вишнёвых, оранжевых и мрачно-рыжих тонов; здесь были оттенки всех сил и значений, различные — в своём мнимом родстве, подобно словам: «очаровательно» — «прекрасно» — «великолепно» — «совершенно»; в складках таились намёки, недоступные языку зрения, но истинный алый цвет долго не представлялся глазам нашего капитана; что приносил лавочник, было хорошо, но не вызывало ясного и твёрдого «да». Наконец, один цвет привлёк обезоруженное внимание покупателя; он сел в кресло к окну, вытянул

из шумного шёлка длинный конец, бросил его на колени и, развалясь, с трубкой в зубах, стал созерцательно неподвижен.

Этот совершенно чистый, как алая утренняя струя, полный благородного веселья и царственности цвет являлся именно тем гордым цветом, какой разыскивал Грэй. В нём не было смешанных оттенков огня, лепестков мака, игры фиолетовых или лиловых намёков; не было также ни синевы, ни тени — ничего, что вызывает сомнение. Он рдел, как улыбка, прелестью духовного отражения. Грэй так задумался, что позабыл о хозяине, ожидавшем за его спиной с напряжением охотничьей собаки, сделавшей стойку. Устав ждать, торговец напомнил о себе треском оторванного куска материи.

— Довольно образцов, — сказал Грэй, вставая, — этот шёлк я беру.

— Весь кусок? — почтительно сомневаясь, спросил торговец. Но Грэй молча смотрел ему в лоб, отчего хозяин лавки сделался немного развязнее. — В таком случае, сколько метров?

Грэй кивнул, приглашая повременить, и высчитал карандашом на бумаге требуемое количество.

— Две тысячи метров. — Он с сомнением осмотрел полки. — Да, не более двух тысяч метров.

— Две? — сказал хозяин, судорожно подскакивая, как пружинный. — Тысячи? Метров? Прошу вас сесть, капитан. Не желаете ли взглянуть, капитан, образцы новых материй? Как вам будет угодно. Вот спички, вот прекрасный табак; прошу вас. Две тысячи... две тысячи по... — Он сказал цену, имеющую такое же отношение к настоящей, как клятва к простому «да», но Грэй был доволен, так как не хотел ни в чём торговаться. — Удивительный, наилучший шёлк, — продолжал лавочник, — товар вне сравнения, только у меня найдёте такой.

Когда он наконец весь изошёл восторгом, Грэй договорился с ним о доставке, взяв на свой счёт издержки, уплатил по счёту и ушёл, провожаемый хозяином с почестями китайского короля.

Грэй пригласил на «Секрет» музыкантов и объяснил команде смысл своих приготовлений: «Я еду к жене. Она ещё не жена мне, но будет ею. Мне нужны алые паруса, чтобы ещё издали, как условлено с нею, она заметила нас».

VI. Ассоль остаётся одна

Лонгрэн провёл ночь в море; он не спал, не ловил, а шёл под парусом без определённого направления, слушая плеск воды, смотря в тьму, обветриваясь и думая. В тяжёлые часы жизни ничто так не восстанавливало силы его души, как эти одинокие блуждания. Тишина,

*С. Бродский. Ассоль.
1960-е годы*

только тишина и безлюдье — вот что нужно было ему для того, чтобы все самые слабые и спутанные голоса внутреннего мира зазвучали понятно. Эту ночь он думал о будущем, о бедности, об Ассоль. Ему было крайне трудно покинуть её даже на время; кроме того, он боялся воскресить утихшую боль. Быть может, поступив на корабль, он снова вообразит, что там, в Каперне его ждёт не умиравший никогда друг, и возвращаясь, он будет подходить к дому с горем мёртвого ожидания. Мери никогда больше не выйдет из дверей дома. Но он хотел, чтобы у Ассоль было что есть, решив поэтому поступить так, как приказывает забота. (...)

Лонгрен ушёл наниматься на корабль. Ассоль, предчувствуя перемены в своей жизни, прощается с угольщиком Филиппом.

VII. Алый «Секрет»

Был белый утренний час; в огромном лесу стоял тонкий пар, полный странных видений. Неизвестный охотник, только что покинувший свой костёр, двигался вдоль реки; сквозь деревья сиял просвет её воздушных пустот, но прилежный охотник не подходил к ним, рассматривая свежий след медведя, направляющийся к горам.

Внезапный звук пронёсся среди деревьев с неожиданностью тревожной погони; это запел кларнет. Музыкант, выйдя на палубу, сыграл отрывок мелодии, полной печального, протяжного повторения. Звук дрожал, как голос, скрывающий горе; усилился, улыбнулся грустным переливом и оборвался. Далёкое эхо смутно напевало ту же мелодию.

Охотник, отметив след сломанной веткой, пробрался к воде. Туман ещё не рассеялся; в нём гасли очертания огромного корабля, медленно повертывающегося к устью реки. Его свёрнутые паруса ожили, свисая фестонами, расправляясь и покрывая мачты бессильными щитами огромных складок; слышались голоса и шаги. Береговой ветер, пробуя дуть, лениво теребил паруса; наконец, тепло солнца произвело нужный эффект; воздушный напор усилился, рассеял туман и вылился по реям в лёгкие алые формы, полные роз. Розовые тени скользили по белизне мачт и снастей, все было белым, кроме раскинутых, плавно движущихся парусов цвета глубокой радости.

Охотник, смотревший с берега, долго протирает глаза, пока не убедился, что видит именно так, а не иначе. Корабль скрылся за пово-

ротом, а он всё ещё стоял и смотрел; затем, молча пожав плечами, отправился к своему медведю.

Пока «Секрет» шёл руслом реки, Грэй стоял у штурвала, не доверяя руля матросу — он боялся мели. Пантен сидел рядом, в новой суконной паре, в новой блестящей фуражке, бритый и смиренно надутый. Он по-прежнему не чувствовал никакой связи между алым убранством и прямой целью Грэя.

— Теперь, — сказал Грэй, — когда мои паруса рдеют, ветер хорош, а в сердце моём больше счастья, чем у слона при виде небольшой булочки, я попытаюсь настроить вас своими мыслями, как обещал в Лиссе. Заметьте — я не считаю вас глупым или упрямым, нет; вы образцовый моряк, а это много стоит. Но вы, как и большинство, слушаете голоса всех нехитрых истин сквозь толстое стекло жизни; они кричат, но вы не услышите. Я делаю то, что существует, как старинное представление о прекрасном-несбыточном, и что, но существу, так же сбыточно и возможно, как загородная прогулка. Скоро вы увидите девушку, которая не может, не должна иначе выйти замуж, как только таким способом, какой развиваю я на ваших глазах.

Он сжато передал моряку то, о чём мы хорошо знаем, закончив объяснение так: — Вы видите, как тесно сплетены здесь судьба, воля и свойство характеров; я прихожу к той, которая ждёт и может ждать только меня, я же не хочу никого другого, кроме неё, может быть именно потому, что благодаря ей я понял одну нехитрую истину. Она в том, чтобы делать так называемые чудеса своими руками. Когда для человека главное — получать дражайший нятак, легко дать этот нятак, но, когда душа таит зерно пламенного растения — чуда, сделай ему это чудо, если ты в состоянии. Новая душа будет у него и новая у тебя. Когда начальник тюрьмы сам выпустит заключённого, когда миллиардер подарит писцу виллу, опереточную певицу и сейф, а жокей хоть раз попридержит лошадь ради другого коня, которому не везёт, — тогда все поймут, как это приятно, как невыразимо чудесно. Но есть не меньшие чудеса: улыбка, веселье, прощение, и — вовремя сказанное, нужное слово. Владеть этим — значит владеть всем. Что до меня, то наше начало — моё и Ассоль — останется нам навсегда в алом отблеске парусов, созданных глубиной сердца, знающего, что такое любовь. (...)

Некоторое время «Секрет» шёл пустым морем, без берегов; к полудню открылся далёкий берег. Взяв подзорную трубу, Грэй уставился на Каперну. Если бы не ряд крыш, он различил бы в окне одного дома Ассоль, сидящую за какой-то книгой. Она читала; по странице полз зеленоватый жучок, останавливаясь и приподнимаясь на передних лапах с видом независимым и домашним. Уже два раза был он без

досады сдунут на подоконник, откуда появлялся вновь доверчиво и свободно, словно хотел что-то сказать. На этот раз ему удалось добраться почти к руке девушки, державшей угол страницы; здесь он застрял на слове «смотри», с сомнением остановился, ожидая нового шквала, и, действительно, едва избёг неприятности, так как Ассоль уже воскликнула: «Опять жучишка... дурак!..» — и хотела решительно сдуть гостя в траву, но вдруг случайный переход взгляда от одной крыши к другой открыл ей на синей морской щели уличного пространства белый корабль с алыми парусами.

Она вздрогнула, откинулась, замерла; потом резко вскочила с головокруглительно падающим сердцем, вспыхнув неудержимыми слезами вдохновенного потрясения. «Секрет» в это время огибал небольшой мыс, держась к берегу углом левого борта; негромкая музыка лилась в голубом дне с белой палубы под огнём алого шёлка; музыка ритмических переливов, переданных не совсем удачно известными всем словами: «Налейте, налейте бокалы — и выпьем, друзья, за любовь»... — В её простоте, ликуя, развёртывалось и рокотало волнение.

Не помня, как оставила дом, Ассоль бежала уже к морю, подхваченная неодолимым ветром события; на первом углу она остановилась почти без сил; её ноги подкашивались, дыхание срывалось и гасло, сознание держалось на волоске. Вне себя от страха потерять волю, она топнула ногой и оправилась. Временами то крыша, то забор скрывали от неё алые паруса; тогда, боясь, не исчезли ли они, как простой призрак, она торопилась миновать мучительное препятствие и, снова увидев корабль, останавливалась облегчённо вздохнуть.

Тем временем в Каперне произошло такое замешательство, такое волнение, такая поголовная смута, какие не уступят аффекту знаменитых землетрясений. Никогда ещё большой корабль не подходил к этому берегу; у корабля были те самые паруса, имя которых звучало как издевательство; теперь они ясно и неопровержимо пылали с невинностью факта, опровергающего все законы бытия и здравого смысла. Мужчины, женщины, дети впопыхах мчались к берегу, кто в чём был; жители перекликались со двора в двор, наскакивали друг на друга, вопили и падали; скоро у воды образовалась толпа, и в эту толпу стремительно вбежала Ассоль. Пока её не было, её имя перелетало среди людей с нервной и угрюмой тревогой, с злобным испугом. Больше говорили мужчины; сдавленно, змеиным шипением всхлипывали остолбеневшие женщины, но если уж которая начинала трещать — яд забирался в голову. Как только появилась Ассоль, все смолкли, все со страхом отошли от неё, и она осталась одна среди пустоты знойного

песка, растерянная, пристыженная, счастливая, с лицом не менее алым, чем её чудо, беспомощно протянув руки к высокому кораблю.

От него отделилась лодка, полная загорелых гребцов; среди них стоял тот, кого, как ей показалось теперь, она знала, смутно помнила с детства. Он смотрел на неё с улыбкой, которая грела и торопила. Но тысячи последних смешных страхов одолели Ассоль; смертельно боясь всего — ошибки, недоразумений, таинственной и вредной помехи — она вбежала по пояс в тёплое колыхание волн, крича: — Я здесь, я здесь! Это я!

Тогда Циммер взмахнул смычком — и та же мелодия грянула по нервам толпы, но на этот раз полным, торжествующим хором. От волнения, движения облаков и волн, блеска воды и дали девушка почти не могла уже различать, что движется: она, корабль или лодка — всё двигалось, кружилось и опадало.

Но весло резко плеснуло вблизи неё; она подняла голову. Грэй нагнулся, её руки ухватились за его пояс. Ассоль зажмурилась; затем, быстро открыв глаза, смело улыбнулась его сияющему лицу и, запыхавшись, сказала: — Совершенно такой.

— И ты тоже, дитя моё! — вынимая из воды мокрую драгоценность, сказал Грэй. — Вот, я пришёл. Узнала ли ты меня?

Она кивнула, держась за его пояс, с новой душой и трепетно зажмуренными глазами. Счастье сидело в ней пушистым котёнком. Когда Ассоль решилась открыть глаза, покачиванье шлюпки, блеск волн, приближающийся, мощно ворочаясь, борт «Секрета», — всё было сном, где свет и вода качались, кружась, подобно игре солнечных зайчиков на струящейся лучами стене. Не помня — как, она поднялась по трапу в сильных руках Грэя. Палуба, крытая и увешанная коврами, в алых выплесках парусов, была как небесный сад. И скоро Ассоль увидела, что стоит в каюте — в комнате, которой лучше уже не может быть.

Тогда сверху, сотрясая и зарывая сердце в свой торжествующий крик, вновь кинулась огромная музыка. Опять Ассоль закрыла глаза, боясь, что всё это исчезнет, если она будет смотреть. Грэй взял её руки и, зная уже теперь, куда можно безопасно идти, она спрятала мокрое от слёз лицо на груди друга, пришедшего так волшебю. Бережно, но со смехом, сам потрясённый и удивлённый тем, что

Кадр из кинофильма «Алые паруса». Режиссёр А. Птушко. 1961 г.

наступила невыразимая, недоступная никому драгоценная минута, Грэй поднял за подбородок вверх это давным-давно пригрезившееся лицо, и глаза девушки, наконец, ясно раскрылись. В них было всё лучшее человека.

— Ты возьмёшь к нам моего Лонгрена? — сказала она.

— Да. — И так крепко поцеловал он её вслед за своим железным «да», что она засмеялась.

Теперь мы отойдём от них, зная, что им нужно быть вместе одним. Много на свете слов на разных языках и разных наречиях, но всеми ими, даже и отдалённо, не передашь того, что сказали они в день этот друг другу. (...)

Когда на другой день стало светать, корабль был далеко от Каперны. Часть экипажа как уснула, так и осталась лежать на палубе, поборотая вином Грэя; держались на ногах лишь рулевой да вахтенный, да сидевший на корме с грифом виолончели у подбородка задумчивый и хмельной Циммер. Он сидел, тихо водил смычком, заставляя струны говорить волшебным, неземным голосом, и думал о счастье...

Теория литературы

Понятие о символе

Понятие *символ* происходит от древнегреческого слова *symbolon*, которое дословно обозначает «знак, примета». Древние греки так называли половинки разрезанной палочки, которые использовали как опознавательный знак для незнакомых людей. В художественном произведении **СИМВОЛОМ** является предмет или слово, условно выражающее суть какого-либо явления. По значению символ близок к аллегории и метафоре, однако отличается от них практически неисчерпаемым количеством значений. В каждом употреблении символа мерцают все его значения, поэтому наличие символов очень сильно углубляет и расширяет значение художественного произведения.

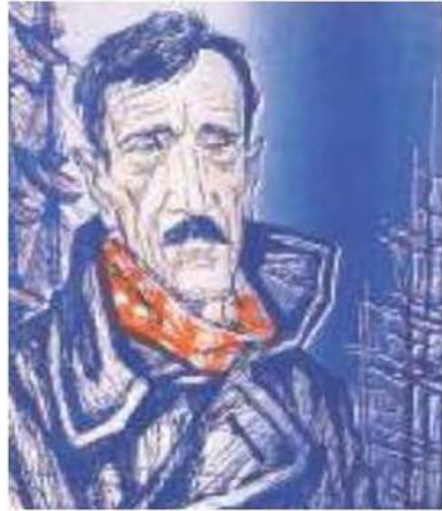
В повести «Алые паруса» встречается множество символов, например *корабль, шторм, замок, портретная галерея, рассвет* и др. Самый ёмкий символ — алые паруса. В тексте это словосочетание употребляется и в первоначальном значении; Грэй говорит: «Мне нужны *алые паруса*, чтобы ещё издали, как условлено с нею, она заметила нас». Вместе с тем мы можем распознать и другие значения — мечта, чудо, любовь, возвышенное восприятие жизни, сказка и т. д.

Творчество А. Грина многие годы привлекает внимание представителей разных видов искусств. Довольно часто художники пишут портреты, используя символы его произведений. На портрете писателя работы А. Харшака наше внимание привлекают корабли,

алый цвет. Множество работ посвятил миру А. Грина С. Бродский: портрет, иллюстрации к произведениям, оформление музея писателя в Феодосии. Среди иллюстраторов только повести «Алые паруса» десятки имён: Я. Анматис, С. Дацкевич, Н. Рушева, А. Харшак, А. Хрящевский, Е. Штанко и др.

Известны также музыкальные произведения, созданные по этой повести: одноимённая опера-феерия А. Богословского, мюзикл-сказка В. Лесовской, музыкальная феерия М. Дунаевского. Сняты также художественный фильм «Алые паруса» (режиссёр А. Птушко, 1961) и телефильм «Ассоль» (режиссёр Б. Степанцев, 1982). Подробнее о прочтении повести-сказки другими искусствами можно узнать на сайте «Мир красок и линий “Алых парусов”» (режим доступа: http://marsu.ru/science/libr/VirtV/grin/world_of_colors_and_lines.php), а также на официальном сайте Феодосийского литературно-мемориального музея А. С. Грина (режим доступа: <http://grinworld.org/index.htm>).

А. Харшак.
Портрет А. Грина. 1980 г.

Вопросы и задания

1. Когда и где Грэй увидел Ассоль? Что его поразило в девушке?
2. Что рассказал об Ассоль трактирщик? Почему угольщик назвал его вруном? Какие выводы о чертах характера трактирщика и угольщика можно сделать на основании их рассказов о девушке?
3. Как отнёсся к услышанному Грэй? Что стало для него решающим в мнении об Ассоль?
4. Почему Грэй решил воплотить в жизнь сказку Эгля? Как ему это удалось?
5. Какая роль в действиях Грэя принадлежит музыке?
6. Прав ли Грэй в том, что чудеса нужно создавать своими руками? Аргументируйте свой ответ примерами из повести.

7. Используя учебник и указанные сайты, рассмотрите иллюстрации С. Бродского к повести. Совпадает ли представление художника с вашим?

8. Выразительно прочитайте отрывок из пятой главы о поисках Грэем алого шёлка. Почему автор так подробно останавливается на значении этого цвета? Является ли алый цвет в повести символическим?

9. Выпишите из повести несколько символов и объясните их значение.
10. Напишите сочинение-размышление «Нужны ли алые паруса современному человеку?».

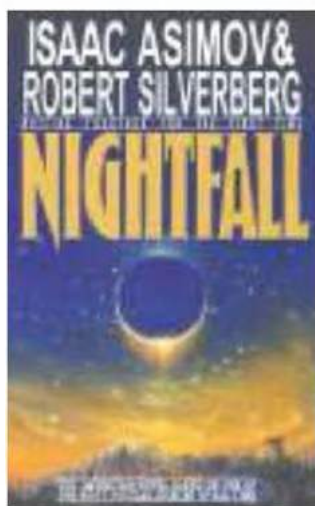
АЙЗЕК АЗИМОВ (1920–1992)

Американский писатель-фантаст Айзек Азимов (настоящее имя Исаак Озимов) родился в 1920 г. в еврейской семье в маленьком городке Петровичи неподалёку от г. Смоленска. Когда ему было три года, семья уехала в Америку. Ещё в детстве Исаак выделялся своими способностями: в пять лет научился читать. В семилетнем возрасте мальчик начал брать книги в городской библиотеке, в одиннадцать лет уже сочинял собственные истории, а в пятнадцать окончил среднюю школу и получил замечательный подарок от отца — пишущую машинку. Удивительно то, что всё время мальчик посвящал отнюдь не громким успехам, а работе в семейной кондитерской лавке. В автобиографии Айзек Азимов писал, что он работал по десять часов в день семь раз в неделю. Стоит ли удивляться, что писатель за свою жизнь создал более пятисот книг.

Свой первый рассказ он опубликовал в 1939 г. Через два года к нему пришла известность — после публикации рассказа *«Приход ночи»*. В нём повествуется о планете, где ночь бывает раз в 2049 лет. Идеи писателя, высказанные в произведениях, побуждали учёных делать реальные открытия, например изобретать роботов.

В то же время Айзек Азимов защитил докторскую диссертацию по биохимии, успешно преподавал в университете, был активным болельщиком нью-йоркской бейсбольной команды, писал дневник, интересовался различными науками. Первая научно-популярная книга для юной аудитории называлась *«Химия жизни»*, за ней последовали книги об астрономии, физике, биологии, математике, античной истории и т. д.

Обложка к рассказу
Айзека Азимова
«Приход ночи».
1990 г.

Рассказ *«Профессия»* был создан в 1957 г. Он интересен и картинами фантастического будущего, и борьбой главного героя Джорджа Плейтена за воплощение своей мечты стать программистом. Можно предположить, что в нём иллюстрируется афористическое суждение Айзека Азимова: *«Фантастика показывает риски, предостерегает от ошибок, открывает возможные выгоды и шансы»*.

ПРОФЕССИЯ

(В сокращении)

Джордж Плейтен сказал с плохо скрытой тоской в голосе:

— Завтра первое мая. Начало Олимпиады!

Он перевернулся на живот и через спинку кровати пристально посмотрел на своего товарища по комнате. Неужели он не чувствует того же? Неужели мысль об Олимпиаде совсем его не трогает?

У Джорджа было худое лицо, черты которого ещё более обострились за те полтора года, которые он провёл в приюте. Он был худощав, но в его синих глазах горел прежний неуёмный огонь, а в том, как он сейчас вцепился пальцами в одеяло, было что-то от затравленного зверя.

Его сосед по комнате на мгновение оторвался от книги и заодно отрегулировал силу свечения стены, у которой сидел. Его звали Хали Омани, он был нигерийцем. Тёмно-коричневая кожа и крупные черты лица Хали Омани, казалось, были созданы для того, чтобы выражать только одно спокойствие, и упоминание об Олимпиаде несколько его не взволновало.

— Я знаю, Джордж, — произнёс он.

— Сейчас на Землю за новыми специалистами прилетают космические корабли, — произнёс Джордж. — К июню тысячи и тысячи этих кораблей, неся на борту миллионы мужчин и женщин, отправятся к другим мирам, и всё это, по-твоему, ничего не значит?

— Абсолютно ничего. И вообще, какое мне дело до того, что завтра первое мая? (...)

В восемнадцать лет Джордж Плейтен твёрдо знал, что станет дипломированным программистом, — он стремился к этому с тех пор, как себя помнил. Среди его приятелей одни отстаивали космонавтику, другие — холодильную технику, третьи — организацию перевозок, и даже административную деятельность. Но Джордж не колебался. Он с таким же жаром, как и все остальные, обсуждал преимущества облюбованной профессии. Это было вполне естественно. Впереди их всех ждал День образования — поворотный день их жизни. Он приближался, неизбежный и неотвратимый, — первое ноября того года, когда им исполнится восемнадцать лет. (...)

Эта тема была постоянным предметом споров между Джорджем и Коротышкой Тревелияном. Как все закадычные друзья, они спорили до бесконечности, не скупясь на язвительные насмешки, и в результате оба оставались при своём мнении. (...)

Джордж был абсолютно спокоен за своё будущее. (Впоследствии, в дни безнадёжности и отчаяния, именно это воспоминание стало самым мучительным.) Он был так же непоколебимо уверен в себе, как

любой восьмилетний ребёнок накануне Дня чтения, этого преддверия следующего за ним через десять лет Дня образования.

Ну, конечно, День чтения во многом отличался от Дня образования. Во-первых, следует учитывать особенности детской психологии. Ведь восьмилетний ребёнок легко воспринимает многие самые необычные явления. И то, что вчера он не умел читать, а сегодня уже умеет, кажется ему само собой разумеющимся. Как солнечный свет, например. А во-вторых, от этого дня зависело не так уж много. После него толпы вербовщиков не теснились перед списками, с нетерпением ожидая, когда будут объявлены результаты ближайшей Олимпиады. День чтения практически ничего не менял в жизни детей, и они ещё десять лет оставались под родительской кровлей, как и все их сверстники. Просто после этого дня они уже умели читать.

И Джордж, готовясь к Дню образования, почти не помнил подробностей того, что произошло с ним в День чтения, десять лет назад. Он, правда, не забыл, что день выдался пасмурный и моросил сентябрьский дождь. (День чтения — в сентябре. День образования — в ноябре, Олимпиада — в мае. На эту тему сочиняли даже детские стишки.) (...)

Детей собрали в просторном зале городского Дома образования. В этот месяц во всех уголках Земли в миллионах местных Домов образования собирались такие же группы детей. (...)

Человек за письменным столом сказал:

— Меня зовут доктор Ллойд. Как ты себя чувствуешь, Джордж?

Произнося эту фразу, доктор не поднял головы. Казалось, он повторял эти слова так часто, что ему уже не нужно было смотреть на того, к кому он обращался.

— Хорошо.

— Ты боишься, Джордж?

— Н-нет, сэр, — ответил Джордж, и даже от него самого не укрылось, как испуганно прозвучал его голос.

— Вот и прекрасно, — произнёс доктор. — Ты же знаешь, что бояться нечего. Ну-ка, Джордж, посмотрим! На твоей карточке написано, что твоего отца зовут Питер и что по профессии он дипломированный трубопрокладчик. Имя твоей матери Эми, и она дипломированный специалист по домоведению. Правильно?

— Д-да, сэр.

— А ты родился 13 февраля и год назад перенёс инфекционное заболевание уха. Так?

— Да, сэр.

— А ты знаешь, откуда мне это известно?

— Я думаю, всё это есть на карточке.

— Совершенно верно, — доктор в первый раз взглянул на Джорджа и улыбнулся, показав ровные зубы. На вид он был гораздо моложе отца Джорджа — и Джордж несколько успокоился.

Доктор протянул ему карточку.

— Ты знаешь, что означают эти значки?

И хотя Джорджу было отлично известно, что этого он не знает, от неожиданности он взглянул на карточку с таким вниманием, словно по велению судьбы внезапно научился читать. Но значки по-прежнему оставались непонятными, и он вернул карточку доктору.

— Нет, сэр.

— А почему?

У Джорджа вдруг мелькнуло подозрение: а не сошёл ли с ума этот доктор? Разве он этого не знает сам?

— Потому что я не умею читать, сэр.

— А тебе хотелось бы научиться читать?

— Да, сэр.

— А зачем, Джордж?!

Джордж в недоумении вытаращил глаза. Никто никогда не задавал ему такого вопроса, и он растерялся.

— Я не знаю, сэр, — запинаясь, произнёс он.

— Печатная информация будет руководить тобой всю твою жизнь. Даже после Дня образования тебе предстоит узнать ещё очень многое. И эти знания ты будешь получать из таких вот карточек, из книг, с телевизионных экранов. Печатные тексты расскажут тебе столько полезного и интересного, что не уметь читать было бы так же ужасно, как быть слепым. Тебе это понятно?

— Да, сэр.

— Ты боишься, Джордж?

— Нет, сэр.

— Отлично. Теперь я объясню тебе, с чего мы начнём. Я приложу вот эти провода к твоему лбу над уголками глаз. Они приклеятся к коже, но не причинят тебе никакой боли. Потом я включу аппарат и раздастся жужжание. Оно покажется тебе непривычным, и, возможно, тебе будет немного щекотно, но это тоже совершенно безболезненно. Впрочем, если тебе всё-таки станет больно, ты мне скажешь, и я тут же выключу аппарат. Но больно не будет. Ну, как, договорились?

Судорожно глотнув, Джордж кивнул.

— Ты готов?

Джордж снова кивнул. С закрытыми глазами он ждал, пока доктор готовил аппаратуру. Родители не раз рассказывали ему про всё это. Они тоже говорили, что ему не будет больно.

Разум человека.

Современная компьютерная графика

Он не почувствовал прикосновения проводов к вискам. Жужжание доносилось откуда-то издалека, и его заглушал звук стучавшей в ушах крови, такой гулкой, словно всё происходило в большой пустой пещере. Джордж рискнул медленно открыть глаза.

Доктор стоял к нему спиной. Из одного аппарата ползла узкая лента бумаги, на которой виднелась волнистая фиолетовая линия. Доктор отрывал кусочки этой ленты и вкладывал их в прорезь другой машины. Он снова и снова повторял это, и каждый раз машина выбрасывала небольшой кусочек плёнки, который доктор внимательно рассматривал. Наконец, он повернулся к Джорджу, как-то странно нахмутив брови.

Жужжание прекратилось.

— Уже всё? — прошептал Джордж.

— Да, — не переставая хмуриться, произнёс доктор.

— И я уже умею читать? — Джордж не чувствовал в себе никаких изменений.

— Что? — переспросил доктор, и на его губах мелькнула неожиданная улыбка. — Всё идёт, как надо, Джордж. Читать ты будешь через пятнадцать минут. А теперь мы воспользуемся другой машиной, и это уже будет немного дольше. Я закрою тебе всю голову, и, когда я включу аппарат, ты на некоторое время перестанешь видеть и слышать, но тебе не будет больно. На всякий случай я дам тебе в руку выключатель. Если ты всё-таки почувствуешь боль, нажми вот эту маленькую кнопку, и всё прекратится. Хорошо?

Позже Джорджу довелось услышать, что это был не настоящий выключатель и его давали ребёнку только для того, чтобы он чувствовал себя спокойнее. Однако он не знал твёрдо, так ли это, поскольку сам кнопки не нажимал.

Ему надели на голову большой шлем обтекаемой формы, выложенный изнутри резиной. Три-четыре небольшие выпуклости присосались к его черепу, но он ощутил лишь лёгкое давление, которое тут же исчезло. Боли не было.

Откуда-то глухо донёсся голос доктора:

— Ну, как, Джордж, всё в порядке?

И тогда, без всякого предупреждения, его как будто окутал толстый слой войлока. Он перестал ощущать собственное тело, исчезли чувства,

весь мир, вся Вселенная. Остался лишь он сам и доносившийся из бездонных глубин небытия голос, который что-то шептал ему... шептал... шептал... Он напряжённо старался услышать и понять хоть что-нибудь, но между ним и шёпотом лежал толстый войлок. Потом с него сняли шлем. Яркий свет ударил ему в глаза, а голос доктора отдавался в ушах барабанной дробью.

— Вот твоя карточка, Джордж. Скажи, что на ней написано?

Джордж снова взглянул на карточку — и вскрикнул. Значки обрели смысл! Они слагались в слова, которые он понимал так отчётливо, будто кто-то подсказывал их ему на ухо. Он был уверен, что именно слышал их.

— Так что же на ней написано, Джордж?

— На ней написано... написано... «Плейтен Джордж. Родился 13 февраля 6492 года, родители Питер и Эми Плейтен, место...» — от волнения он не мог продолжать.

— Ты умеешь читать, Джордж, — сказал доктор. — Всё уже позади.

— И я никогда не разучусь? Никогда?

— Ну конечно же, нет. — Доктор наклонился и серьёзно пожал ему руку. — А сейчас тебя отправят домой.

Прошёл не один день, прежде чем Джордж освоился со своей новой, замечательной способностью. Он так бегло читал отцу вслух, что Плейтен старший не смог сдержать слёз умиления и поспешил поделиться этой радостной новостью с родственниками.

Джордж бродил по городу, читая все попадавшиеся ему по пути надписи, и не переставал удивляться тому, что было время, когда он их не понимал. Он пытался вспомнить, что это такое — не уметь читать, и не мог. Ему казалось, будто он всегда умел читать. Всегда.

К восемнадцати годам Джордж превратился в смуглого юношу среднего роста, но благодаря худобе он выглядел выше, чем был на самом деле. А коренастый, широкоплечий Тревельян, который был ниже его разве что на дюйм, по-прежнему выглядел настоящим коротышкой. Однако за последний год он стал очень самолюбив и никому не позволял безнаказанно употреблять это прозвище. Впрочем, настоящее имя нравилось ему ещё меньше, и его называли просто Тревельяном или каким-нибудь прилично звучащим сокращением фамилии. (...)

В том же зале, что и десять лет назад, когда им записали программу чтения, юноши с нетерпением ожидают автоматического определения своей профессии. Уверенность в своём будущем не покидала Джорджа. Когда назвали его фамилию, он почувствовал себя счастливым.

— Джордж Плейтен? — спросил человек, сидевший за столом.

На миг в сознании Джорджа с необыкновенной чёткостью возник образ другого человека, который десять лет назад задал такой же вопрос, и ему вдруг показалось, что перед ним тот же доктор, а он, Джордж, переступив порог, снова превратился в восьмилетнего мальчугана.

Сидевший за столом поднял голову — его лицо, конечно, не имело ничего общего с образом, всплывшим из глубин памяти Джорджа. У этого нос был картошкой, волосы жидкие и спутанные, а под подбородком висела складка, словно прежде он был очень толстым, а потом вдруг сразу похудел.

— Ну? — раздражённо произнес он.

Джордж очнулся.

— Да, я Джордж Плейтен, сэр.

— Так и говорите. Я — доктор Зэкери Антонелли. Сейчас мы с вами познакомимся поближе.

Он пристально, по-совиному, разглядывал на свет маленькие кусочки плёнки. Джордж внутренне содрогнулся. Он смутно вспомнил, что тот, другой доктор (он забыл, как его звали) тоже рассматривал такую же плёнку. Неужели это та самая? Тот хмурился, а этот взглянул на него сейчас так, как будто его что-то рассердило.

Джордж уже не чувствовал себя счастливым.

Доктор Антонелли раскрыл довольно пухлую панку и осторожно отложил в сторону плёнки.

— Тут сказано, что вы хотите стать программистом вычислительных машин.

— Да, доктор.

— Вы не передумали?

— Нет, сэр.

— Это очень ответственная и сложная профессия. Вы уверены, что она вам по силам?

— Да, сэр.

— Большинство людей, ещё не получивши образования, не называют никакой конкретной профессии. Видимо, они боятся повредить себе.

— Наверное так, сэр.

— А вас это не пугает?

— Я полагаю, что лучше быть откровенным, сэр.

Доктор Антонелли кивнул, но выражение его лица осталось прежним.

— Почему вы хотите стать программистом?

— Как вы только что сказали, сэр, это ответственная и сложная профессия. Программисты выполняют важную и интересную работу. Мне она нравится, и я думаю, что справлюсь с ней.

Доктор Антонелли отодвинул папку и кисло взглянул на Джорджа.

— Откуда вы знаете, что она вам понравится? Вы, наверное, думаете, что вас тут же подхватит какая-нибудь планета класса А?

«Он пробует запугать меня, — с тревогой подумал Джордж. — Спокойно, Джордж, говори правду».

— Мне кажется, что у программиста на это большие шансы, — произнёс он, — но, даже если бы меня оставили на Земле, работа эта мне всё равно нравилась бы, я знаю. («Во всяком случае, это так и я не лгу», — подумал Джордж.)

— Пусть так, но откуда вы это знаете?

Джордж рассказал доктору, что тайно читал книги о программировании. Антонелли убеждает юношу в том, что при помощи самостоятельных занятий невозможно изменить структуру мозга, склонность к той или иной профессии.

Погрузившись в мрачное раздумье, доктор Антонелли переключал с места на место кусочки плёнки, которые рассматривал в начале их разговора. Наконец он произнёс:

— Займёмся-ка вашим анализом. Так мы ничего не добьёмся.

К вискам Джорджа приложили провода. Раздалось жужжание, и снова в его мозгу возникло ясное воспоминание о том, что происходило с ним в этом здании десять лет назад.

Руки Джорджа были липкими от пота, его сердце отчаянно колотилось. Зачем, зачем он сказал доктору, что тайком читает книги? Всему виной было его проклятое тщеславие. Ему захотелось щегольнуть своей предприимчивостью и самостоятельностью, а вместо этого он продемонстрировал своё суеверие и невежество и восстановил доктора против себя. (Он чувствовал, что Антонелли возненавидел его за самодовольную развязность.) А теперь он довёл себя до такого возбуждения, что анализатор, конечно, покажет полную бессмыслицу.

Он не заметил, когда именно с его висков сняли провода. Он только вдруг осознал, что доктор стоит перед ним и задумчиво смотрит на него. А проводов уже не было. Отчаянным усилием воли Джордж взял себя в руки. Он полностью распротился с мечтой стать программистом. За каких-нибудь десять минут она окончательно рассеялась.

— Наверно, нет? — уныло спросил он.

— Что нет?

— Из меня не выйдет программиста?

Доктор потёр нос и сказал:

— Одевайтесь, заберите свои вещи и идите в комнату 15-С. Там вас будут ждать ваши бумаги и моё заключение.

— Разве я уже получил образование? — изумлённо спросил Джордж. — Мне казалось, что это только...

Доктор Антонелли внимательно посмотрел на письменный стол.

— Вам всё объяснят. Делайте, как я сказал.

Джордж почувствовал смятение. Что от него утаивают? Он годится только для профессии дипломированного чернорабочего, и его хотят подготовить, заставить смириться с этой судьбой? Он сразу полностью уверовал в правильность своей догадки, и ему пришлось напрячь все силы, чтобы не закричать. (...)

Джорджа поместили в приют для тех, кто не получил профессии. Постепенно он начал читать книги, попробовал делать то же, что и остальные жители приюта: учиться в классе — добывать знания «по капле», убирать в комнате, помогать на кухне, работать в парке. Но его продолжало мучить то, что ему отказали в освоении профессии. Это чувство обострилось к началу мая, когда на Земле проходила Олимпиада — состязание специалистов определённой профессии. Победители получали лучшие условия труда, могли улететь с Земли. Он решил уйти из приюта, чтобы восстановить в отношении себя справедливость. Джордж поехал в аэропорт, глубоко страдая от того, что у него нет профессии. Он попал в город во время проведения профессиональных состязаний.

Джордж остро почувствовал своё одиночество. Он остановился возле стенда с названием «Металлурги» и увидел, что заказчиком соревнований является Нювия, планета, на которую он рассчитывал попасть, если станет программистом. Среди участников под номером двенадцать он увидел Тревельяна. С горечью он отметил, что его друг смог осуществить свою мечту, а он нет. Джордж захотел посмотреть, как будет соревноваться его друг. Несколько раз внимание Джорджа привлёк дружелюбно настроенный седой мужчина. Юноша занервничал, почувствовав за собой слежку. Тем временем началось соревнование металлургов.

(...) Теперь ему казалось, что он всегда задавал глупые вопросы. Как будто его разум инстинктивно предвидел свою неспособность к образованию и придумывал всяческие расспросы, чтобы хоть по обрывкам собрать побольше знаний. А в приюте поощряли его любознательность, проповедуя то же, к чему инстинктивно стремился его разум. Единственный открытый ему путь!

*А. Макки. Научная фантастика.
Середина 1970-х — 1980-е годы*

Внезапно он выпрямился. Чёрт возьми, что это он? Чуть было не попался на их удочку! Неужели он сдастся только потому, что там перед ним Трев, получивший образование и участвующий в Олимпиаде?

Нет, он не слабоумный! Нет!!

И, словно в ответ на этот мысленный вопль протеста, зрители вокруг

зашумели. Все встали. В ложу, расположенную в самом центре длинной дуги овала, входили люди, одетые в цвета планеты Новия, и на главном табло над их головами вспыхнуло слово «Новия».

Новия была планетой класса А с большим населением и высоко-развитой цивилизацией, быть может, самой лучшей во всей Галактике. Каждый землянин мечтал когда-нибудь поселиться в таком мире, как Новия, или, если ему это не удастся, увидеть там своих детей. Джордж вспомнил, с какой настойчивостью стремился к Новии Тревельян, и вот теперь он состязается за право уехать туда.

Лампы над головами зрителей погасли, потухли и стены. Поток яркого света хлынул вниз, туда, где находились участники состязания. Джордж снова попытался рассмотреть Тревельяна. Но тот был слишком далеко.

— Уважаемые новианские заказчики, уважаемые дамы и господа! — раздался отчётливый, хорошо поставленный голос диктора. — Сейчас начнутся Олимпийские состязания металлургов, специалистов по цветным металлам. В состязании принимают участие...

С добросовестной аккуратностью диктор прочитал список, приведённый в программе. Фамилии, названия городов, откуда прибыли участники, год получения образования. Зрители встречали каждое имя аплодисментами, и самые громкие доставались на долю жителей Сан-Франциско. Когда очередь дошла до Тревельяна, Джордж неожиданно для самого себя бешено завопил и замахал руками. Но ещё больше его удивило то, что сидевший рядом с ним седой мужчина повёл себя точно так же.

Джордж не мог скрыть своего изумления, и его сосед, наклонившись к нему и напрягая голос, чтобы перекричать шум, произнёс:

— У меня здесь нет земляков. Я буду болеть за ваш город. Это ваш знакомый?

Джордж отодвинулся, насколько мог.

— Нет.

— Я заметил, что вы всё время смотрите в том направлении. Не хотите ли воспользоваться моим биноклем?

— Нет, благодарю вас. (Почему этот старый дурак суёт нос не в своё дело?)

Диктор продолжал сообщать другие официальные сведения, касавшиеся номера состязания, метода хронометрирования и подсчитывания очков. Наконец он дошел до самого главного, и публика замерла, обратившись в слух.

— Каждый участник состязания получит по бруску сплава неизвестного для него состава. От него потребуются произвести количественный анализ этого сплава и сообщить все результаты с точностью до

четырёх десятых процента. Для этого все соревнующиеся будут пользоваться микроспектрографами Бимена, модель MD-2, каждый из которых в настоящее время неисправен.

Зрители одобрительно зашумели.

— Каждый участник должен будет определить неисправность своего прибора и ликвидировать её. Для этого им даны инструменты и запасные детали. Среди них может не оказаться нужной детали, и её надо будет затребовать. Время, которое займёт доставка, вычитается из общего времени, затраченного на выполнение задания. Все участники готовы? Можете начинать!

Разумеется, ни один из зрителей не имел возможности непосредственно определить, как продвигается работа у каждого участника. Некоторое представление об этом могли дать только надписи, вспыхивавшие на табло. Впрочем, это не имело ни малейшего значения. Среди зрителей только металлург, окажись он здесь, мог бы разобраться в сущности состязания. Но важно было, кто победит, кто займет второе, а кто — третье место. Для тех, кто ставил на участников (а этому не могли помешать никакие законы), только это было важно. Всё прочее их не интересовало.

Джордж следил за состязанием так же жадно, как и остальные, поглядывая то на одного участника, то на другого.

Тревелиян закончил состязание предпоследним. Это было поражение. Джордж захотел с ним поговорить. Тревелиян скорее удивился, чем обрадовался появлению Джорджа. Но ему нужен был слушатель. Трев раздражённо обвинил в своём поражении систему образования. По его мнению, для образования ребят из больших городов применяют ленты с расширенным спектром сведений. На его ленте не было информации о микроспектрографе Бимена, использованном в состязании. Когда Джордж заметил, что Трев мог самостоятельно узнать что-то о приборе, он пришёл в бешенство. Их встреча чуть не закончилась обычной для них дракой. От неизбежного разоблачения Джорджа спас случайный знакомый, седой мужчина, который оказался дипломированным историком Ладисласом Индженеску. От Джорджа не укрылось то, с каким почтением отнёсся к нему полицейский. Индженеску назвал юношу своим гостем и пригласил пообедать в своём номере. Во время разговора он сообщил, что занимается историей и социологией, рассказал, почему сложилась именно такая система образования.

— Ну, а что же такое социология?

— Социология — это наука, которая занимается изучением человеческого общества и отдельных его ячеек и делится на множество специализированных отраслей, так же как, например, зоология. Так, существуют культурологи, изучающие культуру, её рост, развитие и упадок. Культура, — добавил он, предупреждая вопрос Джорджа, —

это совокупность всех сторон жизни. К культуре относится, например, то, каким путем мы зарабатываем себе на жизнь, от чего получаем удовольствие, во что верим, наши представления о хорошем и плохом и так далее. Вам это понятно? (...) Историк специализируется на изучении развития нашего общества в прошлом, а также обществ с другими культурами.

Джорджу стало интересно.

— А разве в прошлом что-то было по-другому?

— Ещё бы! Тысячу лет назад не было образования, то есть образования, как мы понимаем его теперь.

— Знаю, — произнес Джордж. — Люди учились по книгам, собирая знания по крупицам.

— Откуда вы это знаете?

— Слышал, — осторожно ответил Джордж и добавил: — А какой смысл думать о том, что происходило в далеком прошлом? Я хочу сказать, что ведь со всем этим уже покончено, не правда ли?

— С прошлым никогда не бывает покончено, мой друг. Оно объясняет настоящее. Почему, например, у нас существует именно такая система образования?

Джордж беспокойно заёрзал. Слишком уж настойчиво его собеседник возвращался к этой теме.

— Потому что она самая лучшая, — отрезал он.

— Да. Но почему она самая лучшая? Послушайте меня минутку, и я попытаюсь объяснить. А потом вы мне скажете, есть ли смысл в изучении истории. Даже до того, как начались межзвездные полеты... — Он внезапно умолк, заметив на лице Джорджа выражение глубочайшего изумления. — Неужели вы считали, что так было всегда?

— Я никогда не задумывался над этим, сэр.

— Вполне естественно.

Однако четыре-пять тысяч лет назад человечество было приковано к Земле. Но и тогда уже техника достигла высокого уровня развития, а численность населения увеличилась настолько, что любое торможение техники привело бы к массовому голоду и эпидемиям. Для того чтобы уровень техники не снижался и соответствовал росту населения, нужно было готовить всё больше инженеров и учёных. Однако по мере развития науки на их обучение требовалось всё больше и больше времени. Когда же впервые были открыты способы межпланетных, а затем и межзвёздных полётов, эта проблема стала ещё острее. Собственно говоря, из-за недостатка специалистов человечество в течение почти полутора тысяч лет не могло по-настоящему колонизировать планеты, находящиеся за пределами Солнечной системы. Перелом

наступил, когда был установлен механизм хранения знаний в человеческом мозгу. Как только это было сделано, появилась возможность создать образовательные ленты на основе этого механизма таким образом, чтобы сразу вкладывать в мозг определённое количество, так сказать, готовых знаний. Впрочем, это-то вы знаете. Это позволило выпускать тысячи и миллионы специалистов, и мы смогли приступить к тому, что впоследствии назвали «заполнением Вселенной». Сейчас в Галактике уже существует полторы тысячи населённых планет, и число их будет возрастать до бесконечности. Вы понимаете, что из этого следует? Земля экспортирует образовательные ленты, предназначенные для подготовки специалистов низкой квалификации, и это обеспечивает единство культуры для всей Галактики. Так, например, благодаря лентам чтения мы все говорим на одном языке... Не удивляйтесь. Могут быть и иные языки, и в прошлом люди на них говорили. Их были сотни. Земля, кроме того, экспортирует высококвалифицированных специалистов, и численность её населения не превышает допустимого уровня. Поскольку при вывозе специалистов соблюдается равновесие полов, они образуют самовоспроизводящиеся ячейки, и это способствует росту населения на тех планетах, где в этом есть необходимость. Более того, за ленты и специалистов платят сырьём, в котором мы очень нуждаемся и от которого зависит наша экономика. Теперь вы поняли, почему наша система образования действительно самая лучшая?

— Да, сэр.

— И вам легче понять это, зная, что без неё в течение полутора тысяч лет было невозможно колонизировать планеты других солнечных систем?

— Да, сэр.

— Значит, вы видите, в чём польза истории? — Историк улыбнулся. — А теперь скажите, догадались ли вы, почему я вами интересуюсь?

Джордж мгновенно вернулся из пространства и времени назад к действительности. Видимо, Индженеску неспроста завёл этот разговор. Вся его лекция была направлена на то, чтобы атаковать его неожиданно.

— Почему же? — неуверенно спросил он, снова насторожившись.

— Социологи изучают общество, а общество состоит из людей.

— Ясно.

— Но люди не машины. Специалисты в области точных наук работают с машинами. А машина требует строго определённого количества знаний, и эти специалисты знают о ней всё. Более того, все машины данного рода почти одинаковы, так что индивидуальные особенности ма-

шины не представляют для них интереса. Но люди... О, они так сложны и так отличаются друг от друга, что социолог никогда не знает о них всё или хотя бы значительную часть того, что можно о них знать. Чтобы не утратить квалификации, он должен постоянно изучать людей, особенно необычные экземпляры.

— Вроде меня, — глухо произнёс Джордж.

— Конечно, называть вас экземпляром невежливо, но вы человек необычный. Вы стоите того, чтобы вами заняться, и, если вы разрешите мне это, я в свою очередь по мере моих возможностей помогу вам в вашей беде.

В мозгу Джорджа кружился смерч. Весь этот разговор о людях и о колонизации, ставшей возможной благодаря образованию... Как будто кто-то разбивал и дробил заскорузлую, спёкшуюся корку мыслей.

Джордж соглашается принять помощь Индженеску, но требует встречи с новианином. Социолог организует разговор по видеотелефону. Джордж, волнуясь, предлагает новианину отказаться от специалистов, подготовленных с помощью лент, и обучать их на Новии по книгам. Он говорит, что обучение по лентам попросту вредно. Человек с таким образованием не сможет придумывать новое, мыслить самостоятельно. Новианин отказывается от этого предложения, поскольку оно экономически невыгодно для их планеты. Джордж разочарован, но готов бороться дальше. Готовность Индженеску помочь ему наконец-то получает объяснение: социолог связан с приютом. Он снова оказался в приюте, где Омани объяснил, что с ним произошло.

— Ты всё время был под наблюдением. Мы считали, что тебе следует побывать у Антонелли, чтобы ты мог дать выход своим агрессивным потребностям. Нам казалось, что другого способа нет. Эмоции тормозили твоё развитие.

— Я был к нему очень несправедлив, — с лёгким смущением произнёс Джордж.

— Теперь это не имеет значения. Когда в аэропорту ты остановился у стенда металлургов, один из наших агентов сообщил нам список участников. Мы с тобой говорили о твоём прошлом достаточно, для того чтобы я мог понять, как подействует на тебя фамилия Тревельяна. Ты спросил, как попасть на эту Олимпиаду. Это могло привести к кризису, на который мы надеялись, и мы послали в зал Ладисласа Индженеску, чтобы он занялся тобой сам.

А. Макки. Научная фантастика.
Середина 1970-х — 1980-е годы

— Он ведь занимает важный пост в правительстве?

— Да.

— И вы послали его ко мне. Выходит, что я сам много значу.

— Ты действительно много значишь, Джордж. (...)

— Ну, во всяком случае, мне всё стало ясно, словно я всегда знал это, но не хотел прислушаться к внутреннему голосу. «Чего я ждал от Новии?» — подумал я. Я хотел отправиться на Новию, чтобы собрать группу юношей, не получивших образования, и учить их по книгам. Я хотел открыть там приют для слабоумных... вроде этого... а на Земле уже есть такие приюты... и много.

Омани улыбнулся, сверкнув зубами.

— Институт высшего образования — вот как точно называются эти заведения.

— Теперь-то я это понимаю, — сказал Джордж, — до того ясно, что только удивляюсь, каким я был слепым. В конце концов, кто изобретает новые модели механизмов, для которых нужны новые модели специалистов? Кто, например, изобрёл спектрограф Бимена? По-видимому, человек по имени Бимен. Но он не мог получить образование через зарядку, иначе ему не удалось бы продвинуться вперёд.

— Совершенно верно.

— А кто создаёт образовательные ленты? Специалисты по производству лент? А кто же тогда создаёт ленты для их обучения? Специалисты более высокой квалификации? А кто создаёт ленты... Ты понимаешь, что я хочу сказать. Где-то должен быть конец. Где-то должны быть мужчины и женщины, способные к самостоятельному мышлению.

— Ты прав, Джордж.

Джордж откинулся на подушки и устремил взгляд в пространство. На какой-то миг в его глазах мелькнула тень бывшего беспокойства.

— Почему мне не сказали об этом с самого начала?

— К сожалению, это невозможно, — ответил Омани. — А так мы были бы избавлены от множества хлопот. Мы умеем анализировать интеллект, Джордж, и определять, что вот этот человек может стать отличным архитектором, а тот — хорошим плотником. Но мы не умеем определять, способен ли человек к творческому мышлению. Это слишком тонкая вещь. У нас есть несколько простейших способов, позволяющих распознавать тех, кто, быть может, обладает такого рода талантом. Об этих индивидах сообщают сразу после Дня чтения, как, например, сообщили о тебе. Их приходится примерно один на десять тысяч. В День образования этих людей проверяют снова, и в девяти случаях из десяти оказывается, что произошла ошибка. Тех, кто остаётся, посылают в такие заведения, как это.

— Но почему нельзя сказать людям, что один из... из ста тысяч попадает в такое заведение? — спросил Джордж. — Тогда тем, с кем это случается, было бы легче. (...)

— Мы помещаем вас сюда, в приют для слабоумных, и тот, кто не желает смириться с этим, и есть человек, которого мы ищем. Быть может, это жестокий метод, но он себя оправдывает. Нельзя же сказать человеку: «Ты можешь творить. Так давай, твори». Гораздо вернее подождать, пока он сам не скажет: «Я могу творить, и я буду творить, хотите вы этого или нет». Есть около десяти тысяч людей, подобных тебе, Джордж, и от них зависит технический прогресс полутора тысяч миров. Мы не можем позволить себе потерять хотя бы одного из них или тратить усилия на того, кто не вполне отвечает необходимым требованиям.

Джордж отодвинул пустую тарелку и поднёс к губам чашку с кофе.

— А как же с теми, которые... не вполне отвечают требованиям?

— В конце концов они проходят зарядку и становятся социологами. Индженеску — один из них. Сам я — дипломированный психолог. Мы, так сказать, составляем второй эшелон.

Джордж допил кофе.

— Мне всё ещё непонятно одно, — сказал он.

— Что же?

Джордж сбросил простыню и встал.

— Почему состязания называются Олимпиадой?

(Перевод С. Васильевой)

Теория литературы

Понятие о научно-фантастической литературе

Вы уже знаете, что такое фантастическая литература. В ней изображаются не существующие в действительности события, существа, предметы. Если к изображению привлекаются научные и технические открытия, прогнозы развития человеческого общества в будущем, то такую литературу называют **научно-фантастической**. Её представителями являются Р. Бредбэри, Р. Шекли, Айзек Азимов и др.

То, что казалось невероятным в книгах этих и других авторов, уже не удивляет современного пользователя компьютера, мобильного телефона, цифровой фотокамеры и многих других технических изобретений. Человек осваивает морские глубины, земные недра и атмосферу, всерьёз мечтает о туристических полётах в космос... Однако научная фантастика себя не исчерпала, она продолжает увлекать смелостью мысли и оригинальными будущими решениями вполне настоящих проблем.

 Творчество Айзек Азимова неоднократно получало воплощение в других видах искусства. Особенно ярко представлено в кинематографе. Рассказ «Приход ночи», принёсший 22-летнему Айзеку славу, был дважды экранизирован. Цикл рассказов «Я, робот» экранизирован режиссёром А. Пройасом (2004). Известен также кинофильм «Двухсотлетний человек» режиссёра К. Коламбуса (1999).

Кадр из кинофильма
«Двухсотлетний человек».
Режиссёр К. Коламбус. 1999 г.

Вопросы и задания

1. О чём рассказ «Профессия»? Где и когда происходит его действие? Какие детали об этом свидетельствуют?
2. Кто такой Джордж Плейтен? Что известно о его родителях? Кто был другом Джорджа? Как ребята обычно общались? Какие у них были мечты?
3. Какие три важные события были в жизни землян? Когда они происходили?
4. Что произошло с Джорджем в День образования? Как он отнёсся к своему поселению в приют? Объясните, почему в начале рассказа сообщается, что в глазах Джорджа горел «неуёмный огонь».

5. Найдите в рассказе описание эпизода, изображённого на иллюстрации (с. 184). Как в тексте объясняются преимущества такого способа обучения чтению?

6. Установите последовательность событий из жизни Джорджа в рассказе.

А обучение чтению

Б желание стать программистом

В чтение книг по программированию

Г беседа с новианином

Д побег из приюта для умственно отсталых

7. Каким образом герои рассказа получали образование? Кто первый обратил внимание Джорджа на недостатки такого способа обучения? В чём они состояли? Что хорошего может принести способ обучения, придуманный Айзек Азимовым?

8. Подготовьте устное сочинение-рассуждение «Научная фантастика — окно в будущее».

СЛОВАРЬ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

Антите́за — это изобразительно-выразительное средство, которое подразумевает противопоставление слов, предложений, персонажей, ситуаций, описаний, эпизодов.

Балла́да — стихотворное произведение с острым напряжённым сюжетом, в основе которого лежит чаще всего историческое событие, народное предание или какой-то необычный, фантастический случай.

Были́ны — это народные эпические произведения, которые имеют героический сюжет и повествуют о подвигах богатырей, но при этом включают обязательный элемент чудесного.

Героическая повесть — это произведение, в котором изображены подвиги во имя великой цели — защиты родины, спасения людей.

Гипе́рбола — это художественный приём преувеличения, рассчитанный не на буквальное понимание, а на эмоциональное воздействие на читателя: какой-то признак приписывается герою или явлению в такой мере, в какой они реально им не обладают.

Детекти́в — художественное произведение (роман, повесть, новелла, пьеса) с особым типом конфликта и сюжета, в основе которого — расследование загадочного преступления.

Историческая повесть — произведение, созданное на основе исторического материала, с помощью которого писатель пытается осмыслить определённый период в истории народа.

Компози́ция — построение художественного произведения, расположение его частей, элементов и образов.

Лирический монолог — это литературный приём, служащий для передачи сокровенных мыслей и чувств персонажа.

Литерату́рный ха́рактер — отражённая в литературном произведении личность с присущими ей социальными и психологическими чертами. Характер героя проявляется в его поступках, речи, деталях портрета и интерьера.

Нау́чно-фантасти́ческая литерату́ра — это произведения, в которых кроме фантастических элементов изображены научные и технические открытия, прогнозы развития человеческого общества в будущем.

Новелла — небольшое прозаическое произведение, в основе которого необычное событие (новость).

Оригина́л — это текст-первоисточник, самобытное художественное произведение, которое является образцом для дальнейшего воспроизведения на другом языке.

Пейза́ж — описание природы в художественном произведении, образ природы в литературе или живописи. Он может быть одним из средств характеристики героя.

Перевод — передача текста, созданного на одном языке, средствами другого языка.

Повесть — эпическое произведение, которое характеризуется широтой охвата жизненных явлений и глубиной их раскрытия; это прозаический жанр, занимающий промежуточное место между рассказом и романом.

Портрет — в литературном произведении средство индивидуализации персонажа, изображение внешности героя: его лица, фигуры, одежды, манеры держаться.

Постоянный эпитет — это слово-определение, которое устойчиво сочетается с определяемым словом и обозначает очевидный постоянный признак предмета или явления.

Поэма — это крупное стихотворное произведение с повествовательным или лирическим сюжетом.

Символ — в художественном произведении это предмет или слово, условно выражающее суть какого-либо явления.

Собирательный образ — это художественный образ, который вобрал в себя черты не одного героя или явления, а множественных, то есть эти черты обобщены и объединяются целостной идеей.

Тонический стих — это народный стих, который имеет свои метрические особенности. Например, былины, как правило, написаны тоническим стихом, в котором допускается разное количество слогов в строке, но определённое число ударений — от двух до четырёх. В былинном стихе первое ударение падает на третий слог от начала строки, а последнее — на третий слог от конца строки.

Характер — совокупность духовных, психических особенностей человека, определяющих его личность и обуславливающих его поведение.

Художественная деталь — особо значимый элемент художественного образа, выразительная подробность, несущая смысловую и эмоциональную нагрузку. Она сообщает о событиях, действиях персонажей, об их облике, внутренней жизни и имеет самостоятельное значение.

Художественный перевод — воспроизведение литературного сочинения на другом языке.

Цикл (в литературе) — это группа произведений, объединённых автором или издателями в единое целое на основе общего замысла, тематики, сюжета, персонажей.

Эпический герой — это герой фольклорного эпического произведения (былины, думы, саги, сказания, поэмы), который действует в реальном историческом времени и наделён незаурядной физической силой, воинской доблестью, мудростью и изобретательностью.

СОДЕРЖАНИЕ

От авторов	3
ВВЕДЕНИЕ	4
ИЗ УСТНОГО НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА	6
Русские былины	6
Илья Муромец и Соловей-Разбойник	10
БАЛЛАДА В ЛИТЕРАТУРЕ	20
Василий ЖУКОВСКИЙ	21
Светлана	22
Фридрих ШИЛЛЕР	28
Перчатка	30
ИЗ ЗОЛОТОГО ФОНДА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	34
Александр ПУШКИН	35
Узник	37
Птичка	38
«Если жизнь тебя обманет...»	38
Цветок	39
Метель	41
Михаил ЛЕРМОНТОВ	53
Кавказ («Хотя я судьбой на заре моих дней...»)	54
Мцыри	55
Николай ГОГОЛЬ	69
Тарас Бульба (<i>В сокращении</i>)	70
РАССКАЗ И НОВЕЛЛА	90
Антон ЧЕХОВ	91
Хамелеон	92
Толстый и тонкий	97
О. ГЕНРИ	101
Последний лист	103
Артур КОНАН ДОЙЛ	110
Пёстрая лента (<i>В сокращении</i>)	111
Джеймс ОЛДРИДЖ	130
Последний дюйм (<i>В сокращении</i>)	131
ФАНТАСТИКА И РОМАНТИКА	150
Александр ГРИН	151
Алые паруса (<i>В сокращении</i>)	153
Айзек АЗИМОВ	180
Профессия (<i>В сокращении</i>)	181
<i>Словарь литературоведческих терминов</i>	197

Навчальне видання

**Бондарева Олена Євгенівна,
Ільїнська Ніна Іллівна,
Мацапура Валентина Іванівна,
Бітківська Галина Володимирівна**

ІНТЕГРОВАНІЙ КУРС

ЛІТЕРАТУРА

(російська та зарубіжна)
(російською мовою)

Підручник для 7 класу
загальноосвітніх навчальних закладів
з навчанням російською мовою

Рекомендовано Міністерством освіти і науки України

Видано за рахунок державних коштів. Продаж заборонено

Підручник відповідає чинній програмі з літератури для загальноосвітніх навчальних закладів. Він містить художні твори, теоретичні відомості, теоретико-літературні поняття, методичний апарат.

В оформленні обкладинки підручника використана ілюстрація *С. Бродського*.

В оформленні форзаців підручника використані ілюстрації художників:
*В. Васнецова, Е. Гау, А. Дудіна, П. Кончаловського, Е. Лейтона, П. Дж. Лінча,
В. Маковського, М. Марколін, Б. Ольшанського, Р. Смородинова*; кадр із кінофільму
«Тарас Бульба» (режисер *В. Бортко, 2008*).

Редактор *Ю. Ткаченко*
Художній редактор *О. Андрущенко*
Технічне редагування та комп'ютерна верстка *Л. Ткаченко*
Коректори *І. Барвінок, Т. Мельничук*

Підписано до друку 08.10.2015 р. Формат 70×100/16. Папір офс. № 1.
Гарнітура Петербург С. Друк офс.
Ум. друк. арк. 16,2. Обл.-вид. арк. 14,23. Умовн. фарбовідб. 50,00.
Наклад 3925 прим.
Зам. №

Видавництво «Грамота», вул. Паньківська, 25, оф. 15. м. Київ, 01133.
Тел./факс: (044) 253-98-04. Електронна адреса: gramotanew@bigmir.net;
www.gramota.kiev.ua

Свідоцтво про внесення до Державного реєстру України
суб'єктів видавничої справи ДК № 341 від 21.02.2001 р.

Віддруковано з готових діапозитивів видавництва «Грамота»
на ПП «Юнісофт», 61036. м. Харків, вул. Морозова, 13 Б.
Свідоцтво ДК № 3461 від 14.04.2009 р.